ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сборник материалов
научно-методологического семинара в рамках
Проекта «Пропаганда научных знаний»

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2019

ISBN 978-5-9694-0808-1

Москва
2019

ББК 67.411
У26

Рецензенты:
врио заместителя начальника
ФГКУ «ВНИИ МВД России» по научной работе – начальник НИЦ № 1,
доктор юридических наук, профессор ***С. А. Невский;***
старший эксперт 2 отдела УОГЗ МВД России,
кандидат юридических наук ***О. С. Ерохина***

У26 **Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства:** сборник материалов научно-методологического семинара в рамках Проекта «Пропаганда научных знаний». Научное электронное издание (2,10 МБ) / под ред. О. В. Химичевой – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019 – 224 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования: CUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0808-1

В сборнике представлены тезисы научно-методологического семинара, проведенного в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в рамках реализации Проекта «Пропаганда научных знаний». На семинаре обсуждались как общие вопросы гарантий прав и законных интересов личности в уголовном процессе, так и прикладная тематика: в частности, состоялась научная дискуссия по поводу обеспечения прав и свобод отдельных участников уголовного судопроизводства, особенности применения мер пресечения, уголовно-процессуальная деятельность следователя и дознавателя, проблемы доказывания и др.

Сборник материалов семинара может оказаться полезным для научно-исследовательской и образовательной деятельности преподавателей, научных работников, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов, непосредственно применяющих нормы уголовно-процессуального закона. Высказанные участниками семинара предложения по совершенствованию УПК РФ могут быть учтены и в нормотворческой деятельности.

ББК 67.411

ISBN 978-5-9694-0808-1

Научное электронное издание

В авторской редакции
Компьютерная верстка М. А. Калинин
13,02 усл. печ. л.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
http: //www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Р. Абдуллина
Интерпол и экстрадиция 7
Э. Н. Алимамедов
Вопросы ограничения состязательности сторон при окончании предварительного следствия 10
Ю. А. Артемова, И. Б. Тутынин
Использование СМС-оповещения в досудебном производстве по уголовному делу 14
К. В. Ашкатова
Организация восстановления имущественного права потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении 18
Ю. Ю. Барбачакова
Перспективы развития судебно-почерковедческой экспертизы 22
А. С. Басина, Д. А. Григорьев
Объяснения: проблемы применения в доказывании по уголовному делу 26
О. В. Волынская, А. С. Грачева
Законодательные и правоприменительные вопросы, возникающие при применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа 30
О. В. Гаврилова
К вопросу о процедуре осмотра места происшествия как неотложного следственного действия 36
Д. А. Григорьев
О досудебном производстве по уголовным проступкам 42
Н. В. Григорьева, Д. В. Богатырев
Влияние на развитие уголовного судопроизводства современных тенденций преступности в России 47
А. А. Емельянова
К вопросу о применении в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых мер процессуального принуждения, связанных с ограничением свободы 53
А. А. Ендольцева
Современные тенденции развития судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу 59
О. Е. Жамкова
Особенности применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа 62
М. Э. Жуйкова, Д. А. Григорьев
Запрет определенных действий как мера пресечения: зарубежный и российский опыт 67

О. Н. Игнатова
Основные тенденции развития института поручения следователя в уголовном судопроизводстве 71
Т. А. Ильяшевич
Тенденции развития дознания в сокращенной форме 77
В. В. Калашникова, Е. В. Семенкова
Реализация защитником полномочий по собиранию доказательств в уголовном процессе..... 80
К. И. Канарейкина, Д. А. Григорьев
Контроль и запись телефонных и иных переговоров как следственное действие 88
Д. К. Карагодин
Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа..... 92
Е. Н. Клещина, А. А. Феоктистова
О некоторых проблемах процессуального положения потерпевшего 96
А. А. Котова
Цели и перспективы введения запрета определенных действий как меры пресечения..... 100
Д. М. Крашенинников, Н. Ю. Емельянова
Особенности реализации мер государственной защиты при особом порядке судебного разбирательства..... 105
А. Д. Кузнецова, Д. А. Григорьев
Вещественные доказательства 109
Ле Зуи Хау, О. Е. Жамкова
Доказательства в уголовном судопроизводстве: сравнительная характеристика законодательства Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам 114
А. П. Лисова, М. В. Смирнов
Положение жертв преступлений в России 119
А. А. Мартынов
Актуальные вопросы прекращения уголовного дела (уголовного преследования) при добровольном возмещении вреда, причиненного преступлением..... 124
Н. В. Маслов, Л. А. Савина, Д. А. Мозговая
Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе..... 127
М. О. Медведева
Нормативно-правовое регулирование использования информационных технологий в расследовании преступлений..... 130
Н. А. Мулина
Перевод в уголовном судопроизводстве 135

А. Ю. Мысов, Н. В. Угольникова
Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации и Федеративной Республики Германии (сравнительно-правовой анализ) 139
Е. В. Ольшевский
К вопросу о процессуальных функциях следователя в досудебном производстве по уголовным делам 144
А. Н. Охлупина
Использование возможностей технологий нового поколения в целях криминалистического исследования подписей 149
Е. А. Пирзяева, С. В. Гурдин
К вопросу о собирании доказательств защитником в уголовном судопроизводстве 153
В. В. Пушкарев
Для чего необходимы субъектные доминанты в определении «уголовное преследование»? 159
Д. Р. Рустамов, Н. Ю. Емельянова
Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства 167
Е. Ю. Самолаева
Реализация права потерпевшего на применение процедуры сокращенного дознания 172
Ю. В. Сидоров
О вопросах изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении 176
Р. Б. Слоев, Н. Ю. Емельянова
К вопросу о медиации в уголовном судопроизводстве 180
А. Г. Соломатина
Протоколирование судебного заседания: актуальные проблемы и пути их решения 184
А. С. Суворов, Н. В. Маслов
Некоторые медико–криминалистические особенности диагностики повреждения одежды человека, причиненные выстрелами из охотничьего оружия 190
А. М. Султанова, С. В. Гурдин
Процессуальный порядок и особенности допроса подозреваемого или обвиняемого 192
И. И. Сухова
К вопросу о роли нравственных начал избрания мер пресечения, ограничивающих конституционные права личности 198
Д. С. Трынко
К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя в рамках ведомственного контроля 204

Н. П. Шевкопляс
Институт понятых как «рудимент» современного уголовного судопроизводства..... 209
К. Е. Шохов, С. В. Гурдин
Особенности расследования экологических преступлений 214
В. Ю. Яргутова
Допрос специалиста в суде и его доказательственное значение (на примере из судебной практики по делу о преступлении в сфере экономической деятельности)..... 221

Н. Р. Абдуллина[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИНТЕРПОЛ И ЭКСТРАДИЦИЯ

По состоянию на 2018 г. Интерпол представляет собой международную организацию, объединившую представителей 192 стран мира. Одной из основных задач, стоящих перед Интерполом, является составление и поддержка разных баз данных, которыми могут пользоваться правоохранительные органы всего мира. Интерпол обладает сведениями о преступниках, разыскиваемых лицах, похищенном имуществе, поддельных документах, сведений ДНК-профилей, отпечатках пальцев и др.[2]

Одним из наиболее важных направлений деятельности Интерпола является международный розыск преступников. Грамотное использование потенциала Организации позволяет на практике обеспечить реализацию принципа неотвратимости наказания для обвиняемых, скрывающихся от следственных органов за рубежом.

В каждой стране-члене этой международной организации есть свое отделение Интерпола, которое работает, основываясь на законах страны, в которой оно расположено. Экстрадиция лица напрямую связана с совершением данным лицом какого-либо преступления и объявлении его в международный розыск. Национальное бюро Интерпола той страны, в которой данное лицо объявляется в розыск, выпускает

---

[1] © Абдуллина Н. Р., 2019.

[2] Информация с сайта Международной организации уголовной полиции (фр. Organisation Internationale de Police Criminelle, OIPC, англ. International Criminal Police Organization, ICPO) //URL: https://www.interpol.int/.

«красный» циркуляр или «red notice» (международный ордер на арест или уведомление о розыске лица). Данные о лице, подозреваемом (обвиняемом) в совершении преступления, публикуются в соответствующей базе данных. На основании данного уведомления сотрудники стран-членов Интерпола обязуются арестовать указанного человека, если задержат его на территории своей страны.

Деятельность Интерпола при направлении уведомления «с красным углом» можно проследить на примере России. Генерал-майор полиции Прокопчук А. В., возглавлявший в 2016 г. НЦБ Интерпола МВД России, привел данные, согласно которым за последние 5 лет (информация актуальна по состоянию на 2016 г.) России выдали 900 подозреваемых[1].

Среди лиц, подвергшихся экстрадиции в Россию, был Александр Куковякин. В 2015 г. на сайте НЦБ Интерпола МВД России появилась информация о его задержании и решении вопроса об экстрадиции: «Компетентными органами Дубая (ОАЭ) задержан Куковякин Александр, 1960 г. р. Фигурант разыскивался по запросу ГУ МВД России по Свердловской обл. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 («Присвоение или растрата, совершенная организованной группой в особо крупном размере»), ч. 3 ст. 174.1 («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, совершенная группой лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения»). Куковякин находился в международном розыске с

[1] Интервью главы НЦБ Интерпола МВД России А. В. Прокопчука «Ежегодно России выдают 50 преступников, разыскиваемых Интерполом» от 30.09.2016 // URL : https://tass.ru/interviews/3664645.

целью ареста и экстрадиции. В отношении него было издано уведомление «с красным углом». На данный момент разыскиваемый помещен под стражу, решается вопрос об его экстрадиции в Россию».

Россия является участницей международных договоров об оказании взаимной помощи в розыске подозреваемых, обвиняемых и осужденных. На основании достигнутых договоренностей компетентные правоохранительные органы России исполняют запросы иностранных государств об оказании правовой помощи, экстрадиции задержанных лиц, а также направляют аналогичные запросы коллегам из зарубежных стран.

К сожалению, в последние годы экстрадиция становится инструментом политического давления и играет немаловажную роль при налаживании дипломатических отношений между государствами.

Отдельного внимания заслуживает вопрос реализации информации, получаемой от зарубежных партнеров по каналам Интерпола. Нередко поступившая информация не используется в расследовании преступлений и не способствует раскрытию уголовных дел и последующему привлечению к ответственности лиц, их совершивших. Так, страны-члены Интерпола используют пробел в процедуре Интерпола, а именно - используют «рассылки» (diffusion) самостоятельно: это позволяет ей попадать напрямую в базу данных, избегая проверки; учитывая, что объем рассылок очень большой, они проверяются постфактум.

При этом при осуществлении экстрадиции лиц с привлечением сил Интерпола играет роль и человеческий фактор, эффективность работы территориальных подразделений Интерпола падает из-за пассивности использования «red notice» - или «уведомлений с красным углом»

о розыске подозреваемых[1]. Нуждается в улучшении и взаимодействие между оперативными подразделениями и органами следствия. Одной из проблем является необоснованное прекращение розыска лица. Постановления о прекращении международного розыска лица выносятся по истечении нескольких месяцев после возникновения процессуального основания для принятия такого решения и наоборот. Зачастую сотрудниками направляются идентификационные мате-риалы, непригодные для отождествления личности, а установочные данные обвиняемых указываются некорректно.

Практика показывает, что грамотное использование баз данных и налаженное взаимодействие между странами-членами Интерпола способствуют повышению эффективности международного розыска лиц и их дальнейшей экстрадиции в страну-инициатор запроса.

[1] URL: https://www.interpol.int/About-INTERPOL/Commission-for-the-Control-of-Files-CCF

Э. Н. Алимамедов[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Последовательная и полная реализация принципа состязательности объективно обеспечивает справедливость правосудия. Именно поэтому право на состязательность последовательно закрепляется в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2], в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации и ст. 15 УПК РФ.

Особое значение принципа состязательности сторон на этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением видится в том, что он устанавливает такой правовой режим и характер правоотношений сторон, который позволяет правильно оценить доказательства, представленные сторонами, и вынести законное итоговое решение в процессе судебного разбирательства.

Однако состязательная форма уголовного судопроизводства действует на этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением весьма ограниченно. Причина такого положения во многом видится в том, что соответствующие нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие порядок окончания предварительного следствия с обвинительным заключением, были заимствованы

---

[1] © Алимамедов Н. Э., 2019.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), с Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) //
//URL: http://www.conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm (дата обращения: 01.10.2018).

из УПК РСФСР 1960 г., который принципа состязательности сторон не знал, в силу чего они морально устарели и требуют своего совершенствования в целях повышения эффективности современного уголовного судопроизводства в целом. В то же время уголовно-процессуальное законодательство ряда иностранных государств, а также положения о правах человека и гражданина в международно-правовых актах совершенно определенно указывают пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства РФ и всей уголовно-правовой системы международного сообщества.

Например, согласно ст. 298 УПК Республики Казахстан следователь по окончании расследования ознакомлением участников процесса с материалами уголовного дела и разрешения заявленных ходатайств составляет обвинительный акт[1]. Примечательно, что лицо, в соответствии со ст. 65 УПК Республики Казахстан, приобретает статус обвиняемого с момента утверждения прокурором обвинительного акта.

Результаты проведенного сравнительно-правового анализа убедительно показывают, что в УПК РФ существует пробел в отношении «процессуального положения» обвинительного заключения, которое не придает лицу никакого процессуального статуса, что противоречит его смысловому значению.

Так, в п. 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ установлено, что в обвинительном заключении указывается формулировка предъявленного обвинения. Если формулировка обвинения, указанная в обвинительном заключении, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // URL : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 01.10.2018).

о привлечении в качестве обвиняемого, то согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] суд возвращает материалы уголовного дела прокурору для устранения допущенных нарушений. На основании вышеизложенного представляется обоснованным сделать вывод о том, что суд признает обвинительное заключение процессуальным документом, который присваивает лицу процессуальный статус обвиняемого.

В целях совершенствования этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением требуется внести изменения в отечественный уголовно-процессуальный закон.

В частности, используя положительный пример УПК Республики Казахстан, а также приведенные в настоящей статье нормативные правовые акты и Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П[2], согласно которому пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении, предлагается придать обвинительному заключению статус процессуального документа, в соответствии с которым лицо приобретает статус обвиняемого.

Также предлагается внести и другие изменения в УПК РФ, например, логическим продолжением совершенствования этапа окончания расследования направлением уголовного дела в суд будет принятие

[1] СПС «КонсультантПлюс»; URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения 01.10.2018).

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений ст. ст. 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Российская газета. URL: http://rg.ru/2007/06/02/upk-konstituc-dok.html (дата обращения 01.10.2018).

единого процессуального документа (обвинительное заключение) для всех форм предварительного расследования.

Дополнительно предлагается ввести норму, позволяющую государственному обвинителю предъявлять новые обвинения в ходе судебного разбирательства. В качестве примера приведем положительный опыт применения УПК Республики Беларусь, где согласно ст. 301 (пределы судебного разбирательства) при возникновении, в ходе судебного следствия, необходимости предъявления нового обвинения суд, по ходатайству государственного обвинителя, делает перерыв на срок до 10 суток, в течение которого составляется новое обвинение.

Представляются актуальными предложения о повышении роли потерпевшего, его представителя и участников со стороны защиты при доказывании обстоятельств совершенного преступления, высказанные Д. А. Ивановым. Разработанные им предложения[1] позволят повысить качество проведенного расследования, результаты которого будут отражены в обвинительном заключении.

Сама структура обвинительного заключения, в котором последовательно излагаются доказательства, приводимые стороной обвинения и защиты, указывает на состязательный характер уголовного судопроизводства, однако сложившаяся практика составления обвинительного заключения следователем не предполагает какого-либо участия стороны защиты в данном процессе.

Представляется, что для обеспечения принципа состязательности сторон необходимо расширить полномочия защитника именно на

[1] Иванов Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 175–178.

этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением.

Абсолютно справедливым представляется мнение В. В. Пушкарева о том, что следователь должен приводить в обвинительном заключении доказательства, на которые ссылаются обвиняемый, защитник в редакции документа, предоставляемого стороной защиты после ознакомления ими с материалами уголовного дела[1].

При этом заслуживает внимания тот факт, вскрытый при анализе конкретной практики Европейского Суда по правам человека, что реализация принципа состязательности сводится им к предоставлению сторонам защиты и обвинения равной возможности ознакомиться с предоставленными другой стороной доказательствами и замечаниями и высказать свое мнение по ним, то есть к обеспечению процессуального равноправия сторон[2].

В этой связи следует также согласиться с А. В. Гриненко и его предложением о необходимости введения процедуры представления защитником письменных возражений на обвинительное заключение[3].

[1] Пушкарев В. В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016.– № 2 (25).– С. 126.

[2] Пушкарев В. В. Указ. соч., с. 127.

[3] Гриненко А. В. Доказывание в состязательном уголовном процессе (досудебное производство) // Вестник Московского областного государственного университета.– Серия «Юриспруденция». 2011.– № 3.– с. 243.

Ю. А. Артемова[1],
курсант факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
И. Б. Тутынин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМС-ОПОВЕЩЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В соответствии с положениями действующего уголовно-процессуального законодательства обвиняемый или подозреваемый, который находится на свободе, а также потерпевший, свидетель на стадии предварительного расследования вызываются на допрос и другие следственные действия повесткой. Кроме того, такие участники уголовного судопроизводства, как гражданский истец, гражданский ответчик, эксперт, специалист, переводчик и понятой, также не должны уклоняться от явки по вызовам следователя, дознавателя или суда, иными словами, могут быть вызваны соответствующей повесткой. Данная форма вызова является наиболее используемой следователями и дознавателями при расследовании уголовного дела.

Основные требования, которые предъявляются к повестке:

- установленная форма и содержание;

- доставляется как лично, путем вручения адресату или уполномоченному лицу, так и при помощи почты или телеграфа.

[1] © Артемова И. А., 2019.
[2] © Тутынин И. Б., 2019.

Лицам, получившим данный документ, следует разъяснять не только основное содержание, но и процессуальные санкции. В случае, если лицо, получившее данный документ, не явится по вызову, то к нему могут применены меры процессуального принуждения, предусмотренные разделом 4 УПК РФ.

В связи с этим возникает ряд проблем. Например, своевременность (несвоевременность) доставления повестки может послужить одной из предпосылок затягивания сроков предварительного расследования, необоснованного привлечения участников к уголовно-процессуальной ответственности, злоупотреблений должностных лиц правоохранительных органов и др.

В 2012 г. в связи с возникающими вопросами о возможности применения СМС-сообщений были внесены изменения в ряд Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих гражданское, административное и уголовное судопроизводство[1]. Так, помимо использования повестки существует еще одна форма оповещения (извещения) участников уголовного судопроизводства – личное оповещение следователем, дознавателем лица по телефону. Однако следует отметить, что изменения направлены на использование СМС-оповещения только в судебном производстве, о возможности применения такой формы в досудебном производстве не сказано.

Применение в судебном производстве подтверждается пунктом 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской

[1]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета.– № 5708 (35).

Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях», в котором сказано о том, что участники уголовного судопроизводства могут быть оповещены о судебном заседании посредством СМС-сообщения в случае его согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресату.

По нашему мнению, следует рассмотреть особенности применения СМС-оповещения в уголовном судопроизводстве, а именно в досудебном производстве на стадии предварительного расследования. Изучив Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. (ред. от 15 мая 2018 г.) № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству», от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» и работы отечественных авторов, следует сделать вывод о том, что процедура СМС-оповещения имеет ряд особенностей, которые характеризуют данную форму:

– Применение СМС-оповещения осуществляется только на добровольной основе, а также с согласия адресата.

– Необходим обязательный факт фиксации полученного СМС, то есть отправка сообщения может быть проверена при помощи запроса детализации звонков, то есть «отчета, в котором отображается

информация о входящих и исходящих звонках, СМС, интернет-соединениях»[1].

– В материалах уголовного дела должна находиться расписка, в содержании которой должны быть отражены следующие элементы: номер уголовного дела; фамилия, имя, отчество адресата; номер телефона; ответственность адресата. Расписка обязательно должна быть подписана собственноручно адресатом.

– Расписка составляется следователем или дознавателем один раз на любой стадии и действует в течение всего уголовного судопроизводства.

– Возможна процедура дублирования оповещения путем отправки повестки.

Отметим то, что уведомление участников уголовного судопроизводства таким способом следует использовать следователем или дознавателем только в тех случаях, когда есть факт добровольного согласия лица. Это в первую очередь проявляется в том, что участник сам просит о таком оповещении, приводя уважительные причины. Во-вторых, лицо должно дать согласие и знать о том, что ответственность за неявку по вызову данным способом равнозначна ответственности, которая возникает в случае использования повестки.

В случае умышленного удаления лицом СМС-оповещения возможно проконтролировать только факт отправки уведомления, проверить же содержание (текст) при помощи детализации не представится возможным.

[1] Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс : в вопросах и ответах; учебное пособие. 9-е изд., перераб. и доп.- М. : Проспект, 2018.– С. 288.

Факт отправки СМС-оповещения фиксируется оператором мобильной связи и отражается в детализации звонков и сообщений, текст уведомления может сохраниться только у адресата и отправителя.

Вопрос заключается в том, кто будет нести ответственность в случае, если сообщение не будет доставлено адресату. В данном случае следователь или дознаватель могут понести ответственность за ненадлежащее уведомление.

Добровольное согласие на СМС-оповещение возлагает на участника уголовного судопроизводства обязанность – ежедневно осуществлять проверку СМС-оповещений на телефоне. Это означает то, что если подтверждается факт отправки уведомления, то лицо является оповещенным. Перед подписанием расписки лицу следует учитывать все факторы, связанные с возможностью проверки электронных носителей (в том числе поломка телефона и сим-карты).

Оповещение участников уголовного процесса путем «бумажного» производства отходит на второстепенный план. Это обусловлено не только развитостью телекоммуникационных технологий, но и постепенным переходом всего производства на электронную форму. Считаем, что процедура СМС-оповещения требует не только упоминания в положениях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и возможности ее применения в судебном производстве, но законодательного закрепления в нормах действующего УПК РФ. По нашему мнению, использование процедуры СМС-оповещения в досудебном и судебном производстве будет отражать только положительные аспекты данной процедуры уведомления.

В связи с этим целесообразно дополнить ст. 188 УПК РФ ч. 2^1 в следующей редакции: «Свидетель, потерпевший, подозреваемый могут быть вызваны на допрос СМС-оповещением, в котором должны быть указаны: процессуальный статус участника и его фамилия, имя, отчество; дата, время и место следственного действия; процессуальный статус должностного лица, вызывающего на следственное действие, его фамилия, имя, отчество».

К. В. Ашкатова[1]
слушатель 2 факультета
Академии управления МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Положения УПК РФ, претворяя в жизнь нормы Конституции Российской Федерации, направлены на защиту прав и свобод человека, одним из которых является право на неприкосновенность собственности. Как свидетельствует статистика, посягательства на данное право являются самыми многочисленными среди иных видов преступлений. Так, согласно статистическим данным МВД России, в январе - сентябре 2018 г. зарегистрировано 1 490,9 тыс. преступлений, при этом половину указанных зарегистрированных преступлений (50,6 %) составляют хищения чужого имущества. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 419,6 млрд руб.[2]

Статья 6 УПК РФ называет назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Кроме того, в ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением. Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство ставит приоритетной задачу возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением.

---

[1] © Ашкатова К. В., 2019.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2018 г.: официальный сайт МВД России. URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/14696015/ (дата обращения: 19.10.2018).

Однако, как видно из практической деятельности, имущественные права потерпевшего, нарушенные преступлением, восстанавливаются не всегда быстро и не всегда в полной мере. Среди причин невозмещения вреда можно назвать следующие: реализация похищенного обвиняемым; ненадлежащее хранение изъятого похищенного имущества, подлежащего возвращению потерпевшему, повлекшее утрату его свойств; непринятие лицом, производящим предварительное расследование, мер обеспечения нарушенного преступлением вреда; умышленное укрытие подозреваемым (обвиняемым) собственного имущества с целью недопущения его отчуждения по результатам расследования в пользу потерпевшего.

Особую сложность представляет обеспечение мер по возмещению вреда в последнем случае, так как подозреваемый (обвиняемый) как до начала производства предварительного расследования, так и во время него может намеренно произвести действия по отчуждению своего имущества, чтобы избежать применения в отношении него такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество.

На наш взгляд, организация восстановления имущественного вреда должна начинаться еще на стадии проверки сообщения о преступлении. Особенно в тех случаях, когда из материалов проверки сообщения о преступлении известно о лице, совершившем преступление.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве

и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий. На наш взгляд, данных процессуальных и следственных действий достаточно, чтобы установить имущественное положение лица, совершившего преступление, что позволит в ходе предварительного расследования безотлагательно наложить арест на имущество подозреваемого (обвиняемого).

Уже сейчас в практической деятельности в качественно собранном материале проверки сообщения о преступлении содержится информация об имущественном положении лица, совершившего преступление: выписки из банковских счетов, выписка из Единого реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, данные о получении пенсии, справки из инспекции Федеральной налоговой службы, данные о наличии зарегистрированных транспортных средствах и т. д.

Хочется отметить, что получение некоторых из указанных данных (например, выписки по счетам из банков) требует продолжительного времени. Если перенести получение указанных данных в стадию предварительного расследования, то подозреваемый (обвиняемый), в отношении которого не избрана какая-либо из мер пресечения, связанная с ограничением свободы, может сокрыть свои денежные средства путем практически мгновенного их перечисления на иной счет с помощью сети «Интернет».

Представляется, что особенно актуален сбор данных об имущественном положении лица, совершившего преступление, при проверке сообщения о преступлении, совершенного в сфере экономики. Усложняется ситуация тем, что в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст.ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.4 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[1] разъяснено, что следует считать предпринимательской деятельностью. Кроме того, лица, совершающие экономические преступления, практически всегда имеют постоянное место жительства, положительные характеристики, то есть оснований для заключения под стражу, предусмотренных ст. 108 УПК РФ, не имеется. При такой ситуации подозреваемый (обвиняемый) в ходе предварительного следствия имеет возможность сокрыть имущество (переоформить его на иных лиц, продать, перечислить денежные средства и т. п.).

Напомним, что, как нами уже было указано выше, только качественно собранный материал проверки сообщения о преступле-

[1] СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru

нии содержит информацию о наличии какого-либо имущества у потенциального подозреваемого (обвиняемого). Уголовно-процессуальный закон не содержит норм, регламентирующих сбор указанной информации, что, на наш взгляд, справедливо, так как это, скорее, тактический ход. Наличие в материале проверки сообщения о преступлении указанной информации не является обязательным и свидетельствует, скорее, о добросовестном подходе лица, производящего проверку, к сбору материала. Однако сбор информации об имущественном положении лица, совершившего преступление, в ходе проверки сообщения о преступлении помогает решить проблему обеспечения возмещения вреда на стадии предварительного расследования. На наш взгляд, необходимо более детально регламентировать проверку сообщения о преступлениях, где указано конкретное лицо, совершившее преступление, в ведомственных нормативных правовых актах, где обязать лицо, производящее такую проверку, осуществить полный сбор информации об имущественном положении лица, совершившего преступление. Это будет способствовать защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещению потерпевшему причиненного преступлением имущественного вреда.

Ю. Ю. Барбачакова[1],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Одной из глобальных задач судебной экспертизы как науки является внедрение ее достижений в практическую деятельность, выраженную в производстве экспертиз и исследований. Данный принцип всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, закреплен в действующем законодательстве (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Почерковедческие экспертизы относятся к традиционным криминалистическим знаниям. В связи со спецификой и объемами производства почерковедческих исследований в научной литературе высказано мнение о возможности выделения общей теории судебного почерковедения как независимой области научных знаний[2] в качестве самостоятельного частно криминалистического учения.

Сформировавшись как самостоятельная отрасль, криминалистическое почерковедческое исследование является одним из консервативных знаний с точки зрения внедрения новейших разработок

[1] © Барбачакова Ю. Ю., 2019.
[2] Коровкин Д. С., Чернушенко Н. В. Понятие и предмет судебного почерковедения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.– 2017.– № 2 (74).– С. 136–138.

в практическую деятельность. Теоретические основы судебно-почерковедческой экспертизы разработаны в середине прошлого века и используются в современных реалиях с незначительными изменениями, что с одной точки зрения обосновано, так как учение о формировании письменно-двигательного навыка и его использование при идентификации личности достаточно полно. Поэтому основной интерес ученых сосредоточен на формировании теории судебно-почерковедческой диагностики[1] в качестве самостоятельного направления.

Обзор диссертационных исследований показал, что большинство ученых в области почерковедения посвящает исследования изучению малообъектных почерковых материалов, диагностических признаков почерка, при этом разработаны и предложены к внедрению в экспертную практику специализированные компьютерные программы. Полученные в итоге результаты понятны, поскольку основанная на вероятностно-статистическом методе исследования традиционная методика судебно-почерковедческой экспертизы работает на выполненных в обычных условиях больших массивах почерковых объектов. Однако при ограниченном количестве почеркового материала или в случае проявления общих признаков диагностического характера применение подобной методики вызывает затруднения. Исследователи рассматривают отдельные аспекты традиционной методики производства почерковедческих экспертиз с целью ее улучшения и дополнения[2].

---

[1] Негодина О. А. Этап современного развития судебного почерковедения // Вестник Томского государственного университета.– 2017.– № 415.– С. 200–205.

[2] Швец С. В. Обзор диссертационных исследований в области судебного почерковедения в современной России // Общество и право.– 2006.– № 3 (13) – С. 83–87.

Рассмотрение современных научных исследований в области судебного почерковедения демонстрирует актуальность проблем, некоторые из которых нашли свое теоретическое и практическое решение[1]. Бесспорно, большинство исследователей сходится во мнении о необходимости дальнейших комплексных исследований.

В практической деятельности экспертам-почерковедам все чаще приходится иметь дело с изображениями подписей и почерка (сканкопии, ксерокопии, электронные документы), отсутствие четких методик и требований к производству почерковедческих экспертиз по копиям документов приводит к формированию выводов о невозможности проведения исследований, выводы разных экспертов разнятся по одним и тем же объектам. В ЭКЦ МВД России было разработано информационное письмо, где сообщается, что в условиях современных реалий (развития информационных технологий и появления новых возможностей при изготовлении копий документов) зачастую при производстве судебно-почерковедческих экспертиз и исследований эксперты приходят к ошибочным выводам[2]. В связи с чем производство почерковедческих экспертиз в отношении изображений документов не допустимо. Так до настоящего времени данный вопрос остается дискуссионным. Необходимость проведения научных исследований и разработка методических рекомендаций по копиям почерковедческих объектов несомненна.

Обоснован интерес ученых в области изучения кратких записей и сходных почерков в связи с возрастанием документооборота и боль-

---

[1] Трушакова Н. А. Использование специальных почерковедческих знаний в непроцессуальной форме: от теории к практике // Вестник Московского университета МВД России.– 2017.– № 2.– С. 102–104.

[2] Информационное письмо ЭКЦ МВД России «Современные подходы к исследованию копий документов».– М., 2015.– С. 6–7.

шим применением оргтехники, использование рукописных записей сокращается, минимизировано их количество проставлением подписей. Наряду с появлением такого рода исследований, имеются научные разработки и по многообъектным почерковедческим экспертизам. Многообъектная идентификационная судебно-почерковедческая экспертиза по праву относится к наиболее сложным и трудоемким видам исследований в экспертно-криминалистической деятельности. Это обусловлено тем, что в ходе таких экспертных изысканий возникает целый ряд вопросов, связанных с порядком и содержанием проведения отдельных этапов и стадий производства экспертизы, группировкой объектов, особенностями оценки признаков почерка, организацией работы эксперта с материалами и т. д.

Большинство ученых обращает внимание на то, что в связи со спецификой производства почерковедческих экспертиз выводы по ним субъективны, возможны экспертные ошибки, влияющие на степень их категоричности, выход из сложившийся негативной ситуации видится в развитии кибернетических методов и применении компьютерных технологий. Однако практического широкого применения данные методы пока не получили, следует уделить большее внимание популяризации проведения таких исследований.

Перспективными направлениями развития почерковедения, как уже обращалось внимание, становятся диагностические исследования. Выполнение подписей и рукописей в каких-то необычных состояниях зачастую становится объектом судебного почерковедческого исследования. Необходимость установления конкретных обстоятельств дела обуславливает постановку таких вопросов перед

специалистами. Так, существенным фактом является наличие в подписи признаков заболевания писавшего, нахождение его в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, в состоянии сильной усталости. Согласно действующим методикам проведения почерковедческих экспертиз специалисты не выделяют, какие именно признаки выполнения в необычных условиях присущи тому или иному объекту исследования. Значительным вкладом в современное почерковедение будет проведение исследований в указанной области.

Еще одним из направлений изучения почерковых объектов является установление психологических свойств и состояний личности исполнителя рукописи по признакам его почерка. Представляется, что изучение психологических свойств и состояний личности по почерку существенно в тех случаях, когда возможности непосредственного изучения личности ограничены или отсутствуют вовсе, в то время как возможности по установлению некоторых психологических параметров личности по почерку имеются. Подобные ситуации нередко имеют место в ходе производства по уголовному делу, в особенности на начальном этапе расследования преступлений. Имеются попытки установления наиболее значимых для составления характеристики личности ее психологических свойств и эмоциональных состояний, проявляющихся в период исполнения текста, для последующего использования данной информации в целях расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Представляется, что подобного рода исследования являются актуальными в настоящее время, а результаты его могут быть использованы на практике.

А. С. Басина[1],
курсант института подготовки сотрудников органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
Д. А. Григорьев[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

ОБЪЯСНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Совершая общественно опасное деяние, лицо зачастую даже не задумывается о правовых последствиях, следующих за преступным событием. Получая сообщение о преступлении, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа приступают к проверке данной информации.

Одним из первоначальных процессуальных действий при осуществлении этой деятельности (проверки) является опрос лиц, которым что-либо известно относительно указанного выше деяния. Результаты опроса вносятся в процессуальный документ, который носит название «объяснения».

Порядок получения информации от очевидцев и участников общественно опасного деяния путем получения объяснений детально не регулируется в УПК РФ.

Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ были внесены изменения, которые

[1] © Басина А. С., 2019.
[2] © Григорьев Д. А., 2019.

позволяют производить ряд следственных действий и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Часто в объяснениях дается максимально точная информация о предшествующих данному деянию событиях, так как их в большинстве случаев получают непосредственно сразу после совершения общественно опасного деяния или момента, когда о таком деянии стало известно правоохранительным органам, а лица, подлежащие опросу, не успевают изменить или домыслить свои пояснения.

В дальнейшем, при допросах вышеуказанные лица могут значительно менять их, особенно это касается подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. В таком случае у следователя и дознавателя возникает проблема о приобщении данных объяснений в качестве доказательств и построении на них всей доказательственной базы, которая уличала бы лицо в его виновности.

Согласно положениям ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательствами являются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Данный перечень является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит, как и все нормы УПК РФ. Исходя из этого, возникает вопрос о возможности отнесения объяснений к какому-либо из видов доказательств.

В теории ученые видят возможность отнесения объяснений к трем видам доказательств – это вещественные доказательства, показания и иные документы[1].

По мнению ряда теоретиков[2], объяснения могут признаваться иными документами в соответствии со ст. 84 УПК РФ в том случае, если они содержат в себе данные об обстоятельствах, требующих доказывания, и если они получены в соответствии с требованиями закона; также объяснения для признания иным документом должны соответствовать общим признакам, присущим «иным документам» — это наличие соответствующих реквизитов, печатей, подписей; также они должны быть истребованы должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство, в ходе осуществления процессуальных действий.

Так как все вышеперечисленное в отношении объяснений не закреплено в УПК РФ, то, соответственно, можно сделать вывод, что объяснения нельзя признавать «иными документами».

Некоторые ученые предлагают признать объяснение вещественным доказательством[3], для этого, по их мнению, необходимо произвести целый комплекс процессуальных действий, а именно – произвести осмотр данных документов и приобщить к уголовному делу. Но возникает вопрос о достоверности данных доказательств, так как опрашиваемое лицо не предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, потому что он не обладает никаким

[1] Мамедов О. Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве.– 2016.– № 2.

[2] Терехин В. В. Допустимость материалов проверки как доказательств // Российский Следователь.– 2013.– № 13..

[3] Чуркин А. В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Российский следователь.– 2013.– № 17.

процессуальным статусом. Также проблема состоит в том, что вещественными доказательствами признаются только те доказательства, которые были собраны в ходе осуществления следственных и процессуальных действий, направленных на их собирание.

Также нельзя отнести объяснения к такому виду доказательств, как показания, так как показания получаются с помощью допроса от участников уголовного судопроизводства, которые обладают собственным процессуальным статусом, наделены самостоятельным комплексом прав и обязанностей в ходе производства отдельного следственного действия, производимого только после возбуждения уголовного дела.

Процессуальная коллизия заключается в том, что нет четкой регламентации получения объяснений с целью их дальнейшего использования в качестве доказательств. Исходя из этого, возникает целый ряд вопросов, которые необходимо разрешить путем дополнения УПК РФ.

Во-первых, необходимо определить, является ли опрос лиц самостоятельным следственным действием или опрос лиц – это вообще не относится к процессуальным действиям. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ процессуальное действие – это следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом. Так как получение объяснений, хотя и регламентировано в УПК РФ, но точной и всесторонней детализации не находит в нормативном правовом акте, поэтому мы не можем точно утверждать о статусе данного действия в настоящее время.

Во-вторых, не регламентируется процессуальный статус опрашиваемых лиц. Как мы знаем, каждое лицо, участвующее в уголовном

судопроизводстве, обладает комплексом прав и обязанностей, возложенных на них нормами УПК РФ. Одной из немаловажных обязанностей участников уголовного судопроизводства, за исключением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, является дача правдивых показаний.

Таким образом, целесообразно, чтобы опрашиваемое лицо предупреждалось об уголовной ответственности, но непонятно, на каком основании это могло быть сделано, если оно не является по смыслу закона полноправным участником досудебного производства.

В-третьих, необходимо установить порядок отказа лица от дачи объяснений и основания для такого отказа. К данным основаниям могут быть отнесены такие положения, как право не давать объяснения против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

В-четвертых, следует определить, какие уголовно-правовые меры целесообразно и допустимо применять к опрашиваемому лицу, чтобы не нарушить его прав и законных интересов. Кроме того, необходимо регламентировать, возможно ли применение в отношении этого лица привода или достаточно предупредительной меры – обязательства о явке.

Подводя итог вышесказанному, по нашему мнению, необходимо доработать нормы УПК РФ положениями, которые бы регламентировали статус действия – дачи объяснений; его порядок, круг лиц, от которых получаются объяснения, их права и обязанности, а также основания их отказа от совершения таких действий.

О. В. Волынская[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор;
А. С. Грачева[2],
слушатель института подготовки сотрудников
органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям – система правовых норм, регламентирующих полномочия компетентных должностных лиц, основания, условия и процессуальный порядок окончания производства по делу с разрешением дела по существу в специфической форме без вынесения приговора, означающего освобождение обвиняемого от уголовной ответственности. Применение нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел означает, что лицо, виновное в совершении преступления, в силу наличия определенных обстоятельств, предусмотренных законом, может быть освобождено от уголовной ответственности. По своему сущностному содержанию прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям есть не что иное, как отказ государства от реализации уголовной ответственности, отказ от реа-

[1] © Волынская О. В., 2019.
[2] © Грачева А. С., 2019.

лизации уголовно-правового отношения. Этот вывод сформулирован Л. М. Володиной в рамках исследования проблемы еще в 70-х гг. прошлого столетия[1]. С тех пор многое изменилось, и в настоящее время трудно согласиться с тем, что происходит отказ от реализации уголовно-правового отношения, ведь по своей сути реализация отношений уже началась, а происходит ни что иное как прекращение этих отношений. Сейчас это утверждение закреплено законодательно постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где говорится о том, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица), что посредством применения норм главы 11 УК РФ реализуются принципы справедливости и гуманизма.

С принятием Федерального закона от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ в российское законодательство введено новое основание освобождения от уголовной ответственности. Согласно ст. 76.2 УК РФ лицо может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. По данным на май 2018 г. по судебному решению прекращено 96 332 уголовных дела с применением судебного штрафа. Из них примерно 16 211 решений – на стадии досудебного

[1] Володина Л. М. Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования (ст. 6-9 УПК РСФСР) : дис. ... канд. юрид. наук.– Л., 1976.– С. 6–23, 27–34, 39–42.

производства, и более 80 120 – в ходе судебного[1]. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что новый вид уголовно-правового воздействия востребован практикой. Тем не менее возникает ряд вопросов при его реализации.

В соответствии со ст.ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ судебный штраф – это денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности. Судебный штраф не является уголовным наказанием и за собой последствий в виде судимости не влечет. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно при наличии следующих условий: лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Совершение таким лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности[2]. Возмещение имущественного ущерба возможно путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества, в материальной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате

[1] URL: www.https://rospravosudie.com/ (дата обращения: 21.05.2018).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»// URL:www.http://base.garant.ru/70404388/2cb9bddea07f9dfceecebba9d5bb6391.

преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. В таком случае возникает вопрос, могут ли быть возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами?

Например, в случае совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 199, 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу. Но в таком случае это противоречит норме уголовно-процессуального права, предусмотренной ст. 25.1 УПК РФ, ведь причиненный ущерб должен быть возмещен лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении данного преступления.

Следующим проблемным вопросом при применении судебного штрафа является определение его размера. Размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей особенной части УК РФ. А если такая мера наказания не предусмотрена в санкции статьи особенной части УК РФ, следовательно, в такой ситуации размер не должен превышать 250 тыс. руб. При этом суд, решая вопрос о размере судебного штрафа, должен учитывать тяжесть совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, наличие иждивенцев, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода. Но в таком случае очевидно, что имеет место

нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом. Более того, ст. 19 Конституции Российской Федерации закрепляет, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола и расы, и в том же числе имущественного и должностного положения, а также других обстоятельств. Таким образом, применение данного положения имеет ограничительный характер, действующий только при решении вопроса об уголовной ответственности, а судебный штраф – это мера уголовно-правового характера, однако это не свидетельствует о наличии нарушений каких-либо принципов уголовного судопроизводства. Так, 28.07.2016 г. дознавателем было возбуждено уголовное дело № 77291 по признакам состава преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, в ходе дознания от потерпевшего было получено заявление о том, что причиненный преступлением вред виновным ему был возмещен, претензий к виновному потерпевший не имеет, а именно – оплачено лечение и возмещен моральный вред на общую сумму 40 тыс. руб. 29 сентября 2016 г. дознавателем было вынесено постановление о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Данное постановление суд удовлетворил, назначив судебный штраф в размере 30 тыс. руб[1].

Кроме того, в УК РФ присутствует большое количество формальных составов, которые относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, следовательно, по данным составам наступление общественно опасных последствий имущественного или

[1] официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации// url: https://genproc.gov.ru

неимущественного характера, которые причиняют вред или ущерб физическим или юридическим лицам, отсутствует, так же как и лицо, пострадавшее от совершенного деяния. В таком случае представляется проблемным вопрос о возмещении причиненного ущерба.

Мировой судья судебного участка № 131 Центрального района г. Саратов своим постановлением от 12 ноября 2016 г. прекратил уголовное дело № 1–21/2016 в отношении А., которая обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации», со ссылкой на ст. 25.1 УПК РФ и назначил судебный штраф в размере 35 тыс. руб. Мировой судья мотивировал решение тем, что подсудимая впервые совершила преступление небольшой тяжести, ущерб преступлением не причинен, в содеянном раскаялась, положительно характеризуется по месту жительства. Но по смыслу ст. 25.1 УПК РФ гражданка А. обязана возместить ущерб, а этого не произошло, тем самым мировой судья прекратил дело в отношении лица, которое не выполнило всех установленных требований, а так как данный вред просто отсутствует и не могло совершить этого. В то же время в ст. 25.1 УПК РФ содержится требование: «иным образом загладить причиненный вред» что, по нашему мнению, предполагает восстановление возможности нормального функционирования общественных отношений в области порядка управления, которым деянием был причинен вред. Возникает вопрос: возможно ли рассматривать в качестве выполнения такого предписания позитивное поведение лица после совершения преступления,

снятие фиктивно зарегистрированного гражданина с учета и будет ли это свидетельствовать о восстановлении нормального функционирования порядка управления, которое является непосредственным объектом преступного посягательства. Полагаем, что наложение штрафа как возможность данным лицам освободиться от уголовной ответственности представляется гуманным подходом в сфере уголовной политики. При надлежащем применении институт судебного штрафа может оказаться достаточно эффективной мерой уголовно-правового воздействия, позволяющей государству реализовывать принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление.

В соответствии ст. 25.1 УПК РФ суд выносит промежуточное решение в виде удовлетворения ходатайства и назначение судебного штрафа либо об отказе в удовлетворении ходатайства. Проблема заключается в том, что отсутствует итоговое процессуальное решение, которое бы завершало производство по уголовному делу, что противоречит уголовно-процессуальному законодательству. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования, являясь итоговым решением, завершающим производство по уголовному делу, есть не что иное, как юридический факт, прекращающий уголовные и уголовно-процессуальные правоотношения. Но в таком случае происходит не что иное, как смешение законодателем двух видов решений – уголовного и уголовно-процессуального. Как было отмечено ранее, при вынесении судом решения по результатам рассмотрения ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначения ему меры уголовно-правового

характера в виде судебного штрафа правильнее было бы говорить о вынесении постановления о прекращении уголовного дела. Так как решение должно быть принято в регламентированном законом процессуальном порядке и оформлено в строгом соответствии с требованиями УПК РФ. Описательно-мотивировочная часть постановления должна включать фабулу дела и мотивировку принимаемого решения. Мотивировка решения должна четко отражать конкретные данные, свидетельствующие о том, что решение принимается законно и обоснованно, что оно справедливо. Решение о прекращении уголовного дела представляет собой разновидность итогового решения, его резолютивная часть должна содержать ответы на все правовые вопросы: основание прекращения, решение вопроса об отмене мер пресечения, решение судьбы вещественных доказательств, уведомление заинтересованных в исходе дела лиц, разъяснение права на обжалование решения, разъяснение потерпевшему, а также гражданскому истцу права на подачу гражданского иска.

По идее, предусмотренное ст. 25.1 УПК РФ постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должно внести свой вклад в решение данной проблемы.

В завершение хотелось бы отметить, что выявленные в рамках настоящей статьи проблемы имеют не только важную правоприменительную направленность, но и свидетельствуют об определенной пробельности права этого относительно нового для российского законодательства института.

О. В. Гаврилова[1],
преподаватель Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК НЕОТЛОЖНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Проблемы теории и практики осмотра места происшествия всегда актуальны для криминалистики. Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что вопрос активно рассматривается и обсуждается в работах отечественных ученых. Проблематика получила свое отражение в исследованиях Л. В. Винницкого, С. П. Ефимичева, Н. И. Кулагина, А. Е. Ямпольского, В. М. Логвина, И. М. Комарова, Е. Ф. Коноваловой, В. М. Чернявского и др.

Оперативное раскрытие преступлений в большой степени зависит от профессионального и квалифицированного осмотра места происшествия. Процедура осмотра места происшествия должна быть выполнена безукоризненно как с юридической точки зрения, так и с технической. В противном случае доказательства, в соответствии с УПК РФ, будут признаны недопустимыми и не смогут быть использованы при осуществлении правосудия.

Такое следственное действие, как осмотр места происшествия, позволяет установить истинную причину и обстоятельства преступления.

В теории криминалистики существует много определений понятия «места происшествия». Однако считаем, что приведенное нами

[1] © Гаврилова О. В., 2019.

определение понятия наиболее ясно, четко и лаконично раскрывает значение и криминалистического понятия: «Место происшествия – участок местности или помещение (а также и то и другое вместе), в пределах которого обнаружены материальные следы подготовки, совершения или сокрытия преступления»[1].

Под формулировкой «осмотр места происшествия» подразумеваются процессуальные действия, предусмотренные ст. 176 УПК РФ (осмотр места происшествия; местности, жилища) и ст. 278 КоАП РФ (осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений).

По нашему мнению, следует обратиться еще к одному термину «место преступления» – район совершения преступления или наступления преступного результата.

Осмотр места преступления является разновидностью осмотра места происшествия и осуществляется на основании и в порядке, предусмотренными УПК РФ. Установление в ходе предварительного расследования места преступления является обязательным. Присутствует неразрывная связь между местом происшествия и местом преступления, которая выражается в том, что: на одном из этих мест могли остаться орудия, с помощью которых было совершено преступление; преступные действия были направлены на объект, находящийся или находившийся на месте преступления; на предметах обстановки места происшествия неизбежно остались следы действий преступника или там могли остаться предметы, принадлежащие ему.

[1] Осмотр места происшествия : практическое пособие / под ред. В. М. Логвина.- М., 2013.

Считаем необходимым также дать определение термина «обстановка места происшествия» – все находящиеся на месте происшествия объекты, взятые в совокупности и взаимосвязи.

Необходимо также обозначить цели осмотра места происшествия: обнаружение, фиксация и исследование следов преступления, преступника и других вещественных доказательств, направленных на его розыск; исследование и фиксация обстановки места происшествия; выявление и фиксация негативных и иных обстоятельств; установление причин и условий, способствующих совершению преступления; установление административно-территориальных и географических координат места происшествия.

Достижение целей осмотра неразрывно связано и невозможно без решения общей и частных задач в ходе осмотра места происшествия.

Общей задачей осмотра места происшествия является установление механизма происшествия во всех деталях.

Частные задачи осмотра места происшествия неразрывно связаны с установлением следующих обстоятельств: кто совершил преступление; сколько было преступников; как они попали на место происшествия; какие следы остались на месте происшествия от их пребывания; каков механизм совершения преступления; использовались ли технические средства; если использовались, то какие; как преступники ушли с места происшествия.

Процедура осмотра места происшествия является одним из сложнейших следственных действий, требующих от лица, производящего расследование, проницательности, наблюдательности, логики мышления, мобилизации иных качеств личности, так как осмотр места

происшествия, являясь неотложным следственным действием, направлен, прежде всего, на установление, фиксацию и исследование обстановки места преступления, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события.

Говоря об успешном расследовании преступлений, следует особо обратить внимание на тот факт, что в большой степени оно зависит от полноты и качества работы сотрудников следственно-оперативной группы в процедуре осмотра места преступления.

Процедура осмотра места преступления должна быть выполнена сотрудниками, осуществляющими данные следственные действия, профессионально и квалифицированно.

При производстве осмотра места преступления изымаются разные объекты, так называемые «вещественные доказательства».

Говоря о методике обнаружения, фиксации и изъятия вещества или материала с места преступления, следует особо обратить внимание на тот факт, что она зависит от его природы, количества и той разыскной или доказательной информации, которую рассчитывают получить при их исследовании.

Для обнаружения, фиксации и изъятия с места преступления следов и иных вещественных доказательств применяются различные приемы и средства криминалистической техники: осмотр объектов в особых условиях освещения или под специально измененным углом зрения; осмотр объектов с помощью различных оптических средств.

У сотрудников, производящих осмотр места происшествия, не вызывает особых затруднений обнаружение значительных количеств и материалов в процессе осмотра места происшествия. Сложнее обстоит дело с их фиксацией и изъятием. Вещества и материалы могут быть токсичными и требовать соблюдения специальных мер безопасности при работе с ними; летучими, тогда их необходимо упаковать в герметичную тару; оказывать воздействие на упаковочные материалы, например, некоторые кислоты растворяют стекло; подвержены видоизменениям при определенных условиях. Эти обстоятельства трудно учесть без помощи специалиста.

Считаем необходимым особое внимание обратить на приемы фиксации следов и других вещественных доказательств – это фотографирование, измерение размеров следа или другого объекта, на котором обнаружен след, с целью закрепить этот след и сохранить его состояние и признаки (консервация), снятие копий (слепков) со следа; изъятие следов с места происшествия вместе с предметом или частью предмета, на которой находится след, или путем переноса следа на другую поверхность либо с отделением вещества следа. Все они относятся к технико-криминалистическим приемам и средствам, применяемым при осмотре места происшествия.

Результаты осмотра всего обнаруженного на месте происшествия, описание произведенных действий, запечатление как обстановки, так и свойств, состояния и признаков отдельных элементов места происшествия должны фиксироваться документально в установленной законом форме.

Нельзя не обратить внимание на следующее – объективность процедуры осмотра места происшествия проявляется в том, что лицо, производившее осмотр, обязано изучить обнаруженное с точки зрения всех возможных версий, без предвзятости и предубеждения. В протоколе, отражающем результаты осмотра места происшествия, не должны приводиться выводы, заключения и предположения.

С объективностью осмотра тесно связана его полнота – выявление, фиксация и исследование всех тех фактических данных, которые имеют доказательственное значение по делу. Для реализации этого требования при осмотре необходимо широко и умело применять научно-технические средства и приемы собирания и исследования доказательств.

Работа по проведению осмотра места преступления должна быть организована так, чтобы не упустить ни одного обстоятельства, имеющего значение для дела.

Залогом полноты и всесторонности осмотра являются наблюдательность, внимательность и терпеливость эксперта, следователя.

Сотрудник органа внутренних дел должен обладать умениями сопоставлять факты, выделять из большого массива следовой картины, обнаруженной на месте происшествия только то, что относится к совершенному преступлению, анализировать и оценивать полученные результаты. Полнота осмотра места происшествия означает такое поведение, которое исключает необходимость повторного осмотра по мотивам недостаточности первоначального.

Немаловажным моментом в процедуре осмотра места преступления является методичность. Методичность и последовательность заключаются в правильной организации и планомерном проведении осмотра. Методичность – это применение наиболее эффективных для данных объектов и в данной обстановке приемов осмотра; последовательность – строго определенный порядок действий.

Процедура осмотра места происшествия требует, чтобы все сотрудники органов уголовного преследования правильно понимали сущность данного следственного действия, его цели и задачи, умели тактически грамотно его проводить, а результаты эффективно использовать в раскрытии и расследовании преступлений.

Игнорирование осмотра места происшествия или небрежное его проведение, как показывает опыт практической работы, в значительной степени осложняют расследование преступлений, а порой делают невозможным установление всех обстоятельств его совершения.

Таким образом, профессионально-грамотный осмотр места происшествия является важнейшим следственным действием, которое способствует раскрытию сложных преступлений в кратчайшие сроки и по горячим следам.

Д. А. Григорьев[1],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ПРОСТУПКАМ

Как известно, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановлением № 42 от 31.10.2017 г. подготовил проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»[2]. Под последним здесь понимается преступление небольшой тяжести, за которое уголовным законом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Это означает, что государство последовательно проводит курс на либерализацию уголовного законодательства путем дифференциации преступных деяний и уголовной ответственности.

Следует указать на то, именно Верховный Суд Российской Федерации был инициатором принятия федеральных законов от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, № 324-ФЗ и № 326-ФЗ, которыми были декриминализированы некоторые составы преступлений небольшой тяжести[3].

В пояснительной записке к проекту закона приводятся статистические данные, что в результате принятия Федерального закона от

---

[1] ©Григорьев Д. А., 2019.

[2] URL : http://www.vsrf.ru/files/24307/.

[3] См. подр. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 425.

3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» только в первом полугодии 2017 г. судами по основаниям, предусмотренным ст. 76^2 УК РФ, было освобождено от уголовной ответственности с назначением в качестве иной меры уголовно-правового характера судебного штрафа 7 335 лиц, в том числе 239 несовершеннолетних.

По нашему мнению, к ним следует отнести и составы преступлений, ранее декриминализированных указанными выше законами.

Вопрос о введении в уголовное право термина «уголовный проступок» поднимался в 60-70-е годы прошлого века, когда рядом видных ученых[1] высказывалась идея выделения в уголовном законе такой группы общественно опасных деяний, как уголовные проступки.

По мнению Б. Я. Гаврилова и Е. В. Роговой, «законодательное закрепление категории уголовных проступков явится серьезным шагом к повышению эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Обособление большого количества преступлений небольшой тяжести и иных не представляющих большой общественной опасности деяний позволит правоохранительным органам сосредоточить свои усилия на выявлении, раскрытии и расследовании более опасных преступлений. А те органы расследования, к

[1] Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия «Право».– 1979.– № 2. - С. 7–8; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. – М. : Изд-во Московского университета, 1969.– С. 167–170.

подследственности которых будут отнесены уголовные проступки, свои усилия направят на борьбу именно с этой категорией противоправных деяний, обеспечив их расследование в режиме протокольной формы»[1].

Как правильно отмечает О. В. Качалова, «возможное введение уголовного проступка влечет за собой и необходимость изменения производства по такой категории преступлений: дифференциация норм материального права логично детерминирует и дифференциацию процессуальных норм, регламентирующих порядок производства по таким категориям преступлений»[2].

В настоящее время сокращенная форма дознания является наиболее упрощенным вариантом досудебного производства по преступлениям небольшой и средней тяжести. Но результаты деятельности органов дознания позволяют считать, что она не оправдала надежд. В 2016 г. прокурорами были направлены в суд около 88 400 уголовных дел, хотя по экспертным оценкам их должно быть в 3 раза больше[3].

Не вступая в полемику с другими авторами, предлагающими внесение изменений в УПК РФ в процедуру досудебного производства по уголовному делу, мы считаем, что в УПК РФ следует упразднить главу 32^1 «Дознание в сокращенной форме» и ввести раздел $XVII^1$ «Ускоренное досудебное производство» с главой 52^1 «Ускоренное досудебное производство».

---

[1] Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок : концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право.– 2016.– Вып. IV (XXXII).– С. 29.

[2] Качалова О. В. Ускоренное досудебное производства по уголовным делам : перспективы развития // Актуальные проблемы российского права.– 2018.– № 4 (89).– С. 123.

[3] Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности.– 2016.– № 5.– С. 12.

Мы полагаем, что ускоренное досудебное производство должно осуществляться в порядке, предусмотренном УПК РФ, с изъятиями, установленными главой 52^1. В частности, указанное производство следует осуществлять в отношении конкретного лица по сообщениям о преступлениях, перечисленных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, обстоятельства совершения которых очевидны и их доказывание не требует расследования в рамках возбужденного уголовного дела.

Данную форму досудебного производства следует распространить и при установлении в действиях лица признаков уголовного проступка.

Срок ускоренного досудебного производства должен варьироваться в зависимости от того, что будет расследоваться. По преступлениям небольшой и средней тяжести он должен составлять 10 суток, с возможным продлением не более чем на 5 суток, по уголовным проступкам не более 5 суток.

По нашему мнению, основанием ускоренного досудебного производства следует считать письменное указание начальника органа дознания при отсутствии обстоятельств, исключающих указанное производство.

О начале ускоренного досудебного производства должен быть уведомлен прокурор, а также заявитель и лицо, в отношении которого производится ускоренное производство. Также указанным выше лицам (кроме прокурора), разъясняется право обжаловать данное решение.

Орган дознания, дознаватель обязаны не позднее чем в указанный срок установить обстоятельства совершенного преступления (уголовного

проступка) в порядке, определенном ст. 144 УПК РФ, установить личность лица, совершившего преступление, получить от него объяснения, истребовать справку о наличии или отсутствии судимости, характеристику с места его работы или учебы, получить объяснения от очевидцев и иных лиц, а также другие материалы, имеющие значение для рассмотрения уголовного дела в суде.

Если говорить о мерах пресечения в отношении лица, совершившего преступление, то следует заметить, что, исходя из тяжести совершенного деяния, можно ограничиваться подпиской о невыезде и надлежащем поведении в отношении лиц, имеющих постоянную регистрацию. При установлении отсутствия последней необходимо лицо задержать на 48 часов.

Об обстоятельствах совершенного преступления органом дознания, дознавателем составляется протокол. После чего, признав собранные материалы достаточными для возбуждения уголовного дела и направления его в суд, начальник органа дознания либо дознаватель с согласия начальника органа дознания возбуждает уголовное дело и формулирует обвинение с указанием на соответствующие нормы УК РФ. Начальник органа дознания, дознаватель принимает решение о признании лица потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком. Этим участникам разъясняется право знакомиться со всеми материалами уголовного дела, иметь представителя, заявлять ходатайства, обжаловать действия органа дознания, дознавателя. О выполнении указанных действий делается соответствующая отметка в протоколе. Обвиняемому разъясняется сущность обвинения и его право знакомиться со всеми материалами уголовного дела, иметь

защитника, заявлять ходатайства, обжаловать действия органа дознания, дознавателя. О выполнении указанных действий делается соответствующая отметка в протоколе, копия которого вручается данному лицу.

При установлении в ходе досудебного производства в действиях обвиняемого уголовного проступка орган дознания, дознаватель с согласия прокурора ходатайствуют перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого в совершении уголовного проступка. Мы полагаем, что положения проекта закона об уголовных проступках, где говорится о том, что производство по делу может быть прекращено в отношении подозреваемого, следует упразднить. Это означает, что досудебное производство в отношении последнего должно продолжаться до признания его обвиняемым.

Начальнику органа дознания либо дознавателю с согласия начальника органа дознания следует предоставить полномочие возбуждать уголовное дело и формулировать обвинение по соответствующим нормам УК РФ. Если говорить о расследовании уголовных проступков следователем, то следует внести изменения в ст. 150 УПК РФ, указав на то, что только орган дознания, дознаватель осуществляют досудебное производство по уголовным проступкам. Установив, что в действиях подозреваемого по уголовным делам, подследственным следователю, есть признаки уголовного проступка, следователь с согласия руководителя следственного органа направляет уголовное дело в орган дознания для дальнейшего производства.

Рассмотрение ходатайств органа дознания, дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого в совершении уголовного проступка должно быть в компетенции мировых судей.

Остается надеяться, что ускоренному досудебному производству не будет грозить судьба дознания в сокращенной форме, так как подготовлены проекты закона о замене этой формы дознания ускоренным досудебным производством.

Н. В. Григорьева[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
Д. В. Богатырев[2],
курсант факультета подготовки сотрудников для оперативных
подразделений полиции Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Криминальная ситуация, которая складывается в настоящий момент в России, является достаточно напряженной, что подтверждает официальная статистика МВД России: в январе – сентябре 2018 г. зарегистрировано 1 490 900 преступлений. В результате преступных посягательств погибло 19 600 человек, а здоровью 30 100 человек в результате преступных посягательств был причинен тяжкий вред[3]. Во многом это объясняется тем, что на преступность, тесно связанную со всем укладом жизни общества, негативное влияние оказывают существующие в нем противоречия, приводящие к тяжелым криминогенным последствиям. На данный момент борьба с преступностью в Российской Федерации невозможна без повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений. Кроме того, одним из главных направлений деятельности по

[1] © Григорьева Н. В., 2019.
[2] © Богатырев Д. В., 2019.
[3] Состояние преступности за январь – сентябрь 2018 г. // URL: https://xnb1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics.

улучшению криминогенной обстановки в стране является эффективное совершенствование нормативной правовой базы, в частности уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Несомненно, динамика преступности из года в год оказывает влияние на уголовное судопроизводство. Тенденции преступности являются неким механизмом, двигателем развития уголовно-процессуальной политики, а за ней и совершенствования УПК РФ. За последние десятилетия уголовно-процессуальная политика приняла на себя ряд серьезных нововведений, выражающихся в модернизации судебной системы и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Значимые изменения претерпели уголовно-процессуальные институты, касающиеся реорганизации дознания, создания Следственного комитета Российской Федерации, изменения полномочий прокурора, применения мер пресечения, возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, прекращения уголовного дела и уголовного преследования о преступлениях в сфере экономической деятельности, изменения контрольно-проверочных производств, развития согласительных процедур и др. И все они были обусловлены влиянием на них тенденций преступности, в том или ином ее проявлении. Так, например, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УПК РФ был введен институт судебного штрафа, который позволяет прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, при условии, что данное лицо возместило либо иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Введение этого, несомненно, значимого института можно обосновать тем, что на момент издания вышеуказанного федерального закона в России наблюдался рост преступлений небольшой и средней тяжести – согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации[1] преступления небольшой и средней тяжести на 2016 г. составляли 79 % от общего количества преступлений, а точнее – 953 895 преступлений небольшой тяжести и 748 387 преступлений средней тяжести.

Можно привести еще пример: немалая доля преступников жаждет мести тем, кто дал показания против них, или лицам, написавшим на них заявление, что влечет за собой угрозы этим лицам, которые могут воплотиться в жизнь и часто воплощаются, от чего страдают невиновные люди. Вследствие этого значительное количество граждан, ставших жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников, либо не верят в эффективность государственной защиты. Отказ этих лиц от участии в предварительном расследовании влечет за собой затруднение уголовного процесса, на что законодатель среагировал соответствующим образом. В итоге на сегодняшний день в Российской Федерации имеется эффективная нормативная правовая база в области защиты прав потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в осуществлении уголовного судопроизводства. Основным нормативным правовым актом, устанавливающим систему мер государственной защиты данной категории лиц, является Федеральный закон от 20 августа 2004 г. (ред. от 7 февраля 2017 г.)

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2016 г. // URL : http://genproc.gov.ru/stat/data/13336134/.

№ 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1]. Система мер государственной защиты включает в себя меры безопасности и меры социальной поддержки в отношении потерпевших, свидетелей, частных обвинителей, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, их защитников и законных представителей, осужденных, оправданных, а также лица, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых, а также участвующих в уголовном судопроизводстве педагогов и психологов, гражданских истцов, гражданских ответчиков, законных представителей, представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Примером может выступать Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ[2], который исключил применение такой меры пресечения, как заключение под стражу, в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст.ст. 159 – 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст.ст. 171 – 174, 174.1, 176 – 178, 180 – 183, 185 – 185.4, 190 – 199.4 УК РФ, при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1 – 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Исключение заключения под стражу в отношении указанных лиц обусловлено уголовно-процессуальной политикой государства. Государство придерживается позиции минимизации количества лиц, находящихся под

[1] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. (ред. от 07.02.2017 г.) № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2004.– № 34, ст. 3534.

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011 г.) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2010.– № 1, ст. 4.

стражей и в местах лишения свободы в целях экономии средств, затрачиваемых на них. В то же время на момент вступления вышеуказанного закона в силу экономическая преступность находилась на своем пике – по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации на всей территории страны было зарегистрировано 428 792 преступлений экономической направленности, что и было причиной запрета использования вышеуказанной меры пресечения в отношении определенных лиц[1].

Подтверждением направления правовой политики государства, заключающейся в минимизации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, а также лиц, заключенных под стражу, может послужить Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ[2], который внес изменения в ст. 72 УК РФ, согласно которому время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3.2 и 3.3 ст. 72 УК РФ из расчета один день за: а) один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима; б) полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима; в) два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Также следует отметить, что на данный момент государство стремится к разработке и применению новых мер пресечения, которые будут являться альтернативой заключению под стражу.

---

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2009 г. // URL : http://genproc.gov.ru.

[2] Федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2018.– № 28, ст. 4150.

В рамках данного вопроса следует упомянуть о ст. 105.1 УПК РФ, которая была введена Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ[1] и предусмотрела новую меру пресечения «Запрет определенных действий», которая позволяет суду налагать определенные запреты в отношении подозреваемого или обвиняемого, например, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и др. Этим же законом установлено, что время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

Следует выделить основные направления динамики развития преступности, которые оказывают ощутимое влияние на уголовно-правовую политику: разделение преступности, а именно противостояние, с одной стороны, элитарной преступности, а с другой – маргинальной преступности и близких к ней по социальному статусу преступников; одновременная реактуализация средневековых преступлений, таких как пиратство, использование рабского труда, торговля людьми и т. д., и параллельное с ней развитие новых форм и видов преступности, основанных на биологических, технических и иных современных технологиях; развитие международной преступности; развитие рынка преступного капитала, запрещенных товаров и услуг; активное внедрение информационных и сетевых технологий в преступную деятельность; инвестиционная привлекательность,

[1] Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2018.– № 17, ст. 2421.

увеличение объема преступности, а также многократное увеличение размера совокупного вреда и доходов от преступной деятельности; внедрение преступности в социальную структуру общества, влияние преступности на социальные сферы общества.

Исходя из вышеизложенного, следует указать основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в свете основных тенденций развития преступности в современной России: устранение некой разбалансированности уголовно-процессуальных функций и полномочий участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения и защиты; выработка и закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и интересов участников уголовного производства, а также иных лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам; совершенствование механизма предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам; более широкое применение упрощенных процедур предварительного расследования; создание условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу; дальнейшее развитие согласительных процедур в уголовном судопроизводстве; введение новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда; расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном и частно-публичном порядке; совершенствование уголовно-процессуального порядка рассмотрения уголовных дел судом присяжных заседателей и др.

Подводя итоги, следует сказать о том, что содержание уголовно-процессуальной политики является ответной реакцией на динамику развития преступности. Уголовный процесс идет в ногу с преступностью, постоянно меняясь и вырабатывая что-то новое. Подобно выражению «Лень – двигатель прогресса» преступность является двигателем развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов, а также постоянного совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

А. А. Емельянова[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ОГРАНИЧЕНИЕМ СВОБОДЫ

В последнее время перед государством ставятся задачи не только эффективной борьбы с преступностью, но и обеспечения законности, усиления механизмов защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Правовая охрана несовершеннолетнего является одним из приоритетов и основным направлением уголовной политики как части общегосударственной политики на современном этапе развития российского общества.

Несовершеннолетние являются особой категорией в числе участников уголовного судопроизводства в силу особенностей социально-психологического и психофизического развития, что обусловливает необходимость дополнительных гарантий защиты их прав в рамках уголовного процесса, в частности, при применении мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Принуждение в своей сути ограничивает свободное волеизъявление лица, участников уголовно-процессуальных отношений, осуществляется помимо их воли, то есть непосредственно затрагивается сфера прав, свобод и законных интересов личности.

[1] ©Емельянова А. А., 2019.

В Постановлении от 3 мая 1995 г. № 4-П Конституционный Суд Российской Федерации «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» отмечал, что не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывает давление на сознание и поступки человека. Любой опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности должно противостоять право на судебное обжалование, которое гарантирует проверку в том числе законных оснований для вынесения решения о заключении под стражу, и защиту от произвольных ограничений этих прав.

Должностным лицам органов предварительного расследования при принятии решения об избрании той или иной меры процессуального принуждения необходимо соблюдать принцип законности, предполагающий выбор основания и соблюдение условий применения меры принуждения, а также учитывать особенности развития несовершеннолетних, их семейное, бытовое положение, влияние на них «авторитетов» из числа старших по возрасту лиц и другие обстоятельства.

Эффективность применения к несовершеннолетним мер принуждения может способствовать как предупреждению совершения ими преступлений в дальнейшем, так и их профилактике.

Меры принуждения заставляют лицо, в отношении которого они избираются и применяются, претерпевать определенные ограничения их прав, соблюдать те или иные запреты.

Особую озабоченность вызывает ограничение такого конституционного права несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, как право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации). В научной литературе оно относится к категории личных прав и свобод. Будучи по своей природе фундаментальным, оно базируется на международных нормах и принципах.

От понимания категорий права на свободу и личную неприкосновенность зависят законность и обоснованность производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования. В конечном счете это ведет к эффективному достижению непосредственно назначения уголовного судопроизводства, способствует исключению ограничения прав, причинения морального вреда участникам уголовного судопроизводства[1].

Это право означает, что лицо может совершать любые действия, не противоречащие закону, и при этом оно не должно подвергаться ограничениям.

Право неприкосновенности тесно связано с категорий свободы. В философско-правовом понимании свобода является смыслом, надеждой и целью человеческого бытия, естественной и неотъемлемой основой внутренней природы человека. Наряду с достоинством человеческой личности, свобода составляет фундамент всех индивидуальных прав, является главной ценностью права и критерием правового государства[2].

---

[1]Смирнов М. В. Правомерное ограничение свободы и личной неприкосновенности при производстве предварительного следствия» : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003.– С. 17.

[2] Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазаревой) // URL : http://kommentarii.org/konstitutc/page27.html.

Свобода человека именуется как независимость от стеснений и ограничений с чьей-либо стороны, проявляется в отсутствии препятствий к волевому действию; возможность делать то, что не приносит вред другому.

Свобода и личная неприкосновенность предполагают недопустимость ареста, заключения под стражу и содержания под стражей лица без соответствующего судебного решения. При этом до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке[1].

По смыслу приведенных положений Конституции Российской Федерации, всякое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры процессуального принуждения либо на основе норм материального права, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, исходя из его законодательно установленных пределов, притом, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».// СПС «Консультант Плюс» // URL : www.consultant.ru

лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности в контексте ст. 22 Конституции Российской Федерации и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу, которые, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы.

При этом в силу принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 49 Конституции Российской Федерации, до вступления в законную силу обвинительного приговора подозреваемые и обвиняемые, считающиеся невиновными в совершении преступления, не должны подвергаться ограничениям, которые в своей совокупности сопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более превышают его[1].

Задержание, подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу, обязательство о явке, привод — данные меры принуждения непосредственно ограничивают право несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на свободу.

При задержании ограничивается свобода лица на передвижение, это происходит в момент, когда к лицу применяются конкретные принудительные физические действия, обеспечивающие нейтрализацию его противоправных действий[2].

Подписка о невыезде и надлежащем поведении ограничивает право лица на выбор места пребывания в ином, отличном от адреса

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина».

[2] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. – СПб. : Питер, 2005. – 272 с.

места жительства, то есть снова ограничивается право на передвижение.

Обязательство о явке обязывает несовершеннолетнего своевременно являться к следователю, дознавателю или в суд, без оказания на него физического воздействия в отличие от привода, который заключается уже в принудительном доставлении к следователю, дознавателю или в суд.

В апреле 2018 г. в УПК РФ система мер пресечения была дополнена новой мерой, именуемой как «запрет определенных действий». Исполняя данную меру, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый подвергается обязанности соблюдать установленные судом запреты, одним из которых выступает запрет не покидать пределы жилого помещения в определенное время, свобода передвижения несовершеннолетнего непосредственно ограничивается.

Мера пресечения в виде домашнего ареста была введена в УПК РФ как альтернатива применению заключения под стражу[1]. Однако и домашний арест имеет свои негативные факторы, которые связаны с полной или частичной изоляцией несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от общества[2].

Однако такая изоляция, соблюдение определенных запретов не лишают несовершеннолетнего свободы, то есть он может свободно общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, если, конечно, суд не установит иное.

---

[1] Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого: Научно-практическое пособие / С. И. Данилова, Г. В. Костылева, И. Е. Муженская, О. И. Цоколова. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. – С. 3.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. П. Верина, В. В. Мозякова. – М.: Экзамен, 2004. – С. 262.

Несомненно, пробелом уголовно-процессуального законодательства является отсутствие понятия, что же все-таки представляет собой заключение под стражу.

Заключение под стражу в отличие от вышеуказанных мер не то, что ограничивает свободу лица, оно полностью лишает это лицо таковой, ибо помещается в специальные места содержания под стражей, что исключает существование всяческих контактов с внешним миром, общение замыкается кругом лиц, находящихся с ним в замкнутом пространстве данных учреждений, что представляет собой несомненно негативное обстоятельство.

Отсюда можно сделать вывод о том, что некоторые из перечисленных мер либо только ограничивают свободу, либо лишают таковой несовершеннолетнего. Ограничение представляет собой ущемление в чем-либо в определенной степени, однако лишение — когда у лица отбирается то или иное право.

Разграничение данных понятий важно для построения классификации мер принуждения в соответствии с раскрытием их содержания.

Таким образом, можно выделить следующую классификацию мер принуждения: 1) связанные с ограничением свободы: подписка о невыезде и надлежащем поведении; запрет определенных действий; домашний арест; обязательство о явке; привод; 2) связанные с лишением свободы: задержание; заключение под стражу.

А. А. Ендольцева[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Судебный контроль в уголовном судопроизводстве был и остается одной из животрепещущих тем, занимающих умы ученых. На протяжении многих лет роль судебного контроля изменялась, что непосредственно обусловлено политическим режимом, экономической ситуацией в стране и другими сопутствующими факторами в тот или иной период. Это связано с ратификацией важнейших международно-правовых актов, таких как Всеобщая Декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 19 декабря 1966 г., Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах, принятая 2 мая 1995 г., принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., которая закрепила права и свободы человека высшей ценностью государства, а также их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства (ст. 2), а позднее и УПК РФ 2001 г.

Н. А. Колоколов выделяет два вида оперативного судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу, называя его

[1] © Ендольцева А. А., 2019.

еще экстраординарным. Первый – превентивный (ст. 107-110, 114-118, 165, ч. 3 ст. 178, ч. 3 ст. 217 УПК РФ). Необходимо отметить, что в настоящее время к данному виду оперативного контроля, по нашему мнению, следует также отнести ст. 105^1, 106 УПК РФ. Второй вид – последующий неотложенный (ст. 125, ч. 5 ст. 165 УПК РФ)[1].

В данной статье хотелось обратить особое внимание на один из видов превентивного судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу, связанному с применением мер пресечения, избираемых по решению суда. Отметим, что за последние несколько лет число мер процессуального принуждения увеличивается. Несмотря на мнения известных ученых о том, что «перечень мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования является оптимальным, обеспечивающим конституционные права и свободы граждан и не требующим более расширения, так как их увеличение может способствовать волоките и усложнению уголовного судопроизводства»[2], законодатель не стоит на месте и вводит новые меры, а именно: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ установил меру пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105^1 УПК РФ). Порядок применения новой меры пресечения регламентирует ст. 108 УПК РФ, с ограничениями, предусмотренными ст. 105^1 УПК РФ.

Изменениям подвергаются и другие меры пресечения, избираемые по решению суда. Так, буквально на днях, в первом чтении был рассмотрен проект федерального закона «О внесении изменений в

[1] Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 24.

[2] Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда : монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 23.

статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части регламентации порядка неоднократного продления меры пресечения в виде содержания под стражей для ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока применения соответствующей меры пресечения». Согласно данному законопроекту в ч. 8 ст. 109 УПК РФ предлагается внести изменения, предусматривающие необходимость в ходатайстве следователя о продлении срока содержания под стражей указывать конкретные, фактические обстоятельства, подтверждающие необхо-димость дальнейшего применения в отношении обвиняемого меры пресечения в виде содержания под стражей в период его ознакомления с материалами уголовного дела, а в постановлении суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должна указываться конкретная дата, до которой продлевается такой срок, при этом продление указанного срока допускается каждый раз не более чем на 3 месяца[1]. Однако по данным изучения материалов архива Московского городского суда, в постановлении о продлении срока содержания под стражей судьями указывается дата, до которой продлевается срок содержания под стражей и непосредственно на сколько осуществляется продление. Отметим, что в данном законопроекте учитываются негативные ситуации, когда сроки содержания под стражей продлеваются менее чем на 3 месяца, например 30 суток, по делам, состоящим из сотен томов и с большим числом лиц, обвиняемых в совершении преступления. Согласимся, что в данном

[1] Проект Федерального закона № 508713-7 «О внесении изменений в ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части регламентации порядка неоднократного продления меры пресечения в виде содержания под стражей для ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока применения соответствующей меры пресечения» // URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/508713-7 (дата обращения: 10.10.2018).

случае продление срока каждый месяц загружает деятельность судов, так как ознакомление по данным делам длится порядка 7-10 месяцев. Также данный законопроект обязывает судей указывать в ходатайстве конкретные, фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу, что, на наш взгляд, позволит избежать формальных решений и заставит суды тщательным образом обосновывать вынесенное решение.

Исходя из изложенного, необходимо отметить современные тенденции (как позитивные, так и негативные), выявленные в области применения судебного контроля, а именно:

– возрастание роли судебного контроля в уголовном судопроизводстве за счет увеличения количества судебно-контрольных процедур;

– постепенное устранение правовой неурегулированности некоторых положений, связанных с осуществлением судебного контроля;

– приведение норм уголовно-процессуального закона о судебном контроле в досудебном производстве по уголовному делу в соответствие с практикой Европейского Суда по правам человека;

– не в должной мере законодательно проработанный механизм закрепления процессуальной формы судебного заседания по вопросам, возникающим в ходе досудебного производства;

– рост количества судебно-контрольных процедур и, соответственно, увеличение нагрузки на судебные органы.

О. Е. Жамкова[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

На фоне постоянного снижения количества уголовных дел, поступающих на рассмотрение в суды, и сокращения общего числа лиц, осуждаемых за совершение преступлений, имеет место увеличение в общей структуре судимости доли лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УПК РФ было введено новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования, в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). Введение данного института направлено на гуманизацию уголовного законодательства и совершенствование оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации.

За первое полугодие 2018 г. в суды поступило 457 357 уголовных дел, из них с ходатайством о прекращении уголовного дела с применением судебного штрафа – 9421. Судом было удовлетворено 8309 ходатайств о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа (за аналогичный период 2017 г. – 5142 ходатайства).

В соответствии с ч. 4.1 ст. 104.4 УК РФ судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от

[1] ©Жамкова О. Е., 2019.

уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности возможно, если преступление совершено впервые, относится к категории небольшой или средней тяжести, ущерб возмещен или вред заглажен иным образом, а лицо, совершившее преступление, не возражает против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Процессуальный порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа регламентирован ст. 446.1–446.5 УПК РФ, объединенными в главу 51.1 УПК РФ. Порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа предусмотрен как в ходе досудебного производства по уголовному делу, так и в ходе судебного производства.

В соответствии с ч. 3 ст. 212 УПК РФ при наличии оснований, предусмотренных главой 25.1 УПК РФ, следователь (дознаватель) в порядке, установленном ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, направляет в суд соответствующее ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление, в котором указывает одно из следующих решений (ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ):

– об удовлетворении ходатайства и прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ, и назначении лицу меры уголовно-правового

характера в виде судебного штрафа;

– об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, если сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении такого ходатайства, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства, либо уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

Если суд удовлетворяет ходатайство и прекращает уголовное дело (уголовное преследование), назначив меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, то в том же постановлении суда указывается срок, в течение которого лицо обязано оплатить судебный штраф (ч. 6 ст. 446.2 и ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ). В этой связи копия постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) вместе с исполнительным листом направляется судебному приставу-исполнителю. Исполнительный лист вместе с копией указанного постановления может направляться судом для исполнения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 393, ч. 2 ст. 446.4 УПК РФ).

Последствия неуплаты лицом судебного штрафа изложены в ст. 446.5 УПК РФ: суд по представлению судебного пристава-

исполнителя в порядке, установленном ч. 2, 3, 7 и 7 ст. 399 УПК РФ, отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору для дальнейшего производства по уголовному делу.

По смыслу ст. 446.5 УПК РФ положения этой нормы, в том числе о направлении материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору, подлежат применению только в тех случаях, когда судом отменяется постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, вынесенное в порядке ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ. В случае, когда постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначений меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа было вынесено судом в порядке, предусмотренном ст. 446.3 УПК РФ, суд отменяет постановление и продолжает рассмотрение уголовного дела в общем порядке.

Если в указанный в постановлении срок подозреваемый (обвиняемый) не уплатит судебный штраф, назначенный судом в качестве меры уголовно-правового характера, срок давности привлечения его к уголовной ответственности приостанавливается.

Изложив ч. 3 ст. 78 УК РФ в новой редакции, законодатель ввел новое основание приостановления срока давности освобождения от уголовной ответственности, когда подозреваемый (обвиняемый) уклоняется от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии

со ст. 76.2 УК РФ. В той же ч. 3 ст. 78 УК РФ указано, что течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

С учетом положений ч. 2 ст. 104.4 УК РФ лицо считается уклоняющимся от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ, если оно не уплатило такой штраф в установленный судом срок (до истечения указанной в постановлении суда конкретной даты) без уважительных причин.

Представляется, что исключением из данного правила могут быть случаи, когда исполнительный лист своевременно не поступил к судебному приставу-исполнителю, или по иным причинам у подозреваемого (обвиняемого) не было объективной возможности уплатить штраф в срок, указанный в постановлении суда (например, нахождение лица на лечении в стационаре, утрата заработка или имущества ввиду обстоятельств, которые не зависели от этого лица).

Анализ рассмотренных уголовных дел позволяет выявить ряд проблем, решение которых необходимо в целях совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Так, во-первых, законодательно не определен минимальный размер судебного штрафа. Согласно ст. 104.4 УК РФ размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей особенной части УК РФ. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Следует отметить, что законодателем не установлены критерии,

в соответствии с которыми определяется минимальный размер судебного штрафа, как-то: совершение лицом нескольких преступлений небольшой или средней тяжести, материальное положение лица, совершение лицом ранее преступлений, судимость по которым погашена, наличие прекращенных уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела.

Так, постановлениями Калужского районного суда Калужской области в отношении Т. С. Сыкалова и А. А. Сыкалова (дело 1-668/2016) прекращено уголовное дело и уголовное преследование по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ с назначением каждому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 3 тыс. руб[1].

Несмотря на то что законом не установлен минимальный размер судебного штрафа, представляется целесообразным установить минимальный размер судебного штрафа в размере 5 тыс. руб., что будет соответствовать ч. 2 ст. 46 УК РФ.

Во-вторых, законом не определен временной период, в течение которого должен быть оплачен судебный штраф. Согласно ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ, в постановлении о назначении лицу, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено с применением судебного штрафа, судья сам устанавливает срок уплаты штрафа с учетом материального положения указанного лица и его семьи. Как показал анализ правоприменительной практики, срок уплаты штрафа устанавливается в разных регионах судьями по-

[1] https://kaluga--klg.sudrf.ru.

разному. Например, суды Калужской области назначают сроки уплаты штрафа - от 20 дней до года[1]. По мнению автора, срок уплаты судебного штрафа в срок до года является чрезмерно большим, а складывающаяся судебная практика – несправедлива по отношению к разным лицам, к которым применяется данная мера. Именно на законодательном уровне следует установить те критерии и тот период времени, в рамках которого должен быть уплачен судебный штраф.

В соответствии со ст. 31 УПК РФ срок исполнения наказания в виде штрафа составляет два месяца. Соответственно, было бы логичным распространить указанный срок на исполнение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Иначе теряются смысл и целесообразность в применении данной меры.

Таким образом, следует согласиться с тем, что применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа направлено на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовно-процессуального законодательства, является продолжением уголовной политики по совершенствованию оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации. Вместе с тем, данный правовой институт нуждается в более четком урегулировании и совершенствовании.

[1] Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 14 Обнинского судебного района Калужской области в отношении А. В. Филимонова прекращено уголовное дело по ч. 2 ст. 183 УК РФ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 100 тыс. руб., который постановлено уплатить не позднее одного года со дня вступления постановления в законную силу.

М. Э. Жуйкова[1],
курсант института-факультета подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
Д. А. Григорьев[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Но это правило имеет исключения, установленные в том числе и УПК РФ. Одной из форм такого ограничения является применение мер пресечения. Вопрос применения мер принуждения, связанных с ограничением права неприкосновенности и свободы человека, уже неоднократно поднимался в научных трудах. Однако вследствие развития законодательства, а также внесения в УПК РФ изменений, этот вопрос не перестает быть актуальным и вызывать дискуссии в научных кругах и среди правоприменителей.

Так, 18 апреля 2018 г. Федеральным законом № 72-ФЗ в УПК РФ внесена новая статья 105.1, дополнившая перечень мер пресечения новым видом – запрет определенных действий.

Указанная мера, по мнению авторов законопроекта, должна стать альтернативой мере пресечения в виде содержания под стражей[3]. Стоит отметить, что изначально такой мерой была мера пресечения

[1] © Жуйкова М. Э., 2019.
[2] © Григорьев Д. А., 2019.
[3] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» // СПС «Консультант Плюс»// URL : http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.10.2018).

в виде домашнего ареста. Ее назначение в том, чтобы сократить число лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Для более эффективного ее применения были приняты следующие нормативные акты: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ[1], в соответствии с которым внесены изменения в ст. 107 УПК РФ, устанавливающие процедуру применения домашнего ареста как меры пресечения. Также дополнительные пояснения, касающиеся применения данной меры пресечения, даны в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41[2] и Постановлении Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134[3].

Приведенные акты значительно усовершенствовали процессуальную и техническую сторону режима применения меры пресечения в виде домашнего ареста, что соответственно поспособствовало единообразному ее пониманию среди правоприменителей, а также активизировало применение данной меры пресечения. Однако, согласно судебной статистике, домашний арест так и не стал полноценной альтернативой содержанию под стражей[4].

Безусловно, введение новой меры пресечения – очередная попытка государства усовершенствовать нормативную базу применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества.

---

[1] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» // URL : http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.10.2018).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант плюс»// URL : http://www.consultant.ru (дата обращения 22.10.2018).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 8, ст. 838.

[4] Данные судебной статистики Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации:// URL: http:// www.cdep.ru.

Стоит справедливо отметить, что мера пресечения в виде запрета определенных действий является абсолютно новой для российского уголовного процесса. Данного понятия не было ни в советском, ни в российском уголовно-процессуальном законодательстве[1]. Принимая во внимание данное обстоятельство, остановим свое внимание на международном опыте применения анализируемой меры пресечения.

В законодательстве отдельных зарубежных стран существуют нормы, закрепляющие в качестве наказания запрет правонарушителю приближаться к установленному в приговоре лицу (потерпевшему либо иному лицу), а также устанавливать с ним контакт. Например, уголовное право Испании предусматривает возможность запретить нарушителю находиться в местах, где он совершал преступления, или в месте проживания потерпевшего.

Запрет на приближение к потерпевшему или другим участникам дела — действительно часть международного опыта, причем не только дальнего зарубежья, но и перенятая нашими ближайшими соседями. Аналогичные нормы присутствуют в УПК Республики Беларусь, УПК Республики Казахстан, УПК Латвийской Республики, УПК Республики Молдовы.

Например, ст. 165 УПК Республики Казахстан[2] содержит положение о запрете на приближение, что относится к иным мерам процессуального принуждения. Данная мера заключается в запрете любыми способами контактировать с потерпевшим и другими лицами, участвующими в деле. В данном случае иная мера

[1] Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. — 2018. – № 7. – С. 35.

[2] УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. 12.07.2018) // URL : http://online.zakon.kz/

процессуального принуждения применяется в целях защиты потерпевшего и иных лиц, участвующих в деле.

Анализируя законодательную конструкцию новой меры пресечения, зарубежный опыт применения аналогичных мер принуждения, а также уже имеющиеся научные исследования данной проблемы, можно сделать вывод, что указанная мера является производной от уже известной – домашний арест. Запрет определенных действий как мера пресечения представляет собой избранный по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого запрет одного или нескольких определенных действий.

Уже 25 августа 2018 г. Басманный районный суд впервые применил в качестве меры пресечения запрет определенных действий. По судебному решению обвиняемому, директору ООО «Магистраль Телеком», запрещено выходить за пределы дома, общаться с другими лицами кроме близких родственников и использовать средства связи и Интернет.

Запрет на использование последних, по мнению правоприменителей, будет неэффективным, так как на современном этапе развития средств связи и Интернета создать контроль за поведением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого им кажется затруднительным.

По задумке законодателя, запрет на совершение определенных действий имеет своей целью сокращение государственных расходов на применение мер пресечения. Однако очевидно, что при имеющихся ресурсах Федеральная служба исполнения наказаний не способна осуществлять надлежащий контроль за подозреваемыми и обвиняе-

мыми, которым запрещено совершать определенные действия. На это необходимо заложить материально-техническую базу.

Если продолжить анализ зарубежного опыта, то следует указать, что в США подследственный самостоятельно платит частной охранной фирме, исполняющей предписание суда. Такой подход, на наш взгляд, не может быть принят в УПК РФ, так как нарушает принцип равенства перед законом в зависимости от финансовых возможностей лица.

Также определенные проблемы в исполнении рассматриваемой меры пресечения может создать отсутствие в тексте закона указания на возможность общения лица, к которому применена мера пресечения, с защитником. Законодатель говорит о том, что подозреваемый (обвиняемый) может связываться с экстренными службами, следователями и дознавателями, но ничего не говорится о возможности общения с защитником, хотя право на квалифицированную юридическую помощь и гарантируется Конституцией Российской Федерации.

Тем не менее, несмотря на все минусы, включение в УПК РФ запрета на совершение определенных действий можно расценивать с позитивной точки зрения, поскольку государство решило пойти по пути гуманизации и индивидуализации уголовно-процессуального законодательства. Использование запрета позволит отойти от готовых шаблонов традиционных мер и действительно достичь целей, которые стоят перед мерами пресечения.

О. Н. Игнатова[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОРУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Институт поручений в уголовном судопроизводстве уже значительный период времени имеет официальное закрепление в законе и на первый взгляд не претерпевает изменений со временем, не имеет проблем ни правового, ни прикладного характера. Однако, являясь инструментом борьбы с преступностью, уголовное судопроизводство в целом и каждый его элемент, в том числе такой способ реализации полномочий органа предварительного расследования, как поручение, оттачивается правоприменительной практикой, которая, в свою очередь, трансформируется в условиях меняющейся структуры преступности.

Современное общество, находясь на пороге квантового скачка, достигло не имевшего ранее аналогов уровня развития экономики, науки и техники, чрезвычайно обширных коммуникативных возможностей, связанных с использованием сети «Интернет» и мобильных средств связи. Однако этот аспект общественной жизни имеет и отрицательные последствия, в том числе в виде появления и развития новых форм и видов преступности. «Являясь подсистемой общества, преступность развивается вместе с ним, усложняясь в структурном и качественном отношении», - отмечал Ю. И. Скуратов[1].

[1] © Игнатова О. Н., 2019.

Так, последние пять лет характеризуются прогрессивным ростом различного вида мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, сети «Интернет», в том числе в виде хищения безналичных денежных средств.

Курс нашего государства на обеспечение свободы экономической деятельности послужил причиной, безусловно, положительного появления многообразия бизнес-моделей, которое, однако, повлекло за собой развитие преступлений экономической направленности.

При изучении тенденций развития института поручений следователя представляет интерес классификация поручений по категории их исполнителя и содержанию поручения. В соответствии с УПК РФ следователь:

– уполномочен давать поручения *органу дознания* о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ);

– вправе поручить производство следственных действий *следователю* в случае необходимости производства следственных действий в другом отличном от места совершения преступления месте (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

По содержанию поручения законодателем подразделяются на поручения: о проведении оперативно-разыскных мероприятий; о производстве отдельных следственных действий; об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве

[1] Развитие организованной преступности в России : системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 638–648.

иных процессуальных действий, то есть поручения, содержащие обеспечительные задания.

Собственная следственная практика и последующий опыт изучения уголовных дел автором позволяет сделать вывод о том, что еще лет 20 назад достаточно широко применялись условно названные в данной статье «обеспечительными» отдельные поручения следователей органу дознания: участковым уполномоченным и подразделениям по делам несовершеннолетних о сборе характеризующих данных на подозреваемого, обвиняемого (получении характеристики с места жительства и работы, сведений о судимости).

Развитие коммуникативных технологий, в том числе создание разнообразных он-лайн баз данных и обеспечение доступа к ним правоохранительных органов, фактически изжило необходимость направления таких поручений. Трудозатраты следователя на составление такого поручения аналогичны направлению собственноручного запроса, а временные затраты и срок ожидания результатов при поручении существенно увеличиваются. Кроме того, существенное изменение общественного устройства, широкое распространение внутренней и внешней миграции населения, а также коренное изменение форм трудоустройства (распространение индивидуальной предпринимательской деятельности, фри-ланса) исключили из следственной практики целесообразность изучения личности путем запроса характеристик с места жительства и работы.

Пожалуй, к претерпевшим со временем минимальные трансформации следует отнести поручения о проведении разыскных мероприятий: установлении лиц, совершивших преступление, обстоятельств

его совершения и местонахождения похищенного. Направление таких поручений и получение ответа входят в алгоритм обязательных мероприятий по уголовным делам о неочевидных преступлениях.

Поручения следователя о проведении конкретных следственных действий, напротив, серьезно изменились в настоящее время. Всеобщая тенденция к глобализации, развитие информационного пространства, с одной стороны, породили новые формы преступности, с другой - вывели преступность за пределы не только одного субъекта Российской Федерации, но и за ее территорию. В этих условиях институт поручения следователя, в частности о проведении конкретных следственных действий, приобрел особую актуальность.

Так, повсеместное использование малоизвестных еще 20 лет назад средств мобильной связи в настоящее время является источником получения доказательств при расследовании каждого третьего преступления и по каждому факту, когда мобильный телефон является предметом хищения или преступление совершено с его использованием. В соответствии со ст. 186.1 УПК РФ получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является следственным действием, проведение которого допускается на основании судебного решения. Часть 4 указанной статьи предусматривает возможность проведения данного следственного действия в срок до 6 месяцев, при этом на осуществляющую услуги связи организацию возлагается обязанность предоставлять следователю информацию не реже одного раза в неделю. В соответствии с ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ представленные документы должны быть осмотрены следователем. Очевидно, что большое количество таких

следственных действий и зачастую значительный объем полученной информации, подлежащей тщательному анализу, влечет за собой существенные временные затраты. Кроме того, создание в системе правоохранительных органов специальных подразделений, обладающих техническими возможностями и владеющих методикой анализа такого рода информации, предоставляет органам предварительного расследования возможность, с одной стороны, сократить сроки получения информации, а также работать лишь с информацией, представляющий интерес для расследования конкретного преступления. Таким образом, поручение следователя в данном случае можно рассматривать как некий эффективный способ разделения труда, при котором следователь освобожден от выполнения длительного по времени и объемного по количеству анализируемой информации следственного действия в пользу возможности заниматься процессуальной деятельностью, а орган дознания в ходе исполнения поручения осуществляет свои непосредственные полномочия.

Отмеченный выше фактор глобализации преступности, расширение ареала совершения преступлений послужили причиной существенного увеличения количества поручений, связанных с производством следственных или разыскных действий в другом месте. Отдельно необходимо отметить тот факт, что даже конкретное единичное преступление в настоящее время с объективной стороны зачастую имеет обширную географию. Так, в случае мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, сети «Интернет», а также хищений безналичных денежных средств, потерпевший в момент совершения преступления может находиться на расстоянии

несколько сотен или тысяч километров от лица, совершившего преступление. Более того, банковский счет, с которого произошло снятие денежных средств, может быть открыт в третьем месте, а снятие наличных произведено в четвертом. Очевидно, что в такой ситуации только институт поручений может обеспечить необходимую наступательность и эффективность расследования.

Количественное и качественное изменение практики поручения проведения следственных и иных процессуальных действий выявило некоторые проблемные вопросы, связанные, например, с пределами такого делегирования полномочий следователя. Круг процессуальных полномочий, которые следователь может поручить органу дознания или другому следователю, ограничен законом и не включает в себя принятие процессуального решения. Однако в результате легитимно проведенного следственного действия по поручению следователя может возникнуть необходимость срочного принятия процессуального решения, например, задержания подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ. Анализ следственной практики свидетельствует о неоднозначном подходе к решению таких ситуаций. Совсем нередки случаи, когда в случае установления местонахождения на территории другого субъекта Российской Федерации находящегося в розыске подозреваемого инициатор розыска делегирует своим коллегам из другой части России путем направления поручения свои полномочия по его задержанию в порядке ст. 91 УПК РФ и возбуждению перед судом ходатайства об избрании в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу. Данный пример является

ошибкой правоприменителя и нарушением пределов делегирования полномочий или вынужденной, обоснованной и легитимной мерой?

Рассматривая вопрос о тенденциях изменения института поручений следователя, связанных с необходимостью проведения следственных и иных процессуальных действий в отличном от места расследования преступления месте, нельзя оставить без внимания предусмотренную ст. 453 УПК РФ возможность внесения органом предварительного расследования запроса об их производстве на территории иностранного государства соответствующим компетентным органом или должностным лицом.

Несмотря на то, что законодателем по этой причине данный способ реализации полномочий следователя выделен в отдельную часть 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», не отнеся такие запросы к поручениям следователя, по своей природе, сущности и цели эти институты имеют много общего.

В настоящее время направление компетентным органам иностранного государства запросов о производстве отдельных, перечисленных в УПК РФ, следственных и иных процессуальных действий, уже не ограничивается кругом уголовных дел о трансграничных преступлениях. Увеличение количества преступлений, совершенных мигрантами, количества граждан Российской Федерации, совершивших преступление на территории нашего государства и скрывшихся от следствия и суда за его пределами, а также расширение возможностей для вывода полученных в результате совершения преступлений денежных средств за рубеж,

развитие оффшорных территорий являются причиной ежегодного увеличения количества таких запросов.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что эффективность института поручений следователя как инструмента распределения нагрузки, соблюдения разумных сроков расследования, повышения качества следствия положительно зарекомендовала себя как на практике, так и в научных исследованиях[1]. Однако данный способ реализации полномочий следователя в условиях его развития, трансформации целей и задач требует переоценки, дополнительного научного изучения и совершенствования регулирования законодателем.

[1] Захарова В. О. Использование инструментов делегирования в следственной деятельности (на примере развития института следственных поручений)» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 1(7). – С. 178.

Т. А. Ильяшевич[1],
старший преподаватель кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
Московского государственного технического университета
имени Н. Э. Баумана

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Возникновение дознания в сокращенной форме вызвано необходимостью упрощения процедуры расследования. С необходимостью упрощения производства по уголовным делам соглашается большинство ученых-процессуалистов, даже те, кто выступает с критикой дознания в сокращенной форме. Поэтому важно рассмотреть возможные пути развития данного института.

В 2015 г. МВД России был подготовлен и прошел этап независимой антикоррупционной экспертизы проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)»[2], который предлагает к введению раздел VIII.1 «Особый порядок досудебного производства» и главу 32.2. аналогичного названия, а также исключает главу 32.1 УПК РФ. Указанный проект во многом повторяет черты, присущие протокольной форме. В частности, особый порядок досудебного производства должен быть окончен в срок, не превышающий 10 суток.

По мнению Н. А. Власовой, «институт досудебной подготовки материалов в протокольной форме в отечественном законодательстве

---

[1] © Ильяшевич Т. А., 2019.

[2] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (подготовлен МВД России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».// URL : http://www.consultant.ru

основывается на выдержавшей испытание практикой идее, согласно которой по преступлениям небольшой тяжести обычное производство из-за своей громоздкости и сложности является неоправданным, влекущим излишние затраты, и потому для этих случаев целесообразна упрощенная процедура. Тем не менее, после 35 лет успешного применения возобладала точка зрения противников протокольного производства — оно исключено из проекта УПК»[1].

В современных условиях эта идея вновь актуальна, но в аспекте совершенствования дознания в сокращенной форме.

Т. К. Рябинина подчеркивает, что институт дознания продолжает оставаться главным объектом критики, чему способствует нечеткость границ между ним и предварительным следствием. На смену дознанию, фактически не отличающемуся от следствия, должно прийти другое дознание, приближенное к разыскному виду деятельности, более оперативное и эффективное в плане выполнения возложенных на него задач[2].

По мнению автора, в основу вносимых изменений должны быть положены следующие принципы:

1) принцип исключительности, позволяющий проводить упрощение только в отношении категории преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не превышают 3 года лишения свободы при совершении преступления в условиях очевидности:

– когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

---

[1] Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – С. 11.

[2] Рябинина Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 44 – 45.

– когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;

– когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления;

– лицо, подозреваемое в совершении преступления, не отрицает совершения им этого преступления;

2) принцип компенсации подозреваемому за упрощение процесса доказывания, реализующийся, в частности, через рассмотрение уголовного дела в суде в общем порядке, возможность оспаривания решения суда не только из-за процессуальных ошибок, но и в отношении фактических обстоятельств дела, возможности для суда снижения наказания на 1/3 при добровольном возмещении причиненного им вреда;

3) принцип компенсации потерпевшему за снижение размера наказания за счет полноценного возмещения причиненного ему вреда.

Срок проведения такого производства можно ограничить десятью сутками со дня поступления в орган предварительного расследования заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд.

В ходе такого порядка досудебного производства до составления обвинительного постановления должны производиться только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. Доказательства должны собираться в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере

причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления. Обязательно привлекается адвокат по правилам ст. 144 УПК РФ.

Предлагаемое упрощение компенсируется: 1) для подозреваемого через рассмотрение уголовного дела в суде в общем порядке, возможность оспаривания решения суда не только из-за процессуальных ошибок, но и в отношении фактических обстоятельств дела, возможности для суда снижения наказания на 1/3 при добровольном возмещении причиненного им вреда; 2) для потерпевшего через полноценное возмещение причиненного ему вреда.

В. В. Калашникова[1],
командир отделения 422 учебного взвода
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя;
Е. В. Семенкова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТНИКОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Собирание доказательств является частью сложного процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Как известно, наряду с собиранием процесс доказывания включает в себя проверку и оценку доказательств. В свою очередь доказательствами УПК РФ признает сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. В этой связи возникает закономерный вопрос о том, какое отношение к доказательствам и доказыванию имеет защитник?

Конституция Российской Федерации закрепила один из важнейших принципов состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства (ч. 3 ст. 123). Он нашел свое отражение в уголовно-процессуальном законе (ст. 15 УПК РФ), закрепляя гуманистическую направленность уголовного процесса и его ориентированность как на защиту прав и законных интересов потерпевших,

[1] © Калашникова В. В., 2019.
[2] © Семенкова Е. В., 2019.

так и на защиту самой личности от необоснованного и незаконного обвинения.

Вместе с этим в УПК РФ закреплено еще одно важное положение, в соответствии с которым бремя доказывания обвинения и опровержения доводов стороны защиты лежит на стороне обвинения. Всем комплексом прав по собиранию, проверке и оценке доказательств на стадии предварительного расследования наделены следователи и дознаватели, что практически купирует принцип состязательности на данном этапе процесса.

Анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, возможно прийти к выводу, что вся доказательственная база формируется за счет сил должностного лица органов дознания либо следствия. Сторона защиты может представлять доказательства следователю (дознавателю), после чего последний принимает решение об их приобщении к материалам уголовного дела. Такой вывод делается после оценки представленного доказательства на допустимость, достоверность, достаточность и относимость. Проблема выражается еще и в том, что некоторые должностные лица специально не приобщают материалы, предоставленные стороной защиты в качестве доказательств по какому-либо факту, тем самым осуществляют свою деятельность вопреки назначению уголовного процесса и совершают должностные преступления.

Говоря о доказывании, уголовно-процессуальный закон не упоминает, кто собирает эти доказательства (ст. 85 УПК РФ). Однако

в соответствии со ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом, а защитник обладает правом собирать доказательства путем:

1) получения предметов, документов и иных сведений;

2) опроса лиц с их согласия;

3) истребования справок, характеристик, иных документов от государственных органов власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Может показаться, что если в тексте этой нормы УПК РФ прямо говорится о собирании доказательств защитником наряду с органами уголовного преследования и судом, то защитник приобретает полные правомочия в основной части доказывания – собирании доказательств. Однако это не так, объявить право и гарантировать его реализацию – далеко не одно и то же. Анализируя нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», без труда возможно обнаружить, что адвокат вправе: собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, а также иных организаций; опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказа-

тельствами, в порядке, установленном законодателем Российской Федерации (ч. 3 ст. 5).

Как видим, в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и анализируемом Федеральном законе одна норма сформулирована в отношении прав адвоката-защитника различно: по кодексу защитник может собирать доказательства, а по Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат-защитник может собирать сведения, опрашивать лиц, собирать и предъявлять предметы и документы, которые могут быть признаны в дальнейшем доказательствами. На первый взгляд везде речь может идти об одном и том же – о передаче уполномоченным должностным лицам предметов, документов или определенных сведений, которыми располагает то или иное лицо, но называть их доказательствами опрометчиво, пока следователь (дознаватель) не примет решение об их приобщении к материалам уголовного дела.

Краеугольным камнем, таким образом, будет являться установленный перечень доказательств, закрепленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ (показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показание специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы). Согласно этой статье, только эта информация является доказательствами по уголовному делу. В представленном перечне отсутствует опрос лиц, а также предметы и документы, собранные адвокатом – защитником на основании ст. 86 УПК РФ.

Показания лиц появляются в деле только посредством допросов, очных ставок, т.е. следственных действий, исключительное право на проведение которых имеют только специально уполномоченные органы уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). Вещественными доказательствами признаются предметы, которые исследовались следователем и приобщены к делу его специальным постановлением (ст. 81 УПК РФ). Иные документы, которые приобщаются к делу, опять же, по усмотрению следователя (ст. 84 УПК РФ). Итак, например, опрос лица защитником станет доказательством по делу лишь в том случае, если следователь путем следственного действия – допроса – получит от этого лица показания. Точно так же обстоит дело с другими процессуальными действиями защитника по «собиранию» доказательств, предусмотренными ст. 86 УПК РФ. С этих позиций представляется спорной позиция законодателя о том, что защитник вправе собирать доказательства.

С. А. Шейфер писал, что «признать представленный объект доказательством, ввести его в дело, т. е. включить в систему уже собранных доказательств, – это исключительная прерогатива органа расследования, прокурора и суда. Принятие решения о приобщении предмета или документа к делу, в сущности, представляет собой акт закрепления доказательства, завершающий момент собирания (формирования) доказательства. Пока такое решение не принято – доказательства еще не существуют. Оно еще «не собрано, не сформулировано»[1].

[1] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. – Тольятти, 1998. – С. 45 – 46.

Ряд российских ученых высказывается о «параллельном расследовании», которое должен проводить защитник в целях реализации принципа состязательности.

З. Макарова определяет, что защитник собирает не доказательства, а фактические данные, обладающие свойством относимости, которым следователь придает свойство допустимости, в результате чего в уголовном процессе появляются доказательства[1].

Отдельные авторы говорят об иллюзорности «идей параллельного расследования», отмечая, что реализовать данную концепцию можно, лишь сломав систему российского уголовного процесса. Поскольку он является процессом смешанного типа. Многие в погоне за модным понятием «состязание» совершенно не отдают себе отчета не только в том, как это все будет выглядеть с точки зрения нравственности, а также – с точки зрения теории доказывания. Не допросив защитника в качестве свидетеля об источниках получения указанных данных, эти данные нельзя использовать в качестве доказательств по делу – закон же запрещает это делать»[2].

Ю. В. Кореневский и Г. П. Падва отмечают, что новый кодекс не принял идею расследования параллельно, в ходе которого защитник может самостоятельно собирать доказательственную базу ровно со стороной обвинения, но «достаточно весомо расширил права

[1] Макарова З. Состязательность нужна, но какая? // Законность.– 1999.– № 3. – С. 25.

[2] Макарова З. Состязательность нужна, но какая? // Законность.– 1999.– № 3. – С. 25.; Божьев В. П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. – 2000. – № 1; Громов Н., Лисоволенко В., Гришин А. Защита в состязательном уголовном процессе // Следователь. 1999. № 8. – С. 21; Алиев Т. Т., Громов Н. А., Макаров Л. В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М., 2002. – С. 49.

защитника в этом отношении, введя, таким образом, дополнительные элементы состязательности в уголовном судопроизводстве»[1].

Законодатель, указав на право защитника собирать доказательства, не определяет процедуру получения адвокатом сведений, документов и предметов. В связи с этим данная норма приобретает характер декларативности. Отдельные ученые говорят о том, что сведения, собранные защитником, должны являться доказательствами[2]. Аргументируя свою позицию, последние ссылаются на то, что, если защитник правомочен представлять доказательства, значит, может и собирать их. Мы не можем согласиться с данной позицией по указанным выше мотивам. Анализируя определение доказательства (ст. 74 УПК РФ), только суд, прокурор, следователь, дознаватель могут определить, станут ли тот или иной предмет, документ или сведения доказательствами по уголовному делу. Если субъектом собирания информации являются непосредственно эти участники, то уже наперед известно, что собранные сведения будут являться доказательствами. В случае, если сведения добыты защитником, говорить о том, что это доказательства, нельзя, так как неизвестно, установят ли властные участники наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, на основе этих сведений.

Опрос адвокатом лица, которому могут быть известны оправдывающие его подзащитного сведения, возможен только с согласия этого лица (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Данный опрос может быть

---

[1] Кореневский Ю. В., Падва Г. П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: практическое пособие. – М. : Юристъ, 2004. – С. 71.

[2] Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учебное пособие. – Самара, 2007. – С. 174–182; Горя Н. Принцип состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. №. 7. – С. 22; Шахкелдов Ф. Г. Участие защитника в доказывании на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2001.

произведен и частным детективом – по поручению адвоката, после заключения соответствующего соглашения. Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» дает адвокату такую возможность. В уголовно-процессуальном законодательстве не решен вопрос, должен ли адвокат в разговоре с опрашиваемым им лицом сказать, что является защитником подозреваемого или обвиняемого, или же достаточно просто согласия данного лица. Поскольку закон не говорит о том, как оформить результаты опроса, полагается, что адвокат может попросить у гражданина собственноручно записать данные им объяснения с указанием: анкетных данных опрашиваемого лица; фамилии, имени и отчества адвоката, а также номер юридической консультации, в которой тот работает; фактических обстоятельств, ставших известными опрашиваемому лицу. Как представляется, результаты опроса должны быть подписаны как опрошенным, так и самим адвокатом. Опрос коренным образом отличается от допроса. В первую очередь, допрос обеспечивается государственным принуждением. Дача показаний на допросе в большинстве случаев – обязанность, при опросе – лишь право. Допрос – следственное действие, опрос таковым не является. Чтобы факты, полученные защитником при опросе, стали доказательством, следователь или суд должны допросить опрошенное лицо с соблю-дением всех прав допроса, предусмотренных УПК РФ.

Пункт 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ дает адвокату право на истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных

объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии. Однако следует учитывать и то, что необходимые ему сведения, составляющие, например, государственную, коммерческую или другую охраняемую законом тайну, едва ли будут ему предоставлены только лишь на основании составленного им запроса. В таких ситуациях защитник должен заявить ходатайство об изъятии предлагаемых документов в рамках процессуальных действий, производить которые уполномочено должностное лицо органа предварительного расследования. Стоит сказать, что в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации срок исполнения запроса адвоката не указан, в связи с чем он фактически поставлен в зависимость от правил делопроизводства, действующих в той или иной организации, государственном органе.

Как показала практика, органы государственной власти, органы местного самоуправления и других организаций нередко игнорируют запросы адвокатов по истребованию документов. В законе не установлено никаких санкций за неисполнение запроса защитника. Это еще раз подтверждает, что в плане самостоятельности защитника в собирании доказательственной базы он полностью зависит от должностных лиц, ведущих предварительное расследование.

Данное мнение поддерживают В. Быкова и Н. Громова, которые считают, что «следовало бы в ч. 3 ст. 86 УПК РФ отразить, что защитник имеет право собирать сведения, представлять документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве дока-

зательств»[1]. Но, как считает А. Давлетов, в этой ситуации есть и положительный момент. Если раньше всякая инициатива адвоката в поиске новых доказательств и попытки их фиксации воспринималась органом предварительного расследования как незаконное противодействие, что было чревато неприятностями для адвоката-защитника, то теперь он вправе активно разыскивать информацию в пользу подзащитного и даже по-своему закрепляет ее.

Подводя итог, отметим: защитник в процессуальном порядке наделен правом собирать предметы, документы, сведения, но такие материалы должны будут пройти оценку органами предварительного расследования или суда. Выход из этой ситуации кроется не в предоставлении защитникам декларативной возможности собирать доказательства, а в определении определенной процедуры их сбора и приобщения к материалам уголовного дела.

[1] Громов Н., Лисоволенко В., Гришин А. Защита в состязательном уголовном процессе // Следователь. – 1999. – № 8. – С. 21; Алиев Т. Т., Громов Н. А., Макаров Л. В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М., 2002. – С. 49.

К. И. Канарейкина[1],
курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Д. А. Григорьев[2] старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

В настоящее время без использования самых совершенных технических средств, к числу которых относятся контроль и запись телефонных и иных переговоров (далее – «контроль и запись»), невозможно осуществить всестороннее и полное раскрытие и расследование преступлений, ведь техническое оснащение занимает важное положение в процессе производства предварительного следствия и дознания по уголовным делам.

Однако действующая на сегодняшний день процедура, предусмотренная нормами УПК РФ, не соответствует современным реалиям противодействия преступности, особенно ее организованным проявлениям.

Результаты этого следственного действия имеют первостепенное значение для раскрытия преступления, определения местопребывания и привлечения к ответственности лица, виновного в совершении преступления. Основной гарантией успешной борьбы с организован-

[1] © Канарейкина К. И., 2019.
[2] © Григорьев Д. А., 2019.

ной преступностью является баланс применения технических средств, сбора данных и строгого соблюдения прав и свобод человека и гражданина практическими работниками[1].

На сегодняшний момент среди ученых-процессуалистов нет принципиальных разногласий против анализируемого следственного действия, несмотря на то, что оно ввергается в сферу прав граждан на тайну телефонных и иных переговоров, так как контроль и запись зарекомендовали себя как эффективные средства противодействия преступности[2].

Анализ соответствующих норм УПК РФ позволяет говорить о том, что следователь, дознаватель проводят это следственное действие в двух случаях:

– для собирания доказательств о виновности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, чьи телефонные и иные переговоры будут прослушиваться;

– в целях обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц.

Следует указать, что необходимыми основаниями проведения контроля и записи являются возбужденное уголовное дело и установление категорий преступлений – средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Собрав нужную информацию о лице, в отношении которого будет осуществляться данное следственное действие, следователь выносит

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. – М., 2016. – С. 34.

[2] Кокорева Л. В., Кустов А. М. Процессуальные особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров как меры безопасности участников уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. – 2017.– № 4 (44). – С. 105–110.

постановление о проведении следственного действия или обращается с ходатайством о производстве этого следственного действия в суд.

В ч. 3 ст. 186 УПК РФ законодателем перечислены требования, предъявляемые к ходатайству следователя о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров.

Разрешение суда о производстве контроля и записи не требуется, если следователь самостоятельно принимает решение о проведении по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в их отношении, в целях обеспечения их безопасности. Если нет письменного заявления от указанных лиц, то следователь обращается в суд.

В случаях отказа судьи на проведение контроля и записи после рассмотрения им ходатайства следователя и других представленных материалов уголовного дела это следственное действие не может быть проведено. К сожалению, в УПК РФ не указаны причины отказа судьи в разрешении на проведение контроля и записи переговоров между обозначенными в постановлении следователя лицами. В каждом конкретном случае судья руководствуется личными мотивами.

Сведения, которые получены следователем или дознавателем в процессе контроля и записи телефонных и иных переговоров, помогают им понять причину поведения обвиняемого при даче им заведомо ложных показаний, получить значимую информацию о его

роли в преступной группе или в преступном сообществе, его связях, удостовериться в достоверности показаний.

Согласно ч. 5 ст. 186 УПК РФ производство контроля и записи может быть установлено на срок до шести месяцев. Однако если надобность в данном следственном действии отпадает, то следователь должен вынести новое постановление о прекращении его производства до истечения указанного срока, но не позднее окончания предварительного следствия по уголовному делу.

Также производство контроля и записи прекращается при приостановлении предварительного следствия по уголовному делу. В случаях, если необходимость контролировать телефонные и иные переговоры остается, то следователь имеет право дать письменное поручение органу дознания о проведении данного действия в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где такое оперативно-разыскное мероприятие включает в себя прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Требования о процессуальном оформлении полученной сводки контроля и записи содержатся в ч. 7 ст. 186 УПК РФ. Официально осмотр и прослушивание фонограммы следователь проводит в случаях необходимости с участием специалиста в области звукозаписи. Данная норма также гласит, что должны быть приглашены и лица, чьи телефонные и иные переговоры записаны. Мы полагаем, что здесь законодатель недостаточно внятно выразил свою позицию. Если речь идет о фиксации переговоров самих

потерпевших, то их нужно вызывать для прослушивания фонограммы.

Мы считаем, что эти правила не касаются подозреваемых, чьи переговоры были прослушаны и их личности пока еще не были установлены, обвиняемых, находящихся в розыске или если к ним применена мера пресечения. Вызывая их для прослушивания фонограмм, следователь тем самым ставит их в известность о результатах проводимого следственного действия, его содержании, лишая себя важной доказательственной информации, и дает им возможность противодействовать дальнейшему расследованию по уголовному делу.

Это же правило, по нашему мнению, должно распространяться и на случаи приглашения для прослушивания полученной следователем фонограммы переговоров и свидетелей (за исключением тех случаев, когда контроль и запись их переговоров осуществлялись на основании их письменного заявления, в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ), потому что в ходе расследования (особенно на начальном этапе) не всегда удается установить роль в расследуемом уголовном деле каждого свидетеля, его связи с подозреваемыми, обвиняемыми. Лицо, являющееся свидетелем на этом этапе расследования уголовного дела, нередко в дальнейшем признается обвиняемым. Мы полагаем, что в ч. 7 ст. 186 УПК РФ следовало внести положение о том, что по усмотрению следователя, кроме понятых и специалиста, для осмотра и прослушивания фонограммы могут быть приглашены потерпевшие и другие лица, перечисленные в ч. 2 ст. 186 УПК РФ.

Есть проблема в том, к какому виду доказательств надлежит отнести фонограммы телефонных и иных переговоров. Положение ч. 8 ст. 186 УПК РФ гласит, что последние следует отнести к вещественным доказательствам.

Но есть случаи, когда не во всех телефонных и иных переговорах содержатся сведения, которые в дальнейшем будут признаны доказательственной информацией. Поэтому следователь должен регулярно знакомиться с промежуточными результатами контроля и записи, делать пометки о доказательственной информации, чтобы в дальнейшем приобщить последнюю к материалам уголовного дела.

Мы солидарны с мнением К. И. Попова о том, что «фонограмма записи телефонных и иных переговоров – это фактические данные, на основании которых можно установить наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»[1].

Резюмируя, мы должны указать, что не всегда законодатель своевременно вносит изменения и дополнения в УПК РФ, чтобы органы предварительного расследования успешно противодействовали преступности.

[1] Попов К. И. Использование в доказывании результатов контроля и записи переговоров // Правопорядок: история, теория, практика. № 1 (2). - С. 140.

Д. К. Карагодин[1],
курсант Военного университета
Министерства обороны России

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Относительно новым институтом в российском законодательстве является судебный штраф. Такое новшество дает возможность не быть подвергнутыми уголовной ответственности лицам, показывающим свое исправление и без применения уголовно-исполнительных мер.

Так, судебный штраф появился с внесением поправок в уголовный закон Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. В УК РФ данная мера установлена в ст. 76.2 в списке оснований для освобождения от уголовной ответственности, а также в главе 15.2, определяющей сущностную составляющую и порядок исчисления его размера. В УПК РФ определен порядок прекращения уголовного дела или преследования в связи с назначением судебного штрафа на всех стадиях процесса, а также инструменты обеспечения этой меры.

Характер судебного штрафа не только карательный, но и компенсационно-восстановительный. Его уплата освобождает от уголовной ответственности, заставляет задуматься о небезнаказанности своих действий. Но его неуплата влечет к привлечению лица к уголовной ответственности.

Отмечаю, что институт судебного штрафа был введен по инициативе Верховного Суда Российской Федерации; основной целью нововведения является гуманизация уголовного законодательства.

[1] © Карагодин Д. К., 2019.

Судимость – это категория не формальная, а в некотором смысле функциональная, то есть предусматривающая определенные правовые последствия. Как, например, предусмотренные рядом законов отношения: ограничения на занятия определенной деятельностью, ограничения в праве усыновления, занятия определенных должностей и др.

К вопросу о судебной практике по данному вопросу можно обратиться в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 7.1).

Назначение судебного штрафа по уголовному делу по УК РФ возможно в следующих случаях:

– лицо, преследование в отношении которого предполагается к прекращению, совершило преступление впервые. Но совершенное впервые преступление может означать формальное отсутствие уголовной ответственности за ранее совершенное этим лицом деяние. Речь идет о совершении в прошлом одного или нескольких уголовно наказуемых деяний, ни за одно из которых обвиняемый не был осужден; совершении преступления лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности; совершении преступления лицом, в отношении которого есть не вступивший в законную силу приговор суда; совершении преступления лицом, в отношении которого есть вступивший в законную силу приговор суда, но его правовые последствия

были аннулированы; совершении преступления лицом, в отношении которого есть вступивший в законную силу приговор суда, но деяние, за которое он был вынесен, было декриминализовано;

– речь идет об уголовно наказуемом деянии небольшой или средней тяжести;

– потерпевшему возмещен ущерб в полном объеме или иным образом заглажен вред, причиненный преступлением. Причиненный преступлением вред выражается в последствиях для здоровья человека, ущербе имуществу гражданина, организации или государства, нарушении прав граждан и организаций и др. В п. 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 перечень возможных способов заглаживания лицом вреда является далеко не исчерпывающим. Заглаживание вреда может выражаться в извинениях, материальной компенсации, других действиях. Форма заглаживания причиненного преступлением вреда законом не определена. Согласно п. 3 этого постановления возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда может производиться не только непосредственно самим лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий. Обещания лица, совершившего преступление, загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности путем назначения судебного штрафа.

Что касается правил исчисления размера судебного штрафа, то учитывается материальное положение обвиняемого и членов его

семьи, тяжесть совершенного уголовно наказуемого деяния, существующие доходы обвиняемого. Штраф как мера наказания не предусматривается, но размер судебного штрафа не может превышать 250 тыс. руб.

Согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ процессуальным условием освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является согласие на это лица, подозреваемого или обвиняемого, отсутствие возражений с его стороны. При этом не имеет значения, признает ли подозреваемый или обвиняемый свою вину в совершении преступления.

Кроме того, судья должен сделать вывод о том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, согласно п. 25.6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19.

Процессуальным документом, выносимым судьей при освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, является постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В данном постановлении судья обязан определить порядок и сроки уплаты судебного штрафа, разъяснить необходимость представления лицом сведений о его уплате, определяя последствия неуплаты судебного штрафа в установленный срок. Судебное решение становится окончательным только тогда, когда лицо уплатит назначенный судебный штраф в срок. Отмечается, что в случае уклонения лица от

уплаты судебного штрафа в назначенный срок судья по представлению судебного пристава исполнителя отменяет постановление. Далее направляет материалы руководителю следственного органа или прокурору, а они в свою очередь организовывают последующее производство по уголовному делу в общем порядке, определенном ст. 446.5 УПК РФ, а если постановление было вынесено в ходе судебного производства, то продолжается рассмотрение уголовного дела в общем порядке, на основании п. 25.9 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Приведем краткие статистические данные за первый период действия нового института судебного штрафа. По данным, представленным окружными и флотскими военными судами, в анализируемый период в порядке гл. 51.1 УПК РФ рассмотрено 709 уголовных дел, что составляет 15 % от общего числа уголовных дел, рассмотренных военными судами во втором полугодии 2016 г. и первом квартале 2017 г.

В ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 446.2 УПК РФ) поступили ходатайства следователей по 411 делам, из них в принятии 10 ходатайств отказано, уголовные дела возвращены руководителям следственных органов; в ходе судебного производства (ст. 446.3 УПК РФ) рассмотрено 308 дел. Из 709 рассмотренных уголовных дел по 653 (92 %) производство прекращено с назначением судебного штрафа, в 56 случаях (8 %) в прекращении уголовных дел отказано.

Данный институт применялся по уголовным делам о следующих преступлениях: против собственности – 48 %, против военной

службы – 21 %, против государственной власти, интересов государственной службы – 11 %, против жизни и здоровья составляют 7 %, против безопасности движения и эксплуатации транспорта – 3,7 %, против порядка управления – 3,5 %, по иным преступлениям – 5,8 %.

Таким образом, можно сказать, что у судебного штрафа как меры уголовно-правового характера есть широкие перспективы применения, что способствует уменьшению нагрузки на все органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, а также снижение факторов негативного воздействия на лиц, впервые совершивших преступление.

Е. Н. Клещина[1],
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент;
А. А. Феоктистова[2],
курсант Института психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

Ожиданием общества от уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов потерпевшего, обеспечение его безопасности. В соответствии с частью 1 статьи 6 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации назначением уголовного судопроизводства является «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». Фундаментальной основой этой нормы является статья 52 Конституции Российской Федерации, в которой регламентировано: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

В соответствии с частью 1 статьи 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

[1] © Клещина Е. Н., 2019.
[2] © Феоктистова А. А., 2019.

Используемый законодателем термин «является» указывает, что понятие потерпевшего сформулировано в законе, исходя из фактического положения соответствующего лица (материальный подход). Однако во избежание процессуальной неопределенности официальный процессуальный статус приобретается потерпевшим только на основании соответствующего постановления следователя, дознавателя, судьи, определения суда (формальный подход). По указанной причине чрезвычайно важным является вопрос о своевременности вынесения постановления о признании потерпевшим. Если в рамках классической отечественной процессуальной традиции лицо признавалось потерпевшим только после получения достаточных доказательств, указывающих на факт причинения вреда, то в последние годы подход изменился[1] (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ): по общему правилу лицо признается потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Вместе с тем, в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда дознаватели и следователи допускают нарушения при реализации указанной нормы. На данный факт в своем докладе за 2017 г. обращает внимание и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова, приводя следующий пример. К Уполномоченному обратилась гражданка К. в связи с не-

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр.- М., 2017.- С. 334–335.

надлежащим расследованием отделом дознания ОМВД России по району Нагатино-Садовники г. Москвы уголовного дела, возбужденного 11 июня 2014 г. по факту мошеннических действий с ее денежными средствами на банковской карте. По данному уголовному делу К. более полутора лет не признавалась потерпевшей. Уголовное дело практически не расследовалось, а затем – 14 июня 2016 г. – было и вовсе прекращено. В связи с обращением Уполномоченного к прокурору г. Москвы Симоновской межрайонной прокуратурой постановление дознавателя о прекращении уголовного дела 26 января 2017 г. отменено, производство по делу возобновлено[1]. По нашему мнению, в целях недопущения подобных ситуаций чрезвычайно важен надлежащий ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор.

Следует отметить, что в последние годы законодатель неоднократно вносил изменения и дополнения в статью 42 УПК РФ, выделяя при этом новые права потерпевшего. Наиболее существенные изменения были внесены Федеральными законами от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ и 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ. Вместе с тем, проблемы процессуального положения потерпевшего остаются.

Как справедливо отмечает О. Г. Иванова, «несмотря на очевидную важность фигуры потерпевшего для процесса в целом, фактически законом сегодня у нас защищаются права двух сторон: общества и государства, с одной стороны, и обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) – с другой. Частично это связано с тем, что российский уголовный процесс имеет публичное начало, и все же существующее

[1] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г./URL : ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady/.

положение не способствует реализации тех самых ожиданий о защите прав пострадавших от преступления. Права потерпевшего всегда отодвигаются на второй план»[1].

По УПК РФ потерпевший обладает определенным набором прав. Однако не все эти права могут быть полностью реализованы. Если мы сравним права обвиняемого и права потерпевшего от преступления, то увидим разницу не столько в количестве или перечне этих прав, а, скорее, в эффективности и возможности их реализации. Например, в пункте 9 части 2 статьи 42 УПК РФ указано, что потерпевший имеет право «участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя». Однако для того, чтобы потерпевшему принять участие в каком-либо следственном действии, производимом по его инициативе, потерпевший обязан запрашивать разрешение следователя.

Еще одной несостыковкой является то, что потерпевший обязан участвовать в доказывании также под угрозой уголовной ответственности, даже несмотря на его объективные причины этого не делать. Например, потерпевший может бояться за жизнь и здоровье как себя, так и своих близких, за ценность своего имущества. Потому нередко потерпевший встает перед выбором: давать показания, подвергая свою жизнь угрозам со стороны, или отказаться от дачи показаний и подвергнуться уголовному преследованию.

[1] Иванова О. Г. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права.— 2015.— № 12 (61) декабрь. — С. 56—60.

На этом основании Е. А. Зайцева делает вывод о том, что «при отказе потерпевших подвергнуться экспертизе, освидетельствованию и, соответственно, неполучении из-за этого органами, осуществляющими судопроизводство, необходимой информации по делу, должны сработать защитные механизмы презумпции невиновности: неустранимые сомнения в виновности обвиняемого будут истолкованы в его пользу. Только такая конструкция отвечает назначению уголовного судопроизводства, концептуальным основам положения личности в правовом государстве»[1].

Также обратим внимание на то, что в соответствии с ч. 8 ст. 172 УПК РФ копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого вручается ему в обязательном порядке, а потерпевший в данном случае имеет лишь право на получение копии постановления о закреплении за ним статуса потерпевшего. При анализе ч. 2 ст. 171 УПК РФ видно, что в копии постановления обвиняемого прописаны данные о вреде, причиненном преступлением, и квалификации совершенного им преступления. В то же время в содержании постановления о признании лица потерпевшим указывается только на причиненный ему вред. Как нам представляется, информации для потерпевшего недостаточно для реализации права на уголовное преследование.

Резюмируя вышеизложенное, со ссылкой на анализ п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, представляется, что в целях эффективной реализации данного права в УПК РФ должно содержаться указание на

[1] Зайцева Е. А. Трижды потерпевший // Законность.—2015.—№ 1.— С. 34—38.

обязанность вручения потерпевшему копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы процессуального положения потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве остаются актуальными, поэтому важно их решение на законодательном уровне.

А. А. Котова[1],
курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается тенденция к гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, о чем упоминают многие авторы[2]. В частности, принимаются все возможные и необходимые меры по снижению практики избрания мер пресечения, которые в наибольшей степени затрагивают одно из важнейших, неотъемлемых прав человека – право на свободу.

Самой строгой в системе мер пресечения является заключение под стражу. Вместе с тем, она является одной из самых распространенных. М. В. Эсендиров видит в этом различные причины, начиная от опасения правоприменителя, что обвиняемый скроется, заканчивая недостаточной регламентацией других мер принуждения[3].

Из статистических показателей[4] видна тенденция на постепенное снижение избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения. Это связано, в частности, с увеличением практики применения альтернативных мер, например, домашнего ареста. В

---

[1] © Котова А. А., 2019.

[2] Угольникова Н. В. О мерах воздействия, применяемых к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования.// Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летнему юбилею А. В. Гриненко. – М., 2016. – С. 171—179.

[3] Эсендиров М. В. О некоторых вопросах соблюдения прав обвиняемого при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Общество и право.— 2015.— № 1 (51). //URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-soblyudeniya-prav-obvinyaemogo-pri-izbranii-mery-presecheniya-v-vide-zaklyucheniya-pod-strazhu/.

[4] Рассмотрение судами дел и материалов за 2010-2017 гг. //URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации она закреплена в ст. 107, считается щадящей мерой принуждения, которая ограничивает свободу лица, совершившего преступление, но позволяет максимально удовлетворить его жизненно важные потребности.

Со дня вступления в действие соответствующей нормы (01.02.2002) в российском законодательстве сложилась достаточная практика ее применения. Одним из важных элементов механизма действия домашнего ареста является возложение на обвиняемого при ее избрании определенных запретов.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ запрет определенных действий введен в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в качестве самостоятельной меры пресечения. По мнению И. В. Головинской, она является производной от домашнего ареста[1]. Это связано с рядом общих признаков.

Главным сходством институтов домашнего ареста и запрета определенных действий является, безусловно, полномочие суда по установлению одного или нескольких запретов при их применении. Запреты устанавливаются судом с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений. А. В. Кавык считает необходимым сделать перечень запретов открытым[2]. В настоящее время исключительный перечень запретов установлен в части 6 статьи 105.1 УПК РФ:

---

[1] Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки.– 2018.– № 2.// URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-rasshirenii-perechnya-mer-presecheniya (дата обращения: 29.10.2018).

[2] Кавык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. — 2018.– № 7.– С. 34 – 40.

– выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

– находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

– общаться с определенными лицами;

– отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

– использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

– управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

При этом запреты 3—5 устанавливаются также при применении домашнего ареста.

Главное отличие новой меры пресечения от домашнего ареста – это, безусловно, отсутствие изоляции человека от общества. Основная обязанность при исполнении запрета определенных действий – своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Рассмотрим основные причины введения новой меры пресечения.

Во-первых, приведение национального законодательства к стандартам международного. В. С. Исаков в качестве причины введения новой меры пресечения усматривает необходимость обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, а вместе с тем исполнение общепризнанных принципов и норм международного права. К таковым

он относит «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением»[1].

Во-вторых, общая тенденция дифференциации институтов уголовного процесса, на которую указывают большинство исследователей,[2] влечет необходимость индивидуализации мер воздействия в уголовном процессе.

В-третьих, необходимость сократить количество случаев избрания заключения под стражу. Большинство ученых полагают, что новая мера пресечения введена с целью использования альтернативы заключению под стражу, так как при избрании существующих мер пресечения, в том числе домашнего ареста, имеется ряд проблем, которые и уменьшают практику его применения. Так, суд при назначении домашнего ареста с установлением запрета общения с определенными лицами сталкивался с трудностями в ограничении общения с родственниками, проживающими в одном помещении с обвиняемым[3]. Однако в новой норме также включен запрет общения с определенными людьми, при этом указанная проблема не решена, а контроль соблюдения данного запрета становится еще более трудным.

Запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, бесспорно, является значимым. При нем у водителя, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений в сфере транс-

---

[1] Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки.– № 5(21).– 2018 // URL : Alley-science.ru.

[2] Угольникова Н. В. Цель дифференциации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России.— 2016.— № 4.— С. 117—120.

[3] Чернова С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-mera-presecheniya-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 30.10.2018).

портной безопасности будет изыматься водительское удостоверение, которое будет храниться в материалах уголовного дела до отмены запрета. В. С. Исаков отмечает, что «временное лишение подозреваемого или обвиняемого его специального права на управление транспортным средством позволит оказать превентивное воздействие на психологию нарушителя»[1].

Еще одним сходством обеих рассматриваемых мер пресечения является то, что они применяются по решению суда. И. В. Головинская считает целесообразным отнести избрание меры пресечения в виде запрета определенных действий к полномочиям следователя, дознавателя, так как это позволит сэкономить временные и трудовые ресурсы[2]. В таком случае, новая мера пресечения применялась бы на практике гораздо чаще. Однако это представляется невозможным, так как устанавливаемые запреты в любом случае ограничивают конституционное право человека на свободу и поэтому требуют более строгого порядка их применения. Законодатель не устанавливает индивидуального порядка избрания новой меры пресечения, а отсылает правоприменителя к статье 108 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «заключение под стражу».

К. Б. Калиновский выделяет две формы принуждения, устанавливаемые законодателем в рассматриваемой норме. Ограничение выхода в определенное время за пределы жилого помещения он обозначает как физическое принуждение. Иные запреты, установленные ч. 6 ст. 105.1

[1] Исаков В. С. О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки».– 2018– №5(21) // URL : Alley-science.ru

[2] Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. 2018. № 2. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-rasshirenii-perechnya-mer-presecheniya (дата обращения: 29.10.2018).

УПК РФ, он относит к психическому принуждению[1]. Именно с этой классификацией он связывает наиболее строгую регламентацию первого запрета (срок действия от 12 до 36 мес.), а также обуславливает возможность зачета срока данного запрета в срок содержания под стражей. Сроки действия иных запретов не конкретизируются, они применяются до отмены или изменения меры пресечения.

Кроме того, еще одной целью введения запрета определенных действий законодатель определил экономию бюджетных средств, которые затрачиваются на содержание подозреваемого. С. С. Чернова справедливо отмечает, что для качественного «обеспечения физической и технической возможности осуществления контроля за соблюдением запретов требуются дополнительные финансовые затраты»[2].

Таким образом, существует много проблемных вопросов, связанных с применением новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, предусмотренной статьей 105.1 УПК РФ. О существенности выявленных недостатков будет свидетельствовать практика применения данной нормы. В любом случае введение запрета определенных действий способствует еще большей дифференциации мер уголовно-процессуального характера в отношении обвиняемого. Запрет определенных действий дает суду возможность назначить относительно щадящую меру пресечения, что свидетельствует о гуманизации уголовно-процессуального закона.

---

[1] Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. - С. 9.

[2] Чернова С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-mera-presecheniya-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 01.11.2018).

Д. М. Крашенинников[1],
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Н. Ю. Емельянова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Уголовное судопроизводство России включает в себя ряд исключительных особенностей, констатирующих незыблемость либеральности и гуманности в нашей стране, при которых в теории всячески улучшается положение лиц, попавших под уголовное преследование. Именно таким является особый порядок судебного разбирательства, в частности, при досудебном соглашении о сотрудничестве.

Нормы уголовно-процессуального законодательства указывают нам на условия, при которых возможно наступление так называемой «сделки с правосудием». Помимо волеизъявления самого обвиняемого, выражающегося в ходатайстве, согласия с преступным характером совершенных действий и желания смягчить свое положение лицо берет на себя обязательства, а также ответственность за их выполнение, причем исключительно сами обязательства и носят ценностный характер данного вида особого порядка. Ключевое обязательство, с точки зрения законодательства, заключается

[1] ©Крашенинников Д. М., 2019.
[2] ©Емельянова Н. Ю., 2019.

в качественном (деятельном) содействии расследованию совершенного преступления, изобличении соучастников, помощи в отыскании доказательственной базы и предупреждении совершения новых преступлений. При всем при этом обвиняемый гарантированно получает со стороны государства обязательство, предусматривающее «назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или освобождение от отбывания наказания» (ч. 5 ст. 317.5 УПК РФ) и предоставление мер государственной защиты (ст. 317.9 УПК РФ).

В целом видится прозрачная картина беспристрастного и объективного правосудия, но что же происходит на самом деле?

Да, закон обязывает правоохранительные органы принимать в отношении нуждающихся в государственной защите лиц меры таковой защиты, приводимые в исполнение оперативными подразделениями с использованием различных сил и технических средств, в зависимости от степени угрозы и уровня опасности (это соответствует требованиям ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»). Однако представим ситуацию, при которой обвиняемый всячески способствует раскрытию преступления путем предоставления информации, на основании которой происходят последующие следственные и процессуальные действия, приносящие результат. В итоге обвиняемый, который уже приобрел статус подсудимого после проведения всех мероприятий, предусмотренных заключенным договором, например, приговаривается к лишению свободы на определенный срок в колонии – поселении. Следом за таким осужденным в эту же колонию поступает

информация о не совсем правильных и честных поступках, которые явно не ценятся за пределами «колючей проволоки». Практика показывает, что тем самым мы ставим дальнейшие жизнь и здоровье лица под угрозу, потому как бывалые заключенные найдут способ и возможность отомстить «неугодному сокамернику».

Или же обратная ситуация: суд приговаривает лицо к условному осуждению. Здесь мы видим еще более высокий риск нападения на защищаемое лицо. Конечно, проанализировав сложившуюся ситуацию, у правоохранительных органов появятся основания для предоставления мер государственной защиты на основании Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и, вероятнее всего, эти основания будут обеспечивать защиту прав и интересов защищаемого лица некоторое (возможно, даже продолжительное) время. Однако этот же федеральный закон предполагает и отмену мер обеспечения безопасности, указывая, что «меры безопасности отменяются в случае, если устранены основания их применения» (часть 1 статьи 20 указанного закона). При таком развитии событий лицо также подвержено опасности со стороны «недоброжелателей», поэтому говорить о необходимости, а главное, практичности применения мер государственной защиты стоит лишь с субъективной точки зрения, особенно, если речь идет о резонансных делах, вызвавших общественное негодование.

Биполярность заключается еще и в том, что, удостоверяя факт необходимости применения мер государственной защиты,

государство в лице соответствующих правоохранительных органов подвергает защищаемое лицо пассивной, постоянно обитающей угрозе. Здесь следует говорить, к примеру, о возможных свидетелях по тому или иному уголовному делу, которые могут обладать наиболее значимой (продуктивной) информацией, дающей ход расследованию. Ведь данные лица становятся участниками уголовного процесса в большинстве своем по воле случая. Но именно такое стечение обстоятельств отныне обязывает их быть ограниченными в конкретном круге прав, жить в страхе и риске, причем чувство безопасности описываемый институт, как мы уже определили, предоставляет кратковременно[1].

С другой стороны, нельзя забывать об исключительной необходимости института государственной защиты, ведь именно благодаря такому инструменту регулирования общественных отношений происходит обеспечение защитой участников уголовного судопроизводства во многих странах мира, потому как каждое отдельно взятое суверенное государство несет ответственность за своих граждан, особенно, если дело касается жизни и здоровья. Российская Федерация многосторонне развивает эту тему, всячески регламентируя и уточняя неопределенные моменты, связанные с предоставлением государственной защиты, постоянно обновляя, дополняя и модернизируя способы и методы защиты. Так, например, заканчивает в этом году свое действие Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. «Об утверждении

[1] Дмитриева А. А. Проблема применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела //URL: https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-primeneniya-mer-gosudarstvennoy-zaschity-i-obespecheniya-bezopasnosti-uchastnikov-protsessa-v-stadii-vozbuzhdeniya.

государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 – 2018 годы», в котором четко расписываются приоритеты в сфере реализации программы, предоставляется информация по ресурсному обеспечению, обговариваются мероприятия, а также указываются финансирование и распределение затрат между участниками данной программы. Это свидетельствует о том, что институт государствен-ной защиты в Российской Федерации – новелла XXI века, требующая пристального внимания и усовершенствования в соответствии с требованиями, выдвигаемыми современным миром и развивающейся преступностью.

Таким образом, реализация мер государственной защиты не только при особом порядке, но и при любой другой форме предварительного расследования, судебного разбирательства, уголовного преследования и даже после завершения всех его стадий носит исключительно актуальный характер, что связано, прежде всего, с проверкой значимости таких мер именно временем, конкретными лицами, а порой и жизнями некоторых людей, погибших в результате недоработки правоохранительных органов и неполноценности всей системы мер государственной защиты в целом.

А. Д. Кузнецова[1],
курсант института-факультета подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Д. А. Григорьев[2],
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В последнее время среди практических работников вспыхнул большой интерес к публикациям на тему вещественных доказательств в уголовном процессе. Этому способствовали недавние изменения и дополнения по рассматриваемой теме, внесенные в УПК РФ.

В теории доказательств наиболее дискуссионным является вопрос о понятии «вещественное доказательство» и его источниках, так как оно в настоящее время является неоднозначным. Стремление аргументировать единой теорией дефиницию «вещественное доказательство» обусловлено, в частности, присутствием в процессуальной науке массы интерпретаций понятия «доказательство».

Объяснить, что такое вещественные доказательства, не так просто, так как в процессуальной литературе множество различных точек зрения, которые вызваны неоднозначностью объектов материального мира, а также расплывчатостью интерпретации дефиниции «вещественное доказательство» в УПК РФ. Само по себе решение

[1] ©Кузнецова А. Д., 2019.
[2] ©Григорьев Д. А., 2019.

данного вопроса влияет на практическую деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда.

К вещественным доказательствам, в соответствии со ст. 81 УПК РФ, относятся:

– любые предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления;

– предметы, на которые были направлены преступные действия;

– иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Указанная в законе дефиниция вещественных доказательств вызывает затруднение в четкости отграничения их от иных видов доказательств. Прежде всего, затруднение связано с отличием от документов и образцов для сравнительного исследования. При рассмотрении анализируемой нормы можно заметить, что законодатель отождествляет вещественное доказательство с предметом или вещью.

О вещественных доказательствах также указано в статье 74 УПК РФ. Согласно последней, вещественными доказательствами являются сведения, устанавливающие или опровергающие наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по угодному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти сведения определяются в числе иных средств доказывания и вещественными доказательствами.

Благодаря тому, что сведения являются информацией, то необходимо учитывать, что в УПК РФ взята за фундаментальную

основу информационная модель термина «доказательство», но законодатель оказался непоследовательным в определении понятия «вещественное доказательство»[1].

Понятие вещественных доказательств в соответствии со ст. 81 УПК РФ затрудняет понимание их непосредственно как сведений, носителями которых выступает человек. В том случае, если мы отнесем вещественные доказательства к информации, то сведениям необходимо будет обладать вещественностью и предметностью, а это противоречит определению ст. 81 УПК РФ.

Для того чтобы предмет являлся вещественным доказательством, он должен обладать определенными качествами и связями с доказательственными фактами.

Затрагивая вопрос о предметах как источниках доказательств, подразумевают, что данные вещи должны обладать соответствующими свойствами, которые в свою очередь должны являться сведениями, имеющими значение для раскрытия и расследования уголовного дела, то есть доказательствами. Исходя из этого, доказательство не является вещью, а является лишь свойствами данной вещи.

Вещественное доказательство имеет собственную форму и содержание. Содержанием вещественного доказательства, собственно, как и у других видов доказательств, будет являться информация, выступающая в виде сведений, которые служат необходимым средством установления разнообразных обстоятельств, имеющих порой ключевое значение для расследования дела. Следует

[1] Боруленков Ю. П. К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // Уголовное судопроизводство.– 2012.–№ 4.- С. 17–21.

учитывать, что в отличие от иных видов доказательств, данная информация сохраняется в своем неизменном, первоначальном и не перекодированном виде. Порой необходимо учитывать, что информация в силу собственных природных особенностей нуждается в том, чтобы быть «перекодированной» для того, чтобы ее можно было использовать в уголовном процессе.

Следует согласиться с мнением В. Н. Цимбала о том, что «вещественное доказательство представляет собой сложную гносеологическую структуру и считается таковым при наличии определенной совокупности компонентов:

– явления, следов, отображения, физического, химического состояния или его изменения, возникшего в результате правового события;

– самого предмета — носителя этих изменений, изъятого из обстановки;

– процессуальной фиксации процесса нахождения, изъятия, приобщения и описания признаков предмета»[1].

Основным способом исследования вещественных доказательств является их осмотр, так как он сохраняет и передает информацию путем непосредственного отображения объектов, процессов на поверхности предметов, а также путем изменения их свойств и качеств.

Непосредственно в протоколе осмотра предмета отражаются образ предмета, его свойства, состояния, его содержание. В данном протоколе описываются только особые признаки предмета, то есть то, что является содержанием вещественного доказательства. Последним сам

[1] Цимбал В. Н. Реализация специальных знаний при получении доказательственной информации // Вестник Краснодарского университета МВД России.– 2015.– № 1. – С. 63–67.

по себе предмет не является, а является лишь часть его свойств, состояний, выраженных в определенной форме и относимых к делу.

Говоря о понятии «формирования доказательств» с точки зрения уголовного процесса, можно сказать, что оно формируется процессуальными средствами, путем «снятия» информации с источника доказательства.

Специфика формирования вещественных доказательств по сравнению с формированием иных видов доказательств выражается в том, что сущность вещественного доказательства (информации, сведений) является итогом неоднократного отображения обстоятельств события через свойства объекта материального мира и сознание субъекта юридического познания[1]. Форма вещественного доказательства не является тождественной объективной форме предмета.

При формировании вещественных доказательств они воспринимаются непосредственно компетентным органом, а состояние и свойство предмета фиксируется в протоколах осмотра места происшествия и осмотра предмета, содержание данных протоколов выражается в письменном виде, что совместно с предметом придает доказательственное значение для субъектов, не принимавших участие в следственном (судебном) действии.

Вещественным доказательством является не сам предмет, а его качества и связи с доказательственными фактами. Поэтому без восприятия качеств и связей непосредственно субъектом доказывания предмет не будет иметь доказательственной ценности. Исходя из этого, можно сказать, что вещественное доказательство – это не

[1] Охота А. А. Вещественные доказательства и иные документы : вопросы разграничения. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.– 2016.– Т. 3.– № 1.– С. 72–75.

просто предмет, а целая тройственная система: предмет – доказательственный факт (факты) - субъект доказывания; причем система правовая, требующая соблюдения определенной процессуальной формы.

В соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ предметы, которые понимаются законодателем как вещественные доказательства, осматриваются, описываются в протоколе осмотра, а затем признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится соответствующее постановление.

Учитывая, что один предмет со своими свойствами может выражать разные свойства через различные формы, а также являться содержанием сразу нескольких доказательств, непосредственно в полномочия следователя или дознавателя входит решение вопроса о формировании конкретного вещественного доказательства.

В части 1 статьи 217 и части 1 статьи 284 УПК РФ говорится, что вещественные доказательства во время стадии ознакомления с материалами уголовного дела должны предъявляться как самому обвиняемому, так и его защитнику, а во время производства судебного следствия они в любой момент осматриваются по ходатайству любой из сторон.

Оставаясь последовательным, законодатель в понимании «вещественного доказательства» как объекта материального мира считает необходимым представление данной вещи всем участникам процесса, а также непосредственно суду.

Существует множество различных классификаций вещественных доказательств, но все они достаточно условны. Думается, что ч. 3

ст. 81 УПК РФ также содержит такую классификацию, за основу которой взяты различные формы связи предмета с событием преступления.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводу о том, что чтобы предмет материального мира приобрел статус вещественного доказательства, необходимы определенные процессуальные условия, которые включают в себя: во-первых, процессуальное оформление факта обнаружения предмета – составление протокола осмотра места происшествия, протоколов обыска или выемки; во-вторых, осмотр изъятого предмета – составление протокола осмотра предметов и документов; в-третьих, приобщение к уголовному делу обнаруженного или представленного предмета в качестве вещественного доказательства – вынесение постановления о признании и приобщении предмета в качестве вещественного доказательства.

Лишь после соблюдения всех условий предмет приобретает статус вещественного доказательства.

Ле Зуи Хау[1],
слушатель факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
О. Е. Жамкова[2], доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Борьба с преступностью является приоритетом для абсолютного большинства стран мира. Не являются исключениями из этого списка Россия и Вьетнам. Как Российская Федерация, так и Социалистическая Республика Вьетнам в последние десятилетия осуществляют политику реформирования во многих отраслях государственного устройства, включая право как одну из важнейших отраслей.

Ни один уголовный процесс современности нельзя представить без наличия доказательств, которые являются основой для выдвигаемых обвинений или же для вынесения решения о невиновности обвиняемого. Исследованию понятия доказательства, видов доказательств и процедур доказывания в соответствии с нормами законодательств различных стран посвящены работы многих ученых в области права.

Как отмечал В. Я. Дорохов[1], «значение доказательств сводится в конечном счете к качеству расследования и разрешения дел,

[1] © Ле Зуи Хау, 2019.
[2] © Жамкова О. Е., 2019.

законности и обоснованности решений, выносимых следственными органами и судом». Поэтому понятие доказательства является необходимым условием решения задач и достижения целей, встающих в уголовном судопроизводстве, которое оказывает влияние на весь круг деятельности уполномоченных органов по сбору, фиксации, исследованию и использованию доказательств в ходе досудебного и судебного производств по уголовному делу.

В рамках данной статьи представляется интересным провести сравнительную характеристику понятия «доказательства», их свойств и источников по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Вьетнам.

Понятие доказательств является одним из наиболее спорных вопросов теории уголовно-процессуального права, которые ученые-процессуалисты России и Вьетнама рассматривают с различных позиций.

В соответствии с УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

УПК СРВ определяет, что доказательства – это то, что имело место в действительности, собранные в порядке и процедуре, предусмотренной настоящим Кодексом, которые используются в качестве оснований для установления наличия или отсутствия

---

[1] Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право.– 1964.- № 9.– С. 109.

преступного деяния, лица, совершившего преступление, а также другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела.

Как видно из данного определения, в отличие от УПК РФ, приводящего перечень субъектов, работающих с доказательствами, вьетнамский кодекс перечисляет предметы доказывания, при этом не определено ключевое слово, определяющее понятие доказательств. Если в УПК РФ доказательство – это любое сведение, в УПК СРВ – это то, что имело место в действительности. Если в понятии доказательства УПК РФ не ограничиваются содержанием (любые сведения), то в УПК СРВ есть ограничения. Тут сразу возникает вопрос: что такое сведение, которое имело место в действительности? Вьетнамские ученые считают, что это сведение, которое реально существует (не ложное сведение). Они полагают, что сведение – это очень широкое понятие, и не любое сведение может стать доказательством, а только тогда, когда оно обладает свойствами доказательств и пройдет через этапы собирания, проверки и оценки доказательств.

УПК РФ рассматривает четыре свойства доказательств: относимость доказательства к уголовному делу, допустимость доказательства, достоверность доказательства, достаточность доказательства:

— относимость доказательства — это свойство доказательства, характеризующее его содержание. Она определяется главным образом по тому, входит ли обстоятельство, которое может быть выяснено с помощью этого доказательства, в предмет доказывания по делу,

а также способно ли оно служить установлению этого обстоятельства;

— допустимость доказательства — это их пригодность для установления обстоятельств, соответствие требованиям норм уголовно-процессуального права относительно формы: источника, субъекта и порядка получения доказательства;

— достоверность доказательства — это свойство доказательства, отражающее точность установленных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела;

— достаточность доказательства — это свойство доказательства, выражающее совокупность доказательств, которые достаточны для принятия законного, обоснованного, справедливого решения по уголовному делу.

В УПК СРВ каждое доказательство характеризуется составами объективности, взаимосвязи, законности:

— объективность доказательства — она включает в себя то, что документы и события реально отражают обстоятельства дела, которые не были искажены субъективной волей человека. Объективность требует, чтобы эти источники информации были реальными, независимо от того, знают ли люди о них. Объективность также показывает, что спекулятивные, мнимые, нереальные доказательства не являются доказательством. Объективность начинается с момента появления доказательств;

— взаимосвязи доказательства — это его связи между доказательством и обстоятельствами, подлежащими доказыванию при производстве по уголовному делу. Доказательства должны быть

основанием для определения наличия или отсутствия обстоятельств, которые должны быть доказаны в уголовном деле, имеющих неотъемлемую связь с обстоятельствами и содержанием дела. Если имеется что-то объективное, но не связанное с этим делом, то оно не является доказательством;

— законность доказательства — выражает мысль о том, что доказательства должны быть взяты из проверенных источников или средств и далее собраны, рассмотрены и оценены в соответствии с положениями уголовно-процессуального права.

Доказательства в уголовном делопроизводстве должны обладать одновременно каждым из обязательных свойств. Эти критерии в то же самое время служат и основаниями для классификации всех доказательств.

В соответствии с УПК РФ в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

УПК СРВ содержат больше источников доказательств, чем УПК РФ, а именно: вещественные доказательства; заявления и объяснения; электронные данные; заключение экспертизы и заклю-чение об определении стоимости имуществ; протоколы следственных действий, судебных действий и исполнения судебных решений; результаты реализации судебного поручения и документы международного сотрудничества; документы и другие предметы. В целях удовлетворения требований борьбы с преступностью УПК СРВ

2015 г. добавил три новых источника доказательств: электронные данные, заключения определения стоимости имущества, результаты реализации судебного поручения и документы международного сотрудничества. В судебной практике видно, что преступники тщательно используют развитие науки и техники для совершения и скрытия преступлений, поэтому для рассмотрения и разрешения уголовных дел сбор доказательств в виде электронных данных очень важен. Как и любые иные доказательства, в рамках ст. 90 УПК СРВ (хранение доказательств) для электронных данных необходимо обеспечение их неизменности, достигаемой опечатыванием и хранением в изоляции носителей информации. Поэтому явное указание на электронные данные, как на источник доказательной информации, представляется позитивной новацией для УПК СРВ и поводом для анализа российскими законодателями с целью возможности включения подобных видов доказательств и в УПК РФ.

Таким образом, сравнительной анализ уголовно-процессуального законодательства двух стран позволяет сделать вывод о том, что институт доказательств между УПК РФ и УПК СРВ имеет много общего, но при этом каждое национальное законодательство имеет и свои отличительные черты и особенности.

А. П. Лисова[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
М. В. Смирнов[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ

Современное демократическое государство, которым является Россия, используя свою динамично развивающуюся правовую систему, ставит перед определенными отраслями законодательства задачи и формулирует функции, которые обязуется выполнить перед обществом с целью всестороннего удовлетворения его частных и публичных интересов.

При этом одной из основополагающих задач государства является защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина – объектов уголовно-правовой охраны, конституционно определенных наивысшими социальными ценностями.

Провозглашение нашей страны в Конституции Российской Федерации демократическим правовым государством (а человека, его прав и свобод — высшей ценностью) и указание при этом на то, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства, накладывает определенные обязательства по соблюдению этих незыблемых положений правоохранительными органами и в первую очередь теми, кто осуществ-

[1] © Лисова А. П., 2019.
[2] © Смирнов М. В., 2019.

ляет от имени государства уголовное преследование лиц, совершивших преступление[1]. При этом положение жертв преступлений, несомненно, оставляет желать лучшего.

Следует подчеркнуть, что основной юридической гарантией защиты прав и свобод человека вообще и прав потерпевшего в частности на национальном уровне является судебная защита.

Именно с помощью правосудия обеспечивается непосредственное функционирование конституционных прав и свобод лиц, что является признаком их реальности и эффективности.

При этом цель судебной деятельности заключается в том, чтобы имеющимися в его распоряжении средствами максимально обеспечить защиту прав, свобод и имущества граждан, которые правомерно обратились в суд за законным и обоснованным решением правового спора или за восстановлением нарушенных кем-либо прав.

За последние годы в Российской Федерации произошел целый ряд трагических происшествий и террористических актов, в которых погибло и пострадало значительное количество граждан Российской Федерации. Семьям погибших и получившим увечья различной степени тяжести за счет средств бюджета Российской Федерации, а также бюджетов субъектов Российской Федерации выделялись денежные компенсации, суммы которых с каждым годом увеличивались.

При этом гражданам, пострадавшим в результате иных, но не менее громких, циничных и поражающих своей жестокостью

[1] Гурдин С. В. Доказывание неочевидных связей лиц, совершивших преступление в сфере компьютерной информации в организованной группе или преступном сообществе. // Вестник Московского университета МВД России.– 2018.– № 1.– С. 71.

преступлений, добиться восстановления нарушенных прав и получения компенсации в условиях действующего законодательства Российской Федерации крайне затруднительно. Неспособность правоохранительной и судебной систем эффективно восстанавливать нарушенные права, а также компенсировать причиненный ущерб порождают неверие в органы государственной власти, социальную напряженность в обществе и правовой нигилизм, которые в итоге и приводят к внеправовой реакции на совершенное преступление и на само лицо, совершившее преступление, а именно к стихийному формированию различного рода и характера народных дружин и частным денежным поощрениям за поимку преступника.

Очевидно, что процессуальный статус различных участников уголовного судопроизводства, несомненно, различается в зависимости от их заинтересованности в исходе дела. Соответственно этому дифференцируется степень непосредственного обеспечения их прав, в том числе и процессуального характера. Прежде всего, следует обеспечить права таких участников уголовного процесса, которые имеют в деле личную заинтересованность в благополучном для них исходе производства по уголовному делу, — подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика[1].

Причем вопросы правового положения потерпевших поднимались Президентом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации, в нижней палате российского парламента, Общественной палатой Российской Федерации.

[1] Гурдин С. В. Обеспечения прав участников уголовного процесса при производстве следственных действий // Вестник экономической безопасности.– 2016.- № 5.– С. 76.

Отметим, что Конституционный Суд Российской Федерации всегда занимал и занимает четкую последовательную позицию в отношении защиты конституционных прав потерпевших от преступлений и отмечал, что большее внимание было уделено защите прав лиц, совершающих преступления, чем жертвам этих преступлений, что такая политика позволяет правонарушителям не только значительно улучшать свое положение, отстаивая свои права, но и в ряде случаев даже уклоняться от уголовной ответственности за совершенные деяния.

Проблема защиты прав потерпевших от преступлений неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Не найдя защиты у должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров и в судах общей юрисдикции, придя к выводу о неконституционности примененных в их отношении правовых норм, граждане, ставшие жертвами преступников, обращаются с жалобами в Конституционный Суд Российской Федерации, по результатам рассмотрения которых было принято 13 постановлений и более двух десятков определений (в период с 2000 года по наше время).

В целом в Российской Федерации нормативная правовая база в области защиты прав потерпевших уже сформирована. Как упоминалось ранее, в 2004 г. был принят Федеральный закон № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который заложил основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Правительством

Российской Федерации в рамках реализации данного Федерального закона был принят ряд постановлений и утверждена Государственная программа по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а правоохранительными органами были приняты ведомственные нормативные правовые акты по непосредственной реализации положений федерального закона и постановлений Правительства Российской Федерации.

Осенью 2008 г. в Министерстве внутренних дел Российской Федерации было создано специализированное подразделение по защите участников уголовного судопроизводства — Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, а также был создан специальный центр по обеспечению безопасности таких лиц. Такие же центры были созданы и на региональном уровне.

В декабре 2008 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения участников Содружества Независимых Государств по защите участников уголовного судопроизводства», который позволил вести совместную работу по их защите в рамках межгосударственного сотрудничества.

Российская Федерация с учетом общепризнанных международных норм предпринимает последовательные шаги по формированию института государственной защиты. С формированием профильной законодательной базы в федеральных органах исполнительной власти, выполняющих функции по реализации мер безопасности, созданы специализированные подразделения, разрабатывается ведомственная нормативная база.

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации наша страна является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это означает, что Российская Федерация принимает на себя обязанность проводить активную социальную политику, направленную на развитие личности, достижение благосостояния, социальной защиты и безопасности граждан. В то же время данный принцип предполагает, что если гражданину причинен ущерб, то государство обязано компенсировать ущерб, причиненный преступным деянием. В развитие и дополнение этого конституционного принципа статьей 52 Конституции Российской Федерации гарантирует, что «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». И здесь речь идет не только о компенсации вреда, причиненного в результате неправомерных действий должностных лиц. В развитие этой нормы статьей 42 УПК РФ предполагает возмещение вреда, причиненного в результате иных совершенных преступлений, субъектами по которым являются простые физические лица.

При этом на сегодняшний день потерпевшая сторона не может рассчитывать на адекватную социальную помощь и реабилитацию со стороны государства, а возмещение вреда не является безусловной обязанностью виновного лица и производится только при наличии приговора суда. Потерпевший не может рассчитывать на возмещение вреда, причиненного преступлением и в случае, если преступник

не установлен или установлен, но скрывается от следствия и, соответственно, привлечь его к уголовной ответственности не представляется возможным.

Ст. 52 Конституции Российской Федерации, гарантирующая право на компенсацию причиненного ущерба, практически не реализуется на практике. Необходимо возвратиться к идее, основанной на зарубежном опыте, наработках ряда профильных органов государственной власти Российской Федерации, экспертного сообщества и определить государственный механизм возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, закрепить методику определения стоимости человеческой жизни и шкалу исчисления вреда для расчетов компенсаций и материальной помощи потерпевшим от преступлений[1].

[1] Волосюк П. В. Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009.– 450 с.

А. М. Мартынов[1],
следователь 5 отдела следственной части
Следственного управления УВД по ЦАО
ГУ МВД России по г. Москве

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Анализ положений УПК РФ, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования), позволяет выделить следующие основания, наступление которых чаще всего связано с фактом возмещения вреда, причиненного преступлением: прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25); прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25^1); прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28); прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст. 28^1).

Значение добровольного возмещения вреда раскрывает И. Г. Кожин, который указывает, что, «во-первых, такой способ возмещения вреда значительно расширяет возможности виновного в избрании конкретных путей возмещения … Во-вторых, добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением, применимо на досудебном производстве, тогда как основным недостатком

[1] © Мартынов А. М., 2019.

гражданского иска является возможность его разрешения только вместе с приговором (решением) суда»[1].

При этом отметим, что под добровольным возмещением (заглаживанием) причиненного преступлением вреда следует понимать как собственно возмещение вреда путем уплаты денежных средств потерпевшему, эквивалентных понесенным расходам, так и иные меры, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, гражданского истца или их представителей. В частности, это может быть ремонт или восстановление поврежденного имущества, замена утраченного имущества аналогичным, возмещение расходов на лечение и т. д.[2] Главное, чтобы данный факт был доказан материалами уголовного дела и не вызывал сомнений в том, что все без исключения претензии потерпевшего относительно получения компенсаций удовлетворены в полном объеме.

В случае добровольного возмещения вреда подозреваемым (обвиняемым) уже на стадии предварительного расследования потерпевший не заявляет гражданский иск, т.к. причиненный ему вред полностью возмещен[3].

Относительно соразмерности возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, конкретным денежным суммам, уплаченным подозреваемым (обвиняемым), следует сказать, что сумма, выплаченная в счет возмещения, может быть и больше суммы, заявленной потерпевшим. Другое дело, что она не может быть менее той

---

[1] Кожин И. Г. Способы возмещения вреда, причиненного преступлением // Черные дыры в Российском законодательстве.– 2006.– № 2.– С. 192.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48) // Российская газета. 2013.

[3] Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. — М. : Проспект, 2017. — С. 451.

суммы, которую заявил потерпевший при оценке общего размера причиненного ему вреда.

В свою очередь, следователю важно уяснить важность и особую его роль в разъяснительной работе на протяжении всего хода предварительного следствия, заключающуюся в умении и способности сформировать у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, желание добровольно возместить или иным способом загладить причиненный вред. Главным аргументом и решающим фактором при этом для обвиняемого является уголовно-правовое значение добровольного возмещения вреда, причиненного в результате совершенного преступления, которое является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Наличие в материалах уголовного дела документов, подтверждающих расходы потерпевшего, уже является основанием для компенсации ему понесенных расходов со стороны подозреваемого, обвиняемого, но, естественно, в добровольном порядке. Речь здесь не идет о каких-либо взысканиях в пользу потерпевшего, так как это является прерогативой суда при вынесении итогового решения по делу. Говорится лишь о том, что задача следователя, дознавателя в данном случае состоит в разъяснении сущности добровольного возмещения вреда подозреваемому, обвиняемому как одного из оснований смягчения ответственности либо достижения примирения с потерпевшим (в том числе с последствиями в виде прекращения уголовного дела или уголовного преследования в порядке ст. 25 УПК РФ)[1].

[1] Иванов Д. А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования) : монография. – М. : Юрлитинформ, 2018. — С. 130.

Здесь особо актуален тот аспект, что добровольное возмещение вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием, в числе прочих позитивных последствий в подавляющем большинстве случаев может повлечь прекращение уголовного дела (уголовного преследования), что соответственно предполагает отсутствие такого отрицательного для лица последствия, как судимость[1].

При этом в случаях наличия желания у подозреваемого, обвиняемого добровольно возместить причиненный им вред имеют место такие формы, как денежная компенсация, передача потерпевшему иного равноценного имущества, а также оказание иных услуг, имеющих определенное ценностное выражение для потерпевшего.

Подводя итог всему вышеизложенному, логичным видится закономерный вывод о том, что следователь принимает процессуальное решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) лишь в том случае, если в материалах уголовного дела наличествует доказанный факт полного и реального возмещения либо иного заглаживания вреда, причиненного преступлением, а также удовлетворены все законные исковые требования лица, ставшего жертвой преступного посягательства.

[1] Дознание в органах внутренних дел: учебник и практикум для вузов /А. С. Есина, Е. Н. Арестова, О. Е. Жамкова. – М. : Юрайт, 2017. - С. 87.

Н. В. Маслов[1],
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Л. А. Савина[2],
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
Д. А. Мозговая[3],
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД В ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящее время в законодательстве не определено понятие «специальные знания». Традиционно в юриспруденции под этим термином понимается система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной отрасли знания, техники, искусства, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского процесса. Обычно к специальным не относят общеизвестные, а также юридические знания.

Специальные знания используются как в процессуальной форме для применения в качестве доказательств, так и в непроцессуальной форме.

[1] © Маслов Н. В., 2019.
[2] © Савина Л. А., 2019.
[3] © Мозговая Д. А., 2019.

При использовании специальных знаний в процессуальной форме основной формой является судебная экспертиза. По заданию следователя, дознавателя, суда проводится судебная экспертиза, сущность которой состоит в анализе экспертом предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы — вещественных доказательств и/или различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения вопроса по конкретному делу. По результатам исследования экспертом составляется заключение, являющееся согласно действующему законодательству одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, признаются доказательствами.

Основным носителем специальных знаний согласно УПК РФ (ст. 57) является эксперт.

Также законодательство предусматривает и другой вид процессуального применения специальных знаний — привлечение специалиста к производству следственных и судебных действий (ст. 58, 168 УПК РФ), где специалист использует специальные знания и навыки для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств обнаружения и фиксации, а также оказывает помощь в постановке вопросов эксперту и дает разъяснения сторонам и суду по вопросам, входящим в дистанцию его профессиональной компетенции.

Сведения о фактических данных, установленных специалистом, и его разъяснения по данным фактам фиксируются в процессуальной форме путем отражения показаний в протоколе следственного или

судебного действия, и поэтому участие специалиста в следственных и судебных действиях является процессуальной формой применения специальных знаний.

Органы предварительного расследования, суд, обладая специальными знаниями и соответствующими научно-техническими средствами, для разрешения вопросов могут обойтись без помощи специалиста.

Вместе с этим, закон прямо указывает случаи обязательного участия специалиста в процессуальных действиях:

— во-первых, участие педагога в допросе потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет (ч. 1 ст. 191 УПК РФ), а по усмотрению следователя и при допросе потерпевших или свидетелей в возрасте от 14 до 18 лет (ч. 1 ст. 191 УПК РФ);

— во-вторых, участие судебного медика, а при невозможности его участия – иного специалиста в наружном осмотре трупа (ст. 178 УПК РФ);

— в-третьих, участие врача в освидетельствовании в необходимых случаях (ч. 4 ст. 179, ч. 2 ст. 290 УПК РФ).

Необходимо отметить, что судебная экспертиза назначается независимо от того, обладают ли следователь, дознаватель, судья специальными знаниями в той или иной отрасли, поскольку фактические данные, полученные путем экспертного исследования, и не могут быть отражены в каком-либо процессуальном документе, кроме заключения эксперта.

Вместе с этим, существует и непроцессуальная форма применения специальных знаний, например, справочная и консультационная

деятельность специалиста до начала производства по делу. В этой форме применения специальных знаний специалист может оказывать помощь следователю, суду в подготовке для проведения следственных действий и материалов для экспертизы. В непроцессуальную форму применения специальных знаний возможно отнести и дачу специалистами консультаций адвокатам, т.к. согласно п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

При осуществлении оперативно-разыскной деятельности органом дознания возможно участие специалиста в оперативно-разыскных мероприятиях (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») в качестве специалиста, обладающего научно-техническими средствами и специальными знаниями. Специалист может привлекаться к проведению исследования объектов, представляющих криминалистический интерес, по поручению оперативного работника (п.п. 1.3.1, 3.2 «Наставления по работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел»), также возможно привлечение специалиста к проведению аудиторских и ревизионных проверок.

М. О. Медведева[1],
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Правовая основа применения информационных технологий в деятельности по расследованию преступлений – это система законодательных и подзаконных актов, а также устанавливаемых ими принципов и правил, определяющих допустимость использования либо регламентирующих организацию, порядок, условия, способы и результаты использования технических средств в обеспечении деятельности должностных лиц по расследованию преступлений.

Главной нормативно-правовой основой правового регулирования применения информационных технологий и технических средств в деятельности по расследованию преступлений является Конституция Российской Федерации, нормы которой имеют прямое действие. Требование ст. 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Не допускается распространение информации о частной жизни лица (равно как и сбор, хранение, использование сведений) без его согласия (п. 1 ст. 24), жилище

[1] © Медведева М. О., 2019.

неприкосновенно (ст. 25).

Однако, ст. 55 Конституции Российской Федерации предусматривает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, применение правоохранительными органами технических средств возможно не только для получения в рамках закона необходимой информации, но и защиты на законных основаниях информационных и имущественных прав и свобод граждан.

Кроме того, представляется необходимым, руководствуясь ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в связи с тем, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, в первую очередь рассмотреть международно-правовое регулирование деятельности по расследованию преступлений с использованием информационных технологий.

Необходимо отметить, что развитие международно-правового регулирования использования технических средств было обусловлено, с одной стороны, расширением международного сотрудничества компетентных органов государств, а с другой — актуализацией вопросов информационной безопасности и проблемами борьбы в сфере высоких информационных технологий. Например, одной из первых международных конференций по обозначенным проблемам был VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и

обращению с правонарушителями, темой которого стало Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI веке, состоявшийся в 1990 г.[1] На этом форуме, посвященном перспективам совершенствования уголовного правосудия, впервые была принята резолюция, призвавшая государства активизировать усилия в борьбе с компьютерными преступлениями. В контексте обсуждаемого вопроса представляются интересными некоторые положения Резолюции, которые в целях активизации усилий в борьбе с компьютерными преступлениями предполагают принятие государствами таких мер, как:

– совершенствование национальных законов и процедур, направленных на борьбу с преступностью;

– улучшение превентивных мер и мер по обеспечению использования компьютеров, принимая во внимание проблемы, связанные с обеспечением защиты личной жизни, уважения прав человека и основных свобод и любых механизмов, регулирующих использование компьютеров;

– принятие мер в целях повышения степени осознания общественностью, судами и правоохранительными учреждениями проблемы и важности предупреждения преступлений, связанных с применением компьютеров;

– принятие соответствующих мер по подготовке судей, должностных лиц и сотрудников учреждений, отвечавших за

[1] Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия// Официальный сайт ООН на русском языке. : URL: http://www.unodc.org/pdf/compendium/compendium_2006_ru_part_02_02.pdf. дата обращения: 01.06.2018.

предупреждение, расследование, уголовное преследование и рассмотрение в судах дел об экономических преступлениях и преступлениях, связанных с применением компьютеров».

По поручению Конгресса было разработано «Руководство Организации Объединенных Наций по предупреждению преступлений, связанных с применением компьютеров, и борьбе с ними»[1], в котором эксперты ООН применительно к внутригосударственным процессуальным аспектам собирания доказательств совершения преступлений в сфере компьютерной информации обратили внимание на необходимость четкого разграничения между изъятием данных из автоматизированных информационных систем и перехватом информации, передаваемой при помощи телекоммуникационных систем, т. е. между процессуальными действиями и оперативно-разыскными мероприятиями.

Следующей международной конференцией стал IX Конгресс Организации Объединенных Наций 1995 г.[2] по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, на котором при рассмотрении одного из вопросов повестки дня состоялось обсуждение проблем использования информационных технологий в деятельности систем уголовного правосудия и полиции.

Однако акты международных конференций как источники международного права в своем большинстве являются декларативными, устанавливают направления развития по обсуждаемым вопросам, на-

[1] Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия// Официальный сайт ООН на русском языке. Режим доступа: URL: http://www.unodc.org/pdf/compendium/compendium_2006_ru_part_02_02.pdf. дата обращения: 01.06.2018.- С. 271-273.

[2] См.: Девятый Конгресс (1995 г., Каир, Египет) сосредоточил внимание на вопросах международного сотрудничества и практической технической помощи в целях укрепления верховенства права в рамках темы «В поисках безопасности и справедливости для всех» // 60 лет конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности. URL : http://www.un.org/ru/events/crimecongress2015/about.shtml. (дата обращения: 01.06.2018).

мерения о сотрудничестве. При этом необходимо отметить, что международные договоры, также являясь источниками международного права, не устанавливают конкретных механизмов реализации или обязательств государств по отношению в их суверенной компетенции – определению системы органов по расследованию преступлений, а также требований к содержанию их деятельности в обозначенной сфере. Например, ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности[1] устанавливает, что «Если это допускается основными принципами его («Государства-участника» – авт.) внутренней правовой системы, каждое Государство-участник в пределах своих возможностей и на условиях, установленных его внутренним законодательством, принимает необходимые меры, с тем чтобы разрешить надлежащее использование контролируемых поставок и в тех случаях, когда оно считает это уместным, использование других специальных методов расследования, таких как электронное наблюдение или другие формы наблюдения, а также агентурные операции, его компетентными органами на его территории с целью ведения эффективной борьбы против организованной преступности».

На уровне регионального сотрудничества также рассматривались вопросы информатизации национальных органов по расследованию преступлений. В 2001 г. главами государств содружества СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ

[1] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2004.– № 40.– ст. 3882.

в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации[1], в соответствии с которым стороны выразили намерения сотрудничать в целях обеспечения предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и в вопросах подготовки должностных лиц для расследования преступлений:

— оказания содействия в подготовке и повышении квалификации кадров, в том числе путем стажировки специалистов, организации конференций, семинаров и учебных курсов;

— создания информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации;

— проведения совместных научных исследований по представляющим взаимный интерес проблемам борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации;

— обмена нормативными правовыми актами, научно-технической литературой по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации

Таким образом, в международно-правовых документах и неправовых документах международных организаций формируются основы нового комплексного (относящегося к сфере международного права, уголовного процесса и информационного права) правового института обеспечения деятельности по расследованию преступлений. Безусловно, задачей национального законодательства является

[1] Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Заключено в г. Минске 01.06.2001) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009.– № 13, Ст. 1460.; О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации: Федеральный закон от 01 октября 2008 г. № 164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.– 2008.– № 40, Ст. 4499.

формирование конкретных правовых институтов в соответствии с руководящими положениями международных договоров по вопросам использования информационных технологий и технических средств в деятельности по расследованию преступлений.

Н. А. Мулина[1],
преподаватель кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России

ПЕРЕВОД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Совокупность положений ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 18 УПК РФ закрепляет право следователя (дознавателя) использовать русский язык в своей процессуальной деятельности, в то время как ч. 2 ст. 18 УПК РФ предоставляет участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим русским языком, право пользоваться родным для них языком или языком, которым они владеют, бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ, обязывая правоприменителя обеспечить реализацию предоставленных законом прав посредством участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Порядок привлечения переводчика к участию в уголовном деле определен ч. 2 ст. 59 УПК РФ.

Согласно положениям ч. 1 ст. 59 УПК РФ переводчиком является лицо, свободно владеющее языком, перевод с которого необходим, и привлекаемое к участию в деле. По смыслу уголовно-процессуальной нормы переводчиком в уголовном деле может являться исключительно физическое лицо, т.к. в соответствии с положениями ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь обязан удостовериться в его компетентности, разъяснить права и ответственность, предусмотренные ст. 59 УПК РФ.

Реализация поименованных норм правоприменителем вызывает определенные проблемы, возникающие уже при поиске переводчика.

[1] © Мулина Н. А., 2019.

Существует значительное число юридических лиц, оказывающих услуги по переводу, а также коммерческих организаций, имеющих в своем штате профессиональных переводчиков, в том числе и с редких языков. Руководитель такой организации, принимая на работу специалиста, помимо истребования документов об образовании работника, подтверждающих уровень его подготовки, как правило, имеет возможность посредством личного участия либо участия иных специалистов организации оценить степень владения языком работником, убедившись в его компетентности. Привлекая переводчика к трудовой деятельности, работодатель осуществляет оплату его труда в соответствии с нормами действующего законодательства.

Следователь, имея потребность в участии переводчика, обращается в организацию с целью привлечения переводчика. Однако УПК РФ не предусматривает возможности привлечения в уголовное судопроизводство организации, являющейся работодателем переводчика, обязывая привлечь физическое лицо и произвести его оплату в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240[1]. Оснований для осуществления оплаты услуг переводчика в большем размере нормативно-правовые акты не содержат, что закономерно приводит к отказам в предоставлении необходимого специалиста ввиду отсутствия правовой регламентации оплаты услуг переводческой

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».//URL : www.consultant.ru.

организации либо компенсации потерь организации вследствие изъятия работника из трудового процесса.

Такая ситуация возникла при расследовании уголовного дела № 103780[1] в Следственной части Следственного управления УМВД России по г. Нижнему Новгороду по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 210, ч. 4 ст. 159 УК РФ, в рамках которого требовалось привлечение переводчиков с языка иврит. На многочисленные запросы, направленные в организации, осуществляющие перевод либо имеющие в своем штате переводчиков, были получены отказы в предоставлении сотрудников ввиду того, что стоимость оплаты работы переводчика, предусмотренная указанным выше нормативным актом не соответствовала реальной стоимости затрат на содержание переводчика и не предусматривала возможности оплаты услуг организации по предоставлению специалиста. Следователь был вынужден пойти на нарушение УПК РФ и привлечь в качестве переводчика переводческую организацию с целью осуществления как устного перевода, так и перевода значительного числа процессуальных документов, вынося как постановление о назначении организации переводчиком, так и отдельные постановления о назначении каждого из участвовавших в ходе следственных действий переводчиков, разъясняя им права и обязанности при осуществлении перевода. И если устный перевод в ходе следственных действий был выполнен без нареканий, то при осуществлении письменного перевода постановлений о привлечении в качестве обвиняемых имели место существенные проблемы.

[1] Архив Следственной части Следственного управления УМВД России по г. Нижнему Новгороду.

Перевод текста постановлений о привлечении в качестве обвиняемых был поручен руководству переводческой организации, так как в силу объема процессуальных документов, составляющих в общей сложности более 2 тыс. листов, ограниченных сроков следствия, отсутствия у следователя познаний в иностранном языке, привлечь отдельных физических лиц, не имея достаточных познаний в уровне их подготовки, разделив между ними объем работ, не представлялось возможным.

По результатам предъявления обвинения от обвиняемых и их защитников поступили жалобы на нарушение их прав некачественным переводом, отдельные фрагменты которого, по их мнению, понять было невозможно. Следователь, не обладающий познаниями родного языка обвиняемых, удовлетворить жалобы не имел возможности, однако суд поддержал жалобы обвиняемых, обязав следователя устранить нарушения. Во исполнение решений суда следователем истребовано проведение проверки переводческой организацией правильности осуществленного перевода, по результатам которой было установлено, что перевод отдельных фрагментов документа осуществлялся различными переводчиками, при формировании документа имели место технические проблемы, связанные с использованием компьютерной техники, повлекшие утерю текстовых фрагментов, что привело к некачественному переводу процессуальных документов. При этом процессуальных оснований установить, имело ли место умышленное искажение текста перевода либо действительно произошел технический сбой, следователь не имел. В силу положений ч. 5 ст. 59 УПК РФ за заведомо неправильный перевод переводчик несет

ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ, из чего следует, что оснований для привлечения юридического лица к уголовной ответственности не имеется, как невозможно привлечь к ответственности руководителя переводческой организации, формировавшего общий текст переведенного документа в силу того, что переводчиком он не является, о правах и обязанностях не предупреждался, а каждый из привлеченных переводчиков несет ответственность лишь за полноту и качество своего фрагмента перевода.

Выявленные нарушения привели к необходимости возобновления предварительного следствия, повторного предъявления обвинения, производства иных следственных и процессуальных действий, связанных с окончанием предварительного следствия.

Исходя из изложенного, в целях соблюдения процессуальных сроков представляется целесообразным внести изменения в положения ст. 169 УПК РФ, регламентирующие процессуальный порядок привлечения переводчика к участию в уголовном деле по аналогии с положениями ст. 199 УПК РФ, допустив, что «при необходимости обеспечения участия переводчика в уголовном деле следователь (дознаватель) направляет руководителю организации, оказывающей переводческие услуги, постановление о назначении переводчика. Руководитель организации, оказывающей переводческие услуги, после получения постановления поручает производство перевода конкретному переводчику или нескольким переводчикам из числа работников данной организации и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель организации разъясняет переводчику его права и ответственность, предусмотренные ст. 59 УПК РФ. Руководитель организации, оказы-

вающей переводческие услуги, должен нести ответственность за компетентность предоставляемого им переводчика».

А. Ю. Мысов[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Н. В. Угольникова[2],
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В современный период развития Российского государства активно продолжается весьма динамичное реформирование отечественного законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, назначением которого является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. По данным статистики, ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и в соответствии с установленным порядком признается «потерпевшим». Столь значительное количество лиц, относимых к этой категории, как представляется, делает весьма актуальным вопрос о том, насколько защищены их процессуальные права.

Совершенно понятно, что процессуальный статус различных участников уголовного судопроизводства различается в зависимости от их заинтересованности в исходе дела. Соответственно этому дифференцируется степень непосредственного обеспечения их прав, в том чис-

[1] © Мысов А. Ю., 2019.
[2] © Угольникова Н. В., 2019.

ле и процессуального характера. Очевидно, что, прежде всего, следует обеспечить права таких участников уголовного процесса, которые имеют в деле личную заинтересованность в благополучном для них исходе производства по уголовному делу, – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика[1].

Процессуальное положение потерпевшего в России регламентируется ст. 42 УПК РФ, в которой дано и его определение как физического лица, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридического лица в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В свою очередь в Германии возмещение вреда, причиненного преступлением, не является закрепленной целью уголовного судопроизводства.

Такую цель можно проследить не напрямую, а только через призму необходимости реабилитации потерпевших лиц. В силу этой особенности потерпевший в уголовном судопроизводстве Германии как жертва преступления (физически пострадавшее лицо, чьи права были нарушены прямым или косвенным умыслом) не имеет правового ста-туса стороны процесса. Он является лишь свидетелем[2].

Материальным основанием признания лица потерпевшим является установление с помощью доказательств факта наличия у него вреда, а процессуальным основанием – наличие в уголовном деле соответствующего постановления или определения, составленных на основании имеющихся в уголовном деле доказательств.

---

[1] Гурдин С. В. Обеспечения прав участников уголовного процесса при производстве следственных действий // Вестник экономической безопасности.— 2016.— № 5.— С. 76.

[2] Латыпов В. С. К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии // Международная юстиция.— 2015.— № 3.— С. 23.

При этом теория уголовно-процессуального права различает следующие виды вреда:

– физический вред — нарушение телесной или психической целостности организма личности;

– моральный вред — причинение нравственных страданий, унижение чести и достоинства, умаление авторитета и репутации;

– имущественный вред — умаление (уменьшение) материальных благ.

По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть жертвы, права потерпевшего переходят к одному из ее близких родственников. При этом данное положение не может рассматриваться как исключающее возможность наделения правами потерпевшего более одного близкого родственника погибшего.

Частный обвинитель - потерпевший или его законный представитель, представитель по уголовным делам частного обвинения (п. 59 ст. 5 УПК РФ).

В то же время ст. 43 УПК РФ полагает, что частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, и поддерживающее обвинение в суде. Частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными ч. 4-6 ст. 246 УПК РФ.

Права потерпевшего предусмотрены ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ.

По иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства.

Однако потерпевший имеет и определенные обязанности согласно ч. 5 ст. 42 УПК РФ. При неявке потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут приводу. За отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний потерпевший несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ; за разглашение данных предварительного расследования – ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Участие в уголовном деле законного представителя и представителя потерпевшего не лишает его прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ.

Но несмотря на модернизацию правового статуса потерпевшего в России в современный период, при сравнительно-правовом анализе с законодательством Германии следует отметить, что защита интересов пострадавших от преступлений, на наш взгляд, более эффективна в Германии. Например, в Германии предоставляется адвокат для потерпевших. В соответствии с УПК ФРГ потерпевший вправе пользоваться в уголовном процессе услугами адвоката или быть им представленным. При допросе потерпевшего на всех стадиях уголовного судопроизводства должно быть разрешено присутствие его адвоката. Возможность получения компенсации расходов на приглашение адвоката облегчает потерпевшему право на участие в процессе в качестве частного обвинителя.

Параграф 397а УПК ФРГ прямо указывает лицо, которое вправе выступить в деле в качестве сообвинителя, может пользоваться до возбуждения публичного обвинения услугами адвоката или быть им представленным, если его вступление в дело в качестве сообвинителя еще не последовало; здесь же определены и вопросы оказания юридической помощи потерпевшему, выступающему в качестве сообвинителя[1].

УПК РФ закрепляет данное положение лишь между строк. По законам Германии, если к уголовной ответственности привлекается невменяемое лицо, потерпевший имеет право на оплачиваемого государством назначенного адвоката[2].

По своей сути, правовое определение потерпевшего по уголовно-процессуальным законам Российской Федерации и Федеративной Республики Германии идентично. Отметим, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве необходимо закрепить также участие адвоката для потерпевших по тяжким и особо тяжким преступлениям при подаче письменного заявления за государственный счет, как в законодательстве Германии. Это позволит избежать злоупотреблений со стороны должностных лиц и органов, имеющих право осуществлять предварительное расследование, которые нередко незаконно отказывают в возбуждении уголовного дела. В такой ситуации становится возможным искусственное сокращение уровня преступности за счет того, что достаточно значительная масса

[1] Якушева Т. В., Усвят Н. Д. Правовое положение потерпевшего в России, Великобритании и Германии: сравнительно-правовой анализ // Известия Алтайского государственного университета.– 2015.– № 2 (86).– С. 68.

[2] Сероштан В. В. Зарубежный уголовный процесс в области регулирования прав участников уголовного судопроизводства // Российская юстиция.– 2010.– № 9.– С. 24

дел не будет возбуждаться[1], что неизбежно приведет к нарушению прав и свобод граждан, которые могли бы быть вовлечены в уголовное судопроизводство в качестве потерпевших.

Разнообразие процессуальных возможностей, которые в германском законодательстве предоставлены потерпевшему, говорит о том, что законодатель со всей определенностью исходит из невозможности отождествить функцию обвинения с иными процессуальными функциями потерпевшего.

Поэтому возможность имплементации некоторых норм германского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих процессуальное положение потерпевшего, в российское, должна быть хорошо изучена с учетом национального менталитета.

[1] Гурдин С. В., Чеботарева Е. А. К вопросу об отмене стадии возбуждения уголовного дела // «Уголовное судопроизводство : стратегия развития». Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. О. В. Химичевой.— М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.— С. 73.

Е. В. Ольшевский[1],
следователь 5 отдела
следственной части Следственного управления
УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Относительно процессуальных функций, выполняемых в уголовном судопроизводстве следователем как самостоятельным участником уголовно-процессуальной деятельности, нет единого мнения в научной среде.

Автор придерживается общепринятой точки зрения о том, что следователь наделен *функцией обвинения*. Формулируя же функцию обвинения, можно определить ее как совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, обеспечить применение к нему мер заслуженного наказания, либо как деятельность, направленную на изобличение и осуждение виновного в совершении преступления. Институт призван материализовать вывод следователя о наличии достаточных доказательств для обвинения лица в совершении преступления. Применение этого института образует функцию обвинения.

Говоря о *функции защиты*, в юридической литературе имеются возражения против того, чтобы выделять ее в деятельности следователя. В частности, В. Н. Шпилев утверждает, что «на предварительном следствии функция защиты, осуществляемая подозреваемым,

[1] © Ольшевский Е. В., 2019.

обвиняемым и защитником, противостоит функции расследования, которая включает в себя предъявление обвинения и изобличение лица, совершившего преступление»[1]. Необходимо при этом уточнить, что следователь, проверяя версию обвинения, должен уделить пристальное внимание доказательствам, оправдывающим обвиняемого. И в случаях наличия совокупности последних сделать вывод о непричастности лица и, соответственно, прекратить уголовное преследование полностью или в части.

Причем институт защиты призван служить достижению задач, которые стоят и перед органами расследования: обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Функция защиты в деятельности следователя заключается в принятии процессуальных решений, в той или иной степени реабилитирующих обвиняемого (подозреваемого) или содержащих вывод о наличии обстоятельств, смягчающих его ответственность, то есть ограждение граждан от неосновательного обвинения и подозрения в совершении преступления.

Таким образом, функция защиты – это совокупность процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, на установление невиновности обвиняемого или на смягчение его ответственности.

Производной от указанных функций обвинения и защиты является функция исследования обстоятельств дела. Обвинение и защита не-

[1] Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. - Минск. 1974.- С. 61.

мыслимы без исследования обстоятельств дела с целью выяснения истины. Неслучайно в уголовном процессе существуют специальные правовые институты, предназначенные для исследования и судебного разбирательства. Реализация функций обвинения, защиты предопределяется результатами исследования обстоятельств дела, причем общеизвестно, что наибольший удельный вес во всей деятельности следователя приходится именно на исследование обстоятельств дела, установления истины. В связи с этим все сказанное позволяет признать исследование обстоятельств дела одной из процессуальных функций в деятельности следователя.

Но все же бесспорен тот факт, что следователь довольно часто получает доказательственную информацию, которую в момент получения нельзя определить, направлена ли она на изобличение либо на оправдание. Лишь при оценке и сопоставлении с другими доказательствами можно решить, обвинительная она либо оправдательная. Соответственно, исследование обстоятельств дела является неотъемлемой частью в деятельности следователя и, безусловно, одной из его функций.

Выполнение функции разрешения уголовного дела также относится к деятельности следователя, как и три вышерассмотренные функции. По отнесению данной функции к числу функций следователя идет полемика не только в среде ученых, но и на законодательном уровне. Так, Конституционный Суд Российской Федерации функцию «разрешение дела» отождествляет с функцией «отправление

правосудия»[1]. Однако, по нашему мнению, такое сравнение весьма условно и может применяться к судебному разбирательству, но не может быть принято к уголовному судопроизводству в целом, так как по каждому уголовному делу его разрешение осуществляется тем органом, в производстве которого оно находится. В стадии предварительного расследования одним из субъектов разрешения дела является следователь, но не суд.

Именно следователь в стадии предварительного расследования при подтверждении виновности обвиняемого совокупностью доказательств привлекает его к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, выполняя тем самым функцию обвинения, завершает расследование направлением дела в суд. В случае отсутствия доказательств виновности обвиняемого или их недостаточности следователь разрешает уголовное дело его прекращением, тем самым выполняя функцию защиты. Приняв же решение о прекращении уголовного дела и оформив его вынесением постановления о прекращении уголовного дела, он выполняет рассматриваемую нами функцию разрешения уголовного дела.

Говоря о функции рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлении, необходимо отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. 146 УПК РФ) выделяет следователя как одного из субъектов, правомочных принимать решения по сообщениям и заявлениям о совершенных или готовящихся преступлениях. На основании изложенного становится очевидным,

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации // Российская газета .– 2000.– № 23.

что данная функция присуща следователю, как одному из участников стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому правы те ученые, которые не объединяют расследование и возбуждение уголовного дела в одну функцию.

Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, является делом первостепенной важности. Поэтому функция следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, раскрывается в положении о неотвратимости ответственности за совершенное преступление и включает в себя возмещение виновным вреда, причиненного преступлением. Причем необходимо отметить, что преступлением причиняется не только имущественный вред, но и вред физический, а также моральный, которые в свою очередь также имеют определенное стоимостное выражение в виде конкретных денежных сумм. Поэтому функция следователя заключается в определении конкретного вида вреда (или совокупности указанных видов) и принятии всех необходимых мер для его возмещения лицам, потерпевшим от преступлений (ст. 42 УПК РФ).

Значимость функции предупреждения преступлений, установления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в повседневной деятельности следователя нельзя недооценить. Очевидно, что успешная реализация назначения уголовного судопроизводства, основанная на совокупности лежащих в его основе принципов, связана с необходимостью осуществления деятельности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Это усматривается из положений УПК РФ, составляющих право-

вую основу деятельности органов предварительного расследования. Так, в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, регламентирующей обстоятельства, подлежащие доказыванию, указано, что подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. В развитие данного требования закона в ч. 2 ст. 158 УПК РФ предусмотрено положение, наделяющее следователя правом вносить в соответствующие организации или должностным лицам представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона.

Самостоятельным направлением в деятельности следователя является розыск лица, обвиняемого в совершении преступления. Функция розыска обвиняемого достаточно четко выражена в уголовно-процессуальном законодательстве, где сказано, что при неизвестности места нахождения обвиняемого следователь принимает необходимые меры к его розыску (ч. 1 ст. 196 УПК РФ).

Подводя итог вышеизложенному, логичным видится вывод о том, что следователь осуществляет следующие процессуальные функции: рассмотрение и разрешение заявлений и сообщений о преступлении; исследование обстоятельств дела; функцию обвинения в совершении преступления и ограждения от необоснованного обвинения; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением; предупреждение преступлений, установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления; принятие мер к розыску лица, обвиняемого в совершении преступления; разрешение уголовных дел.

А. Н. Охлупина[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТЕХНОЛОГИЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ

Как известно, в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел ежедневно проводится большое количество почерковедческих экспертиз. За последний год (2017) экспертами экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России проведено 57 357 экспертиз[2]. При этом наиболее распространенным и сложным объектом таких исследований признается подпись. Данное обстоятельство также подтверждается проведенным нами анализом практики производства почерковедческих экспертиз ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области, который показал, что в 97,5 % случаев в экспертизах исследуемым объектом является подпись, рукописные записи - в 21 %.

Изучение около 170 экспертных заключений показало, что почерковедческие экспертизы назначаются в связи с расследованием различных видов преступлений, предусмотренных УК РФ. Среди них наиболее распространенными являются следующие: Мошенничество (ст. 159 УК РФ), Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), Вымогательство (ст. 163 УК РФ), Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ), Служебный

[1] © Охлупина А. Н., 2019.
[2] Данные по «Отчету НТП 1» о работе ЭКП территориальных органов МВД России по всем видам экспертиз.

подлог (ст. 292 УК РФ), Незаконное пересечение государственной грани-цы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ) и др.

Процесс криминалистического исследования подписей в ряде случаев усложняется влиянием определенных факторов; к их числу относят многообъектность большой доли почерковедческих экспертиз, наличие нескольких проверяемых лиц в рамках проведения одного исследования, а также относительную краткость и простоту исследуемых подписей. Большая доля выводов при исследовании подписей дается в вероятных формах и форме «НПВ» (не представляется возможным ответить на вопрос).

Отрицательным также является влияние субъективизма в процессе выделения, описания и последующей оценки признаков почерковых объектов. Проведенный нами эксперимент, в рамках которого экспертам-почерковедам было предложено исследовать одну и ту же подпись, показал, что 58 % выделенных признаков оказались различными, наряду с этим выявленные совпадающие признаки преимущественно описываются по-разному.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости поиска путей решения имеющихся в теории и практике почерковедения проблем. В целях повышения уровня оптимизации работы экспертов-почерковедов, в частности, автоматизации решения ряда экспертных задач, сегодня видится возможным и оправданным привлечение достижений других областей знаний в судебное почерковедение.

Высокого уровня развития в настоящее время достигли интеллектуальные системы, изучаемые под эгидой искусственного интеллекта. Интеллектуальные системы способны реализовывать некоторые

черты деятельности человеческого интеллекта. Используются они повсеместно, во многих сферах жизнедеятельности, помогая людям в решении сложных задач. Сегодняшний уровень развития их возможностей позволяет применять их и в целях решения задач судебного почерковедения.

Таким образом, перед нами встала задача по созданию своего рода инновационной исследовательской платформы, позволяющей работать с почерковыми объектами при помощи технологий нового поколения. Такая платформа должна в будущем стать неотъемлемой частью экспертной технологии, вопросам изучения которой занималась Н. П. Майлис[1].

В целях решения описываемой задачи нами разрабатывается программа[2], в основе работы которой лежит ДСМ-метод автоматического порождения гипотез. Название метода составляют инициалы известного английского философа, логика и экономиста Джона Стюарта Милля. Данный метод был предложен в конце 70-х годов профессором В. К. Финном и положительно зарекомендовал себя в различных областях применения, в том числе и криминалистике[3]. Использование метода предполагает проведение интеллектуального анализа данных.

Создаваемая программа ориентирована на компьютерные приложения и состоит из трех частей:

– подсистема ввода с базой данных (вносимые данные призваны сформировать базу фактов);

[1] Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. – М. : Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. - С. 126.

[2] Гусакова С. М., Лапшина И. А., Охлупина А. Н. Идентификация подписи: постановка задачи и вариант решения с помощью интеллектуальной ДСМ-системы // Научно-техническая информация.— 2018.— № 8. (сер. 2).

[3] Финн В. К. Автоматическое порождение гипотез в интеллектуальных системах. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

– ДСМ-решатель (необходим для обеспечения реализации правил, позволяющих найти гипотезы о причинах и принадлежности спорной (проверяемой) подписи конкретному исполнителю);

– интерфейс.

Интерфейс программы прост и удобен в использовании. Главное окно представлено тремя вкладками: форма просмотра, форма редактирования и форма вложения.

Форма просмотра позволяет просматривать все имеющиеся в базе данные и отфильтровывать просмотр при необходимости по определенным параметрам.

Форма редактирования позволяет добавлять и удалять данные. Она представлена множеством вкладок для последовательного внесения данных:

1. Вкладка «Множество подписей» – позволяет вводить/удалять подписи определенных лиц в программу.
2. Вкладка «Буква, элемент, конкретизация» – предназначена для введения новых букв, безбуквенных элементов и их конкретизаций, которые ранее в базу не вносились.
3. Вкладка «Транскрипция» – предназначена для введения/удаления транскрипции определенной подписи.
4. Вкладка «Общие признаки» – предназначена для введения/удаления общих признаков подписей.
5. Вкладка «Значение частного признака» – предназначена для введения нового частного признака, ранее не использовавшегося в базе (здесь подразумевается новая группа).

6. Вкладка «Частный признак» – предназначена для введения конкретизированного частного признака, ранее не использованного в базе. Конкретизация предполагает здесь последовательное заполнение пользователем признака подписи (буква > элемент буквы > конкретизация буквы > значение > конкретизация значения).

7. Вкладка «Частный признак у подписей» позволяет привязать уже добавленный в базу признак к определенной подписи определенного человека или удалить его при необходимости.

Форма «Вложения» позволяет «вкладывать» признаки исследуемой подписи в признаки подписей в образцах.

База фактов программы на данном этапе ее разработки расширяется, проводятся эксперименты, которые призваны увеличить устойчивость и обоснованность получаемых с ее помощью результатов. Программа является интерактивной и оставляет возможность ее последующего расширения, что в дальнейшем позволит решать и иные задачи почерковедческой экспертизы при смене определенных параметров работы и вносимых данных.

Е. А. Пирязева[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
С. В. Гурдин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Собирание и представление доказательств защитником по уголовному делу является одной из наиболее острых и активно обсуждаемых в научных кругах тем.

За годы после закрепления положения о наделении защитника правомочиями, связанными с собиранием доказательств, нередки призывы ученых-процессуалистов в юридической литературе о необходимости еще большего вовлечения адвоката в процесс доказывания, создания, по сути, параллельного адвокатского расследования.

Такова позиция Н. А. Власовой и И. С. Красковой, которые предлагают наделить защитника статусом самостоятельного субъекта доказывания и внести изменения в ст. 74 УПК РФ[3]. По их мнению, защитник наряду с судом, прокурором, следователем и дознавателем должен устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

---

[1] © Пирзяева Е. А., 2019.
[2] © Гурдин С. В., 2019.
[3] Власова Н. А., Краскова И. С. Собирание защитником доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса. – М.: ВНИИ МВД России, 2010. - С. 81-84.

Право собирать доказательства сторона защиты приобрела в результате принятия УПК РФ в качестве одного из способов укрепления принципа состязательности уголовного судопроизводства. При этом ч. 3 ст. 86 УПК РФ раскрывает всего лишь способы получения доказательств защитником. К ним, в частности, относятся: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

В свою очередь, ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предоставляет адвокату право собирать сведения, которые имеют значение для оказания юридической помощи, запрашивать справки и иные документы от органов государственной власти, общественных объединений, органов местного самоуправления, а также опрашивать лиц с их согласия, которые могут обладать информацией, имеющей значение для данного дела.

Наглядное сравнение данных нормативных актов позволяет выявить в них определенные расхождения. Если нормы уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержат порядок именно сбора доказательств защитником, то федеральный закон наделяет его правом лишь получения необходимых сведений, которые впоследствии могут быть признаны доказательством.

Существование данной коллизии стало основанием для появления спора в науке уголовно-процессуального права о том, является ли вообще защитник субъектом по собиранию доказательств.

Вопрос тождественности прав стороны обвинения и защиты на стадии предварительного расследования подвержен сомнениям. На этом основании в уголовно-процессуальной науке сформировались различные мнения относительно существования защитника в качестве самостоятельного субъекта доказывания.

Приверженцы одной точки зрения утверждают, что защитник субъектом доказывания не является и лишен реальной возможности собирать, проверять и оценивать доказательства[1]. Объяснение данной концепции раскрывает закрепленный уголовно-процессуальным законодательством принцип состязательности, который наделяет стороны равными правами, в том числе и на стадии предварительного расследования, а также ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Сведения, полученные защитником способами, предусмотренными этой нормой, именуются доказательствами, поэтому следователь обязан приобщать такие документы к уголовному делу[2].

В науке уголовного процесса широко распространено мнение, согласно которому у защитника отсутствуют реальные полномочия по формированию, а следовательно, и представлению доказательств. То есть в случае, если сведения, представленные защитником, будут признаны доказательством, то собраны они будут следователем, а не

[1] Пикалов И. А. Роль защитника в процессе доказывания, при производстве расследования по уголовному делу // Закон и право.— 2006.— № 11.

[2] Баев А. М. Защитник и представитель как субъекты уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук.— Краснодар. 2009.— С. 8–9.

защитником, после обличения их в соответствующую форму[1]. Большое внимание сторонники концепции уделяют соотношению прав и обязанностей обвинения и защиты. Они указывают на наличие существенного дисбаланса в этой области, что противоречит современной модели состязательности в российском уголовном судопроизводстве[2]. В качестве решения данной проблемы ученые считают необходимым ввести институт адвокатского расследования, при котором защитник получит право собирать доказательства и приобщать их к делу наравне с органами предварительного расследования.

Следует согласиться с мнением, признающим защитника субъектом формирования доказательств. Во-первых, оценка есть ни что иное, как мыслительный процесс, и повлиять на уяснение и осмысление имеющейся у защитника информации невозможно. Во-вторых, результаты оценки доказательств, проведенной защитником, могут оказать влияние на решение следователя, дознавателя о наделении доказательств качествами допустимости, относимости, достоверности и достаточности. Это и позволит сделать вывод о виновности лица в совершении конкретного преступления.

Закон не закрепил за защитником право по результатам оценки доказательств признавать доказательства недопустимыми, так как он не располагает властными полномочиями. Тем не менее, данный участник уголовного судопроизводства вправе добиваться признания

---

[1] Лушкин С. А. Собирание доказательств защитой // Пробелы в Российском законодательстве. Юридический журнал.— 2013.— № 4.

[2] Бобылев С. Некоторые проблемы деятельности адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Наука. Мир.— 2017.— вып. 2.

доказательства недопустимым при помощи не запрещенных законом правовых средств.

По нашему мнению, нормы УПК РФ 2001 г. не содержат четкого механизма, который регламентирует процесс собирания и представления доказательств стороной защиты, результатом чего становится появление множества юридических противоречий в порядке правоприменения.

В связи с этим отсутствуют и гарантии, которые позволяют ему реализовывать указанное право. Так, представляется необходимым разрешить назревшую проблему, связанную с адвокатскими запросами, являющимися одним из способов осуществления защитником права на собирание доказательств. В соответствии со ст. 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» у органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, которым направлен адвокатский запрос, существует обязанность предоставить ответ на адвокатский запрос в тридцатидневный срок со дня его получения. Данная обязанность зачастую игнорировалась субъек-тами, уполномоченными удовлетворять адвокатский запрос, в связи с чем 2 июня 2016 г. Президентом Российской Федерации был подпи-сан Федеральный закон № 160-ФЗ «О внесении изменений в ст. 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных право-нарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который ввел ответственность должностных лиц за отказ в предоставлении, несвоевременное предоставление либо предоставление заведомо

недостоверной информации адвокату по адвокатскому запросу[1]. Данная проблема осталась не разрешена до конца.

Еще одним существенным недостатком, нарушающим принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, является установленный в законе срок для ответа на адвокатский запрос[2]. Установив тридцатидневный срок на дачу ответа по адвокатскому запросу, законодатель закрепил возможность его продления (не более, чем на 30 дней). Таким образом, учитывая, что, по общему правилу, дознание производится в течение 30 суток, а предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела, предоставление информации по адвокатскому запросу в сроки, указанные в ст. 6.1 названного выше закона, то есть до шестьдесят дней, делает бессмысленными запросы адвоката, имеющие цель собирания оправдательных или смягчающих ответственность доказательств.

Поэтому целесообразно сократить указанный срок до пяти рабочих дней. Нарушение права защитника на своевременное получение ответа на адвокатский запрос ставит под сомнение и обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи гражданами. Тем не менее, позволим себе не согласиться с учеными, которые считают, что защитника, следователя и дознавателя нужно наделить равными правами при сборе доказательств. Под сомнение можно поставить и утверждение, связываю-

[1] Булычев Е. Н., Парвазова Д. Р. Проблемы реализации адвокатом прав на получение сведений информации посредством адвокатского запроса // Евразийская адвокатура.- 2017.- № 2.

[2] Булычев Е. Н., Парвазова Д. Р. Указ.соч.

щее различия в правовом статусе вышеуказанных субъектов в вопросах доказывания с нарушением принципа состязательности. Для этого нужно обратиться к вопросу статуса следователя как участника уголовного судопроизводства, а также проанализировать его отношения с защитником на стадии предварительного расследования.

Следует отметить, что ст. 38 УПК РФ относит следователя к стороне обвинения. Тем не менее, функция следователя, как ни странно, не сводится только к обвинению.

Например, из анализа положений ст. 73 УПК РФ следует, что к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности, отнесены: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Кроме того, в науке уголовного процесса различают как обвинительные, так и оправдательные доказательства. Следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Данное положение предусматривается принципом свободы оценки доказательств, закрепленным в ст. 17 УПК РФ. Составляя обвинительное заключение, следователь обязан указать доказательства как подтверждающие обвинение, так смягчающие ответственность (ст. 220 УПК РФ).

В связи с этим целесообразней было бы охарактеризовать следователя как процессуально самостоятельного субъекта, ведущего расследование, способного принимать решения о необходимости тех

или иных доказательств. Таким образом, наделение защитника правом проводить адвокатское расследования преступлений, без сомнения, повлечет дестабилизацию уголовного судопроизводства, что в свою очередь грозит обернуться разрушением предусмотренного порядка расследования преступлений.

По этой причине выполнение указанных полномочий защитником возможно лишь в условиях для уголовного процесса англосаксонской правовой системы, который носит сугубо состязательный характер.

Ввиду того, что в уголовном судопроизводстве Российской Федерации преобладают публично-правовые начала, необходимым представляется присутствие лица, наделенного властными полномочиями (в данном случае следователя, дознавателя.). Именно ярко выраженный публичный характер уголовно-процессуальных отношений нашей страны не позволит в полной мере реализовать свои права его участникам.

После введения института адвокатского расследования у защитника появится возможность не только выявлять обстоятельства, оправдывающие обвиняемого (подозреваемого) или смягчающие его ответственность, но и собирать сведения, которые могут служить доказательством виновности других лиц. Своеобразная «подмена следствия» и будет означать ни что иное как разрушение права равноправия сторон.

Таким образом, наделение защитника правом по собиранию доказательств в настоящее время не реализовывается им в полной мере, так как отсутствуют гарантии, подкрепляющие это право. Поэтому важной представляется дальнейшая разработка научно

обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, которые будут более четко регламентировать деятельность адвоката в процессе доказывания, а также рекомендаций защитнику, имеющему намерение осуществить собирание и представление доказательств на стадии предварительного расследования.

В. В. Пушкарев[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЛЯ ЧЕГО НЕОБХОДИМЫ СУБЪЕКТНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»?

При осуществлении сравнительно-правового анализа норм действующего законодательства различных стран можно констатировать, что институт уголовного преследования продолжает оставаться востребованным и отражен в уголовно-процессуальных кодексах большинства стран (из бывших советских республик от него отказались, например, в Республике Узбекистан, уголовно-процессуальный закон которой такого термина не знает[2], а также на Украине[3]; нет такого понятия в УПК Японии[4]), в остальных странах при в общем-то равных назначении, целях и средствах уголовного судопроизводства распространены два подхода к определению сущности данного института, разница которых видится в установлении прежде всего объекта уголовного преследования.

Первый предполагает, что объектом уголовного преследования является деяние.

Так, в УПК ФРГ отождествляются понятия публичного обвинения и уголовного преследования, объектом которого в п. 2 пар. 152 УПК

---

[1] © Пушкарев В. В., 2019.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII) (ред. 18 апреля 2018 г.) // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[3] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (ред. 07.06.2018) // Источник: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[4] УПК Японии (Act №. 131 of July 10, 1948) // Источник: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/ (дата обращения: 15.10.2018).

ФРГ называются преступные деяния, подлежащие преследованию, при наличии достаточных фактических оснований[1].

Аналогичным образом решен вопрос об уголовном преследовании в УПК Австрии, в пар. 87 абз. 1 которого установлена обязанность публичного уголовного преследования, направленного на установление преступления и осуждение лица, его совершившего[2].

В п. 7.0.4. УПК Азербайджанской Республики уголовное преследование определяется как уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в целях установления события преступления, изобличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом, предъявления ему обвинения, поддержания этого обвинения в суде, назначения наказания, обеспечения при необходимости мер процессуального принуждения. В п. 38.4 определен момент окончания уголовного преследования, где указано, что оно должно осуществляться до выявления обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, либо до отказа государственного или частного обвинителя от уголовного преследования в случаях и в порядке, установленных настоящим Кодексом[3].

В п. 17 ст. 6 УПК Республики Армения уголовное преследование определяется как всякие процессуальные действия, осуществляемые органами уголовного преследования, а в установленных настоящим Кодексом случаях — потерпевшим в целях установления личности совершившего запрещенное Уголовным кодексом деяние, виновно-

---

[1] Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO). // научно-практический комментарий и перевод текста закона.— М. : МГЮА, 2012. – С. 226.

[2] Бутов В. Н. Уголовный процесс Австрии. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. - С. 12-13.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (ред. 17.11.2017) // Источник: http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

сти последнего в совершении преступления, а также обеспечения применения к такому лицу наказания или других мер принуждения[1].

В п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения.

В п. 22 ст. 7 УПК Республики Казахстан уголовное преследование (обвинение) определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного правонарушения, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.

В ст. 6 УПК Республики Таджикистан установлено, что уголовное преследование - процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, привлечения последнего в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или других принудительных мер[2].

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 (ред. 07.07.2016) // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (ред. 24.02.2017) // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

В ст. 252 УПК Республики Молдова определяется уголовное преследование как сбор необходимых доказательств о наличии преступления, идентификации исполнителя деяния для определения наличия основания направления или ненаправления уголовного дела в суд в соответствии с законом и установления ответственности, которую должен понести исполнитель деяния[1].

В соответствии со второй позицией уголовное преследование направлено на лицо подозреваемое, обвиняемое в совершении преступления.

Так, в действовавшем до 2019 г. УПК Кыргызской Республики понятие уголовного преследования не было закреплено[2]. В п. 50 ст. 5 УПК этой страны, принятом в 2016 г. и вступающим в силу с 2019 г., под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления и (или) проступка[3].

В соответствии со ст. 167 УПК Грузии уголовное преследование начинается с момента задержания или признания лица обвиняемым (если оно не подвергалось задержанию)[4].

В УПК РФ понятие уголовного преследования сформулировано в п. 55 ст. 5, где под ним понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозревае-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (ред. 29.03.2018) // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 (ред. 04.12.2017) // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 // URL : http:///online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2018).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-Пс (ред. 05.07.2018) // Законодательный Вестник Грузии..

мого, обвиняемого в совершении преступления. Однако законодатель еще раз возвращается к определению уголовного преследования в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, где устанавливается обязанность осуществления уголовного преследования прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем, когда данные субъекты в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Введение дефинитивного признака «принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления» приводит к явному диссонансу данной нормы с той, которая определяет искомую дефиницию в п. 55 ст. 5 УПК РФ, и последующим текстом в самой ч. 2 ст. 21 УПК РФ, поскольку предполагается направленность уголовного преследования не на лицо, а на факт, событие преступления. Подобный подход противоречит устойчивому поступательному развитию науки уголовного процесса, отраслевого законодательства и правоприменительной практики, обнажает слабую восприимчивость действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства к правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, корректирующим порядок осуществления уголовного преследования в досудебном производстве, в которых признается неоспоримая значимость ориентации уголовного преследования на лицо, при решении вопросов о справедливости уголовного судопроизводства в целом.

В исторической правовой ретроспективе вопрос о соотношении субъектных и объектных признаков в определении уголовного пре-

следования разрешен в уголовно-процессуальной теории об уголовном преследовании М. С. Строговичем, который философски верно подошел к определению субъектно-объектных доминант в исследуемом институте, справедливо отказавшись от атрибуции признаков объекта уголовного преследования у неопределенного круга лиц, («всякий предполагаемый совершитель преступления»[1] - по М. А. Чельцову)[2]. Он правильно указал на необходимую первичность субъектно-субъектных отношений при осуществлении уголовного преследования, что служит основанием его начала, а также на субъектно-объектные отношения как познавательную активность лица или органа, осуществляющего уголовное преследование в отношении деятельности обвиняемого, в их диалектической взаимосвязи, однако не разрешил вопрос о моменте начала уголовного преследования при описании положения подозреваемого в совершении преступления.

Утверждение же о том, что изобличаемое в совершении преступления лицо (субъект преступления в уголовно-правовом смысле), тем более неопределенный круг лиц, есть объект уголовного преследования – суть инквизиционной формы уголовного процесса, не предполагающей наличия серьезных оснований для ее начала, свойственной своими методами неизбирательного отношения к субъектам[3]. Игнорирование данного положения приводит к неудовлетворительному выражению соответствующих норм в действующем уголовно-

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. . Основные положения науки советского уголовного процесса. — М., 1968. — Т. 1— С. 193.

[2] Чельцов М. А.— Уголовный процесс. — М., 1948.— С. 347-350.

[3] Чельцов М. А.— Уголовный процесс. — М., 1948.— С. 347-350.

процессуальном законе, серьезным нарушениям, допускаемым в правоприменительной практике.

Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации[1] установлено, что уголовное преследование представляет собой обвинительную процессуальную деятельность уполномоченных должностных лиц и органов, направленную против конкретного лица, которая может подтверждаться вынесенным процессуальным решением о возбуждении уголовного дела, проведением в отношении него следственных и процессуальных действий по доказыванию его причастности к совершенному преступлению посредством установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого).

Совершенно очевидно, как Конституционный Суд Российской Федерации абстрагировался от текста УПК РФ в определении содержательных свойств и выявлении существенных признаков момен-та начала уголовного преследования, указав, что в первую очередь должно учитываться фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, а уголовно-процессуальная терминология понятий «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должна толковаться в их

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Российская газета. 2000.– № 128.

конституционно-правовом, а не в придаваемом им УПК РСФСР более узком смысле.

Аналогичный подход неоднократно демонстрировал Европейский Суд по правам человека, для правовых позиций которого свойственно предельно широкое и в то же время четкое понимание термина «уголовное преследование». Например, в деле «Фоти и Другие против Италии (Foti and others v. Italy, 1982) суд включил в него меры, подразумевающие такое подозрение и которые могут серьезно и непосредственно повлиять на положение подозреваемого (заинтересованное лицо)[1].

Таким образом, в правовых позициях Европейского Суда по правам человека, сталкивающегося в своей практике с различными проявлениями национального права в уголовно-процессуальной деятельности, составляющими суть жалоб, определение направленности уголовного преследования на лицо позволяет четко сформулировать начальный момент уголовного преследования, всегда связанный с ограничением прав и законных интересов конкретного лица.

Однако нормы п. 55 ст. 5 УПК РФ не изменились под влиянием вышеприведенных положений Конституционного Суда Российской Федерации и позиций ЕСПЧ, хотя сам закон претерпел существенные изменения, когда в стадии проверки сообщения о преступлении появился новый субъект – лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В ситуации, когда с участием данного лица (подозрение подразумевается) проводятся следственные и процессуальные действия, которые могут

[1] Гомиен Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека.— Страсбург: Совет Европы, Служба публикаций и документации,— 1994.— С. 38–39.

серьезно и непосредственно повлиять на его положение, де-факто осуществляется уголовное преследование, но де-юре – нет, так как содержание его процессуального статуса не определено, что приводит к неосновательному стеснению данного участника уголовно-процессуальных отношений, нарушению, как следствие, охранительной функции уголовного процесса, так как в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ субъектом уголовного преследования является подозреваемый или обвиняемый.

Существует два подхода к нормативному решению данной проблемы, а выбор правильного связан с надлежащим определением юридического факта как момента возникновения, изменения или прекращения уголовно-процессуальных отношений. В соответствии с первым в качестве юридического факта называется момент появления у лица права на юридическую помощь[1]. Авторская новация предполагает учет вышеприведенной аргументации, в соответствии с которой юридическим фактом уголовного преследования является момент начала обвинительной процессуальной деятельности уполномоченных должностных лиц и органов, направленной против конкретного лица, серьезно и непосредственно влияющей на его положение.

Вполне очевидно, что в первом случае конституционное право на защиту выступает в качестве производного фактора общего характера, которому ошибочно придается первичное значение. Именно начало обвинительной деятельности, то есть уголовного преследования конкретного лица, предполагает возникновение у него вышеприве-

[1] Федулов А. В. Начало публичного уголовного преследования в современном уголовном процессе России // Проблемы правоохранительной деятельности.— 2016.— № 3.— С. 71—72.

денного конституционного права и определяет, как следствие, момент начала защиты от уголовного преследования, а не наоборот.

В качестве закономерного итога следует предложить базовые тезисы теоретико-методологического характера, касающиеся юридической догмы уголовного преследования в УПК РФ, по признакам содержательной части определения, юридического факта и субъектного состава. Пункт 55 ст. 5 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «55) уголовное преследование - обвинительная процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения конкретного лица в совершении преступления, серьезно и непосредственно влияющая на его положение;», а из содержания ч. 2 ст. 21 УПК РФ исключить слова «установлению события преступления».

Д. Р. Рустамов[1],
слушатель факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Н. Ю. Емельянова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сегодня принцип разумного срока вызывает немало дискуссий. В юридической литературе не существует единого подхода к пониманию принципа разумного срока, к определению места и роли разумного срока в уголовном судопроизводстве, его понятию и сущности.

Можно обратить внимание на тот факт, что наряду с выше обозначенным термином ученые используют такие понятия, как «быстрота и оперативность», «ускорение уголовного судопроизводства», «должностная активность властных субъектов уголовного процесса». Эти категории, несомненно, близки, но, как представляется, не тождественны по своему содержанию.

С. И. Ожегов термин «разумный» определяет как логичный, основанный на разуме, целесообразный. Этот же термин, по мнению авторов универсального словаря русского языка, в одном из своих значений толкуется как «оправданный сложившимся положением,

[1] © Рустамов Д. Р., 2019.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2019.

наиболее отвечающий каким-либо обстоятельствам, рациональный, целесообразный»[1].

Тем самым, этимология слова «разумный» дает основание говорить о том, что применительно к уголовному процессу данный термин не может означать только лишь быстроту процесса, равно как и однозначно быть связан только с должностной активностью участников уголовного судопроизводства. «Разумный срок» представляет собой расширенное понятие, его юридическое рассмотрение не должно приводить к ускоренному решению судопроизводства, то есть означать скорый суд.

Приведем некоторые аргументы в поддержку данной позиции. Смысл предварительного расследования заключается в том, чтобы публично-правовые действия всех властных субъектов уголовного судопроизводства объективно были направлены на раскрытие, расследование, рассмотрение и разрешение уголовных конфликтов.

Все, что происходит в рамках этой работы, подчинено процессу доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ и составляющих предмет доказывания по уголовному делу. Собирание, проверка и оценка доказательств, производимые должностными лицами государства, ограничены процессуальными сроками. Таким образом, можно утверждать, что следователь, дознаватель, судья с учетом положения о разумном сроке должны использовать установленные законом временные границы максимально рационально и эффективно. Однако отечественный законодатель несколько односторонне подходит к оптимизации уголовно-процессуальной деятельно-

[1] Ожегов С. И. Учебное пособие для вузов.— М., 2014.— С. 43.

сти, направляя свои усилия на создание институтов, способствующих ускорению уголовного судопроизводства. Наиболее ярким примером здесь может служить особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Направленный на упрощение процессуальной процедуры, данный институт преследует экономию сил и средств правоохранительных органов и суда, минимизацию издержек при раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовного дела, сокращение временного разрыва с момента совершения преступления до момента принятия окончательного решения по данному уголовному делу, рационализацию уголовного судопроизводства, направленную на его ускорение и эффективность[1].

При этом, как отмечает Е. В. Рябцева, особый порядок существенно усложняет, а в ряде случаев делает невозможным установление истины по уголовному делу. В результате автор приходит к выводу о том, что в данных бесспорных ситуациях справедливость не зависит от установления судебной истины. Согласиться с таким фактически установленным законодателем положением вещей сложно, поскольку справедливость в цивилизованном обществе всегда ассоциируется именно с правдой, истиной и законом. Таким образом, действительность с очевидностью доказывает, что ускорение и быстрота в рамках уголовного судопроизводства, как понимает их российский законодатель, не всегда бывают разумными.

Достижение обозначенных в ст. 6 УПК РФ целей напрямую зависит от раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего. Данная задача достигается в ходе собирания, проверки и оценки

[1] Рябцева Е. В. Реализация принципа разумности в уголовном судопроизводстве.– М., 2010.

доказательств, подтверждающих либо опровергающих обстоятельства предмета доказывания. Именно эта деятельность занимает центральное место в уголовном судопроизводстве. Специалисты-практики знают, что качество проведенного досудебного расследования непосредственно отражается на справедливости и законности итогового решения по делу. Спешное рассмотрение уголовного дела может привести к необъективному расследованию уголовного дела. В судопроизводстве при расследовании уголовного дела оперативность играет огромную роль, так как может повлиять на справедливость и законность итогового решения судебного разбирательства. Так, по мнению ряда ученых, следование данным принципам позволяет не только установить истину по уголовному делу, но и способствует охране прав и законных интересов участников уголовного процесса, предупреждает совершение новых преступлений, приближает момент наказания к моменту совершения преступления, повышает эффективность судопроизводства. Добавим также, что быстрота и оперативность способствуют снижению загруженности правоохранительных органов и судов, повышают степень реализации права на доступ к правосудию, укрепляют авторитет государства и правосудия у населения.

Во многом данные положительные моменты сопутствуют и положению о разумном сроке уголовного судопроизводства. И все же приходится констатировать, что в отличие от последнего быстрота и оперативность, особенно в совокупности с отсутствием должного профессионализма и ответственности, способны пагубно сказаться на полноте и глубине, требуемых от процесса доказывания.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что разумный срок направлен не только на преодоление медлительности и волокиты в деятельности властных субъектов, но и на рациональное и эффективное использование времени, реально необходимого в рамках установленных законом сроков для полного, объективного и всестороннего расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел. В этом смысле положение о разумном сроке способно создать баланс между необходимостью обеспечения права на скорое решение и соблюдение права на справедливое судебное разбирательство[1].

Данный термин может рассматриваться с нескольких позиций.

Во-первых, он представляет собой принцип уголовного процесса. Это означает, что в его содержании заключена гарантия целого комплекса таких фундаментальных прав, как право на скорый суд, справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию.

Во-вторых, положение о разумном сроке порождает обязанность должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, соотносить свои действия с установленными в законе временными границами, а в случае отсутствия таковых – осуществлять свою деятельность рационально и эффективно, достигая, таким образом, цели раскрытия преступления и изобличения лица, его совершившего, и не нарушая основных прав и свобод личности. В этом смысле положе-ние о разумном сроке представляет собой требование, влияющее на производство всего уголовного дела.

В-третьих, разумный срок – это период времени, необходимый и достаточный для рационального и эффективного проведения все-

[1] Курышева Н. С. Способы реализации разумного срока в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов.— М., 2013.— С. 54.

стороннего, полного и объективного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также для принятия конкретных решений и осуществления отдельных процессуальных, в том числе следственно-судебных, действий и применения мер уголовно-процессуального принуждения.

В целом определение разумного срока должно включать в себя все основные характеристики данного правового явления. Исходя из этого, разумный срок – это отвечающий обстоятельствам конкретного уголовного дела период времени, необходимый и достаточный для эффективного раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовно-правового конфликта, а также порождающий обязанность рациональной организации производства по уголовному делу в целях охраны прав и свобод личности.

Е. Ю. Самолаева[1],
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

Введение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» главы 32.1, регламентирующей порядок производства дознания в сокращенной форме, было обусловлено необходимостью повышения эффективности производства дознания, качества процессуальной деятельности и полноценного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Положения данной главы УПК РФ нередко подвергаются критике со стороны ученых-процессуалистов и практических работников[2]. В результате сформировалось неоднозначное мнение о целесообразности и эффективности этих норм. Так, правоприменители допускают возможность судебной ошибки, нарушения закона и даже фальсификации доказательств в ходе производства сокращенного дознания; полагают, что упрощение процедуры дознания приведет к снижению качества и требовательности к результатам работы дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов[3].

---

[1] © Самолаева Е. Ю., 2019.

[2] Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием // Уголовное судопроизводство.— 2016.— № 4.— С. 16–25; Белавин А. А., Бочинин С. А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь.— 2016.— № 13.— С. 12–17.

[3] Калугин А. Г. Доказывание при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах: оптимизация или упрощение? // Актуальные проблемы российского права.— 2015.— № 12.— С. 147–154.

Решением данных проблем ученым видится исключение этой главы из уголовно-процессуального законодательства, как противоречащей «правилам уголовного доказывания и назначению всего уголовного судопроизводства в целом»[1], а также внесение многочисленных предложений по изменению действующих норм главы 32.1 УПК РФ.

Не вступая в дискуссию о необходимости внесения столь глобальных изменений в довольно молодую и еще не устоявшуюся практику применения сокращенной формы дознания, обратимся к отдельным ее проблемам.

Мы исходим из позиции, что глава 32.1 УПК РФ – это наша реальность, и действующие уголовно-процессуальные нормы должны применяться в том виде, каком они закреплены в настоящее время. Кроме того, введение сокращенных форм досудебного производства – это одно из современных направлений национальной уголовно-процессуальной политики, которое и далее будет развиваться. Государственные органы прикладывают максимальные усилия для увеличения практики применения сокращенной формы дознания. И ситуация постепенно меняется. Отмечается увеличение до 47 % числа уголовных дел, расследованных в сокращенной форме[2]. Этим результатам также способствовал Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 20 февраля 2015 г. № 83, который закрепил положение о том, что сведения об уголовных делах, возвращенных судом прокурору по инициативе подсудимого или потерпевшего, не должны учитываться как нарушения законности (п. 129 Приложения № 3 Инструкции по составлению отчетности по формам федераль-

[1] Белкин А. Р. Указ. соч.— С. 17.
[2] Белавин А. А., Бочинин С. А. Указ. соч.- С. 13.

ного статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ)[1]. В дальнейшем это положение было сохранено в новом Приказе Генерального прокурора России от 22 декабря 2017 г. № 858 (п. 141 Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ)[2].

Обратимся к одной из проблем, которая вызывает обсуждение в научной сфере и касается прав потерпевшего в ходе производства дознания в сокращенной форме. В частности, подвергается сомнению необходимость получения согласия потерпевшего на применение процедуры сокращенного дознания.

Анализируя замысел законодателя в отношении вводимых норм о сокращенном дознании, а также оценивая их содержание, создается уверенное представление, что единственным и исключительным инициатором производства дознания в сокращенной форме должно являться лицо, подозреваемое в совершении преступления.

В то же время п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ содержит положение о том, что в случае возражения потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме - данная форма дознания применена быть не может. Таким образом, несмотря на то, что решение о применении сокращенной процедуры дознания принимает дознаватель на основании заявленного подозреваемым ходатайства (ч. 2 ст. 226.4

[1] Приказ Генерального прокурора России от 20.02.2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения №№ 1-Е, 1-ЕМ» (Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Генерального прокурора России от 22.12.2017 г. № 858) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru

[2] Приказ Генерального прокурора России от 22.12.2017 г. № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е "Сведения о следственной работе и дознании" и № 1-ЕМ "Сведения об основных показателях следственной работы и дознания", а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ" (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

УПК РФ), возможность производства дознания в сокращенной форме зависит и от позиции потерпевшего.

Необходимость получения согласия потерпевшего вызывает возражение среди ученых-процессуалистов также по той причине, что это право потерпевшего ограничивает права подозреваемого. Он теряет преимущества, которые данная процессуальная форма ему предоставляет (сокращение сроков расследования и рассмотрения уголовного дела в суде (ч. 1 и ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ), снижение максимального размера наказания, предусмотренного за преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ)).

Кроме того, в норме, регламентирующей данное право, содержатся ограничения и прав самого потерпевшего, — отсутствует указание на право высказать такое согласие его законным представителем. Этот факт обращает на себя внимание, поскольку данный участник уголовного судопроизводства упоминается в ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, разъясняющей право заявлять ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства в общем порядке. Полагаем, что данное упущение требует устранения путем внесения соответствующего дополнения в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ.

В 2015 г. МВД России был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)», который предлагает ввести в УПК РФ новую главу 32.2 «Особый порядок досудебного производства» и исключить главу 32.1 УПК РФ.

Новая глава призвана заменить процедуру сокращенного дознания[1]. Применительно к рассматриваемому вопросу следует отметить, что данным проектом не предусмотрено обязательное получение согласия потерпевшего (впрочем, как и подозреваемого) при принятии решения об особом порядке досудебного производства. Это еще раз свидетельствует о позиции правоприменителя по данному вопросу.

Поскольку в настоящее время действуют нормы, которые эти положения закрепляют, обратимся к проблемам их реализации на практике.

В юридической литературе предлагается выяснять, имеются ли у потерпевшего возражения против производства дознания в сокращенной форме, до принятия решения о ее применении[2]. Данная позиция высказывалась еще на этапе разработки положений главы 32.1 УПК РФ, но в окончательной редакции не нашла закрепления. О целесообразности этого свидетельствует и складывающаяся практика.

Согласно исследованиям, каждое третье уголовное дело, по которому производилось дознание в сокращенной форме, содержит разъяснение прав, порядка и правовых последствий в связи с производством дознания в сокращенной форме. Отметки об этом обычно ставились в уведомлениях о возбуждении уголовного дела, постановлениях о признании потерпевшим, протоколах допроса потерпевшего и др.[3]

Полагаем, правы авторы, считающие необходимым заблаговременно сообщать пострадавшему от преступления о его праве высказать свою позицию по поводу процедуры сокращенного дознания. Это, несомненно, способствует защите прав и законных интересов не только

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (подготовлен МВД России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс».// URL : http://www.consultant.ru

[2] Францифоров Ю. В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс.— 2015.— № 4.— С. 146–150.

[3] Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук.- Воронеж, 2016.- С. 205-230.

потерпевших, но и других участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Ю. В. Сидоров[1],
старший преподаватель Тверского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

О ВОПРОСАХ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ значительно расширены полномочия следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа при рассмотрении сообщения о преступлении. Так, вместе с расширенным перечнем способов сбора доказательственной информации положение ч. 1 ст. 144 УПК РФ предполагает истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ. Таким образом, законодатель закрепил за уполномоченными должностными лицами право производить в ходе процессуальной проверки изъятие необходимых предметов и документов.

В уголовном процессе имеется ряд следственных действий, которые предполагают и разрешают изъятие предметов и документов в процессе их проведения; к ним относят: осмотр, выемку и обыск. Изменения в рассматриваемой статье, а именно ч. 1^2 ст. 144 УПК РФ, гласят о том, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств, при условии соблюдения требований статей 75 («Недопустимые доказательства») и 89 («Использование в качестве доказательств результатов оперативно-разыскной деятельности») УПК РФ, в связи с чем остается открытым вопрос о том, является ли

[1] © Сидоров Ю. В., 2019.

законным и обоснованным изъятие предметов и документов выемкой, произведенной в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении, так как данное следственное действие отсутствует в ст. 144 УПК РФ как разрешенное, а, как известно, производство следственных действий разрешено строго в рамках возбужденного уголовного дела.

Итак, рассмотрим понятие выемки как следственного действия. Выемка – это следственное действие, заключающееся в изъятии предметов, признаки и место хранения которых заранее известны органу расследования[1]. В научной литературе существует множество различных мнений по поводу законности производства выемки до возбуждения уголовного дела. Так, например, М. П. Перякина отмечает, что на данный момент изъять предметы и документы до возбуждения уголовного дела возможно только путем производства осмотра места происшествия[2]. По утверждению А. Б. Судницына, до возбуждения уголовного дела производство выемки недопустимо. Как полагает автор, изъятие объектов при проверке сообщения о преступлении должно проводиться исключительно в рамках разрешенных следственных действий (осмотр, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования)[3].

В практической деятельности в период проведения доследственной проверки нередки случаи, когда фактические основания производства осмотра отсутствуют, однако, несмотря на это, следователям и дознавателям приходится его проводить в связи с

[1] Криминалистика.: учебник./ под ред. А. И. Бастрыкина.— М.: Экзамен, 2014.— Том II.— С. 109.

[2] Перякина М. П. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Вестник Томского государственного университета.— 2017.— № 416.— С. 181–184.

[3] Судницын А. Б. К вопросу о возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика.— 2017.— № 2.— С. 29–32.

необходимостью изъятия предметов и документов с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела. В связи с этим участились случаи обращения граждан в суды в рамках ст. 125 УПК РФ с целью признания осмотров места происшествия незаконными. Вследствие подобных жалоб протокол осмотра места происшествия теряет свою значимость, так как признается недопустимым доказательством. По нашему мнению, данные случаи подмены одного следственного действия другим недопустимы, поскольку основная цель осмотра – обнаружение следов преступления, а не изъятие определенных предметов и документов, в отличие от выемки, для которой законом установлена специальная процедура, другие основания и условия проведения.

В этой связи органам и лицам, производящим предварительную проверку сообщения о преступлении, необходимы дополнительные разъяснения законодателя по вопросам производства изъятий на указанном этапе.

Зачастую в ходе проведения проверки сообщения о преступлении уполномоченное лицо сталкивается с добровольным желанием заявителя выдать какие-либо предметы, документы, имеющие значение для установления обстоятельств совершенного преступления, однако в этот момент перед следователем или дознавателем возникает вопрос, какое следственное действие провести для изъятия интересующих его предметов и документов. И, убедившись в отсутствии четко регламентированного действия, направленного на изъятие в период процессуальной проверки необходимых предметов и докумен-

тов, при отсутствии законных оснований следователь или дознаватель производит осмотр места происшествия.

В то же время в одном из информационных писем руководителя Следственного комитета Российской Федерации указано, что полномочия следователя изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, до возбуждения уголовного дела не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено, в том числе и выемки[1].

Мы считаем, что существует несколько способов устранения законодательных пробелов, регламентирующих порядок изъятия предметов и документов на этапе процессуальной проверки сообщения о преступлении.

Одним из основных способов, полагаем, может быть внесение дополнений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, связанных с расширением перечня разрешенных к проведению следственных действий до возбуждения уголовного дела, а именно выемки. Положение ч. 1 указанной статьи необходимо дополнить «… истребовать предметы и документы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, в том числе в соответствии со ст. 183 УПК РФ». Вместе с тем, целесообразно дополнение ч. 1 ст. 183 УПК РФ «… имеющих значение для уголовного дела и проверки сообщения о преступлении».

Считаем, что внесение дополнений в ст. 144, 183 УПК РФ в части разрешения производства выемки для изъятия предметов и документов во время процессуальной проверки обеспечит единый и однозначный подход правоприменителей к вопросам изъятия на данной стадии,

[1] Информационное письмо первого заместителя Председателя Следственного комитета России В. И. Пискарева от 30 декабря 2014 г. № 214-51098 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении». // URL: http://docs.pravo.ru/document/view/84426894/37747762/ (дата обращения: 22.10.2018).

исключит производство следственных действий, имеющих другие цели и задачи.

Р. Б. Слоев[1],
слушатель факультета подготовки иностранных специалистов
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
Н. Ю. Емельянова[2],
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России им. В.Я Кикотя

К ВОПРОСУ О МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Развитие уголовного судопроизводства потребовало новый подход к разрешению уголовных конфликтов, который должен быть направлен на восстановление справедливости и в равной мере удовлетворение потребностей пострадавшего лица, совершившего преступление и общества. Именно таким подходом к разрешению уголовного конфликта является восстановительное правосудие.

В настоящее время во многих странах применяются различные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, лежащие в основе так называемого восстановительного правосудия. Н. Н. Апостолова в своей работе «Медиация (посредничество) по уголовным делам»[3] относит к их числу: полицейское предупреждение, штраф по соглашению, условный отказ от уголовного преследования, транс-акция и т. д.

Считается, что восстановительное правосудие является альтернативным способом традиционному правосудию.

Традиционное уголовное правосудие имеет карательный характер, весь уголовный процесс, начиная с расследования преступления и

---

[1] © Слоев Р. Б., 2019.
[2] © Емельянова Н. Ю., 2019.
[3] Апостолова Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам // Российская юстиция.— 2010.— № 3.— С. 55–58.

заканчивая судебным актом, направлен на доказательство вины лица, предъявления ему обвинения и определения наказания за совершенное деяние. При этом судопроизводство определяет лицо преступником и, отбыв наказание, ему сложно будет проходить процесс реинтеграции в общество. То есть, человеку, оступившемуся и нарушившему нормы закона однажды, очень сложно будет заново входить, вливаться в нормальное общество людей, если даже он осознал свой противоправный поступок, раскаялся, пересмотрел свое поведение и решил жить по-новому. Можно сказать, что и жертва в этом случае остается на обочине, поскольку существующее правосудие не дает возможности полностью восстановиться от последствий преступления.

Именно вышеизложенные обстоятельства нацеливают на поиск альтернативных традиционному уголовному судопроизводству способов. Это необходимо для того, чтобы усилить внимание законодателя к максимальной защите прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Суть правосудия с точки зрения концепции восстановительного правосудия в том, чтобы посодействовать жертве и преступнику решить их ситуацию [1].

Иначе говоря, преступление в традиционном понятии - это выпад против государства. В понимании же восстановительного правосудия, преступление - это насилие, обида, которые нанесены одним человеком другому. Вред, нанесенный конкретному человеку или

[1] Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека. // Под ред. И. Л. Петрухина. — М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.— С. 45.

определенной социальной группе, порождает у преступника обязательства по заглаживанию вреда.

Во многих зарубежных странах мира программы восстановительного правосудия как альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов используются достаточно широко. Наиболее широко почти во всех странах используется медиация по уголовным делам.

Идея восстановительного правосудия исходит из понимания того, что «преступление – это насилие над людьми и отношениями»[1]. Исходя из этого, следует отметить, что первостепенной проблемой правосудия обязано быть возобновление данных взаимоотношений. В рамках этой концепции взыскание подразумевается равно как «желание причинения боли»[2] и «ответственность посредством лишения и страдания»[3]. В этом представлении оно никак не содействует развитию у преступника ощущения ответственности за совершённое. Наоборот, пребывание в местах лишения свободы рушит умение осужденного к существованию в обычном мире, портятся простые социальные навыки, ощущение ответственности за себя и родных, культивируется повторная преступность. Приговоренный наиболее предрасположен к самооправданию, находит себя жертвой, и, отбывая наказание, несет приписанную ему обязанность пред обществом, однако никак не берет на себя действительной ответственности перед жертвами[4].

---

[1] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. - М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кристин Н. Пределы наказания.- М.: Прогресс, 1985. - С. 26.

[3] Карнозова Л. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // URL. : https://www.lawmix.ru/comm/6542

[4] Там же.

Первая известная программа восстановительного правосудия, примирения лица, совершившего противоправное деяние, и лица, которому был причинен вред, была применена в 1974 г. в Канаде.

В разрешении задач восстановительного правосудия жертва и преступник становятся самыми активными и непосредственными его участниками, только они уполномочены урегулировать конфликт, который возник между ними, и принять совместное, выгодное для них решение. В рамках традиционного правосудия задачи совершенно иные. В этом случае происходит отчуждение преступника, который контактирует только с правосудием и выступает как объект процессуальной деятельности органов уголовного преследования, и у него отсутствуют реальные контакты с жертвой, он не может почувствовать и понять те страдания, которые нанес последней.

Сущность восстановительного правосудия заключается в том, что преступник и жертва, а также другие заинтересованные лица, при участии не заинтересованного третьего лица встречаются и анализируют совершенное преступление, совместно разрабатывают пути разрешения наступившего уголовного конфликта, в случае подхода к компромиссу фиксируют эту договоренность документально.

В законе не говорится о медиации как альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, поэтому некоторые ученые и практики уголовного судопроизводства в силу как объективных, так и субъективных причин с недоверием относятся к применению процедуры медиации в уголовном процессе.

В п. 2 ст. 2 Закона о медиации[1] дается следующее понятие: «Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Исходя из приведенного определения, можно сказать, что медиация - процедура примирительная, и в ее основе лежат переговоры конфликтующих сторон, где переговоры ведутся с участием третьей, независимой, стороны — медиатора. В ходе переговорного процесса с помощью медиатора-посредника необходимо выработать взаимовыгодное соглашение для обеих сторон в создавшемся конфликте.

Д. В. Маткина и А. П. Гуськова определяют медиацию как процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особенных процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора между субъектами при участии заинтересованной стороны[2].

О. В. Александрова предлагает такое определение: медиация — это переговоры с участием третьей, нейтральной, стороны, которая является заинтересованной только лишь в том, чтобы стороны разрешили свой спор (конфликт) максимально выгодно для обеих сторон[3].

В заключение хочется сказать, что динамика уголовного законодательства фактически потребовала новый метод к разрешению уголовных споров, который должен быть направлен на восстановление

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ, 2010. № 31. ст. 4162.

[2] Гуськова А. П., Маткина Д. В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья.— 2013.— № 2.— С. 34.

[3] Александрова О. В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд.— 2014.— № 2.— С. 17.

справедливости и который удовлетворит требования как пострадавшей стороны, так и стороны, совершившей преступление.

Медиация — один из таких методов. По нашему мнению, такой институт должен существовать в современном мире и активно развиваться, но только в категории менее тяжких преступлений.

А. Г. Соломатина[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТОКОЛИРОВАНИЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Протокол судебного заседания – один из самых важных процессуальных документов, выносимых в ходе уголовного судопроизводства. Это уникальный документ, единственный в своем роде повествующий событие судебного заседания. Для вышестоящей инстанции он служит доказательством, и его содержание свидетельствует о законности, справедливости и обоснованности принимаемых в суде решений. Поэтому информация, занесенная в протокол, должна быть максимально тождественна происходящему в зале суда. От точности протоколирования в дальнейшем зависит реализация права на внесение замечаний на протокол, а также обжалование процессуальных действий судьи, принимаемых им решений в ходе судебного заседания.

К сожалению, до настоящего времени УПК РФ не содержал требование о точной фиксации хода уголовного процесса в протоколе судебного заседания, ведении аудиозаписи. И как свидетельствуют материалы практики, зачастую событие судебного заседания заносилось в протокол кратко, искаженно, исключая порой важные для сторон уголовного процесса сведения, необходимые для защиты своих интересов.

Но научно-технический прогресс не стоит на месте. И, предвосхищая события будущего, можно с уверенностью заявить, что примене-

[1] © Соломатина А. Г., 2019.

ние аудиопротоколирования с 01.01.2019[1] —– семимильный шаг к обозначенной цели — достоверному отражению событий, процессуальных действий, принятых решений в зале судебного заседания.

Данные новации нашли претворение в жизнь, несомненно, благодаря проводимой в Российской Федерации судебной реформе.

С 01.01.2019 согласно ст. 259 УПК РФ протоколирование судебного процесса будет осуществляться в двух формах – письменной и посредством изготовления аудиопротокола. Аудиопротоколирование должно вестись всегда, за исключением слушания уголовного дела в закрытом судебном заседании (ч. 1 ст. 259 УПК РФ).

Внедрение аудиопротоколирования прямо предусмотрено федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.»[2], устанавливающей к 2018 г. 95 % показатель оснащенности необходимым оборудованием федеральных судов общей юрисдикции.

Следует отметить, что еще в 2010 г. норма о ведении обязательной аудиозаписи судебного заседания была введена в арбитражный процесс. Причем протокол стал являться дополнительным средством фиксирования данных в ходе судебного заседания[3]. И ранее, и после этих законодательных изменений ученые и правоприменители неоднократно высказывались о необходимости внедрения нового способа фиксации судебного разбирательства в уголовный процесс[4].

---

[1] Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303432/ (дата обращения: 16.11.2018).

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации.— 2013.— № 1, ст. 13.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации.— 2010.— № 31.— ст. 4197.

[4] Боннер А. Т. Аудиозапись хода судебного разбирательства // Законодательство.— 2007.— № 6. — С. 32–38; Колоколов Н. А. Есть ли альтернатива бумажному протоколу? // Мировой судья.— 2006.— № 12.— С. 12.

До появления указанного закона участникам процесса аудиозапись слушания по делу с помощью индивидуальных записывающих средств вести было можно, но только с разрешения суда. Причем, получив такое разрешение, уведомлять судью о желании осуществлять запись нужно было перед началом каждого последующего судебного заседания.

В целом данная норма — гарант законного и обоснованного судебного заседания и его точного протоколирования. По данным института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты Российской Федерации, значение аудиопротоколирования в том, что оно должно обеспечить большую точность фиксации доводов сторон и исследования доказательств при рассмотрении дел, соблюдение процессуальных норм, повысить дове-рие населения к правосудию[1].

Однако предусмотренный новой нормой УПК РФ запрет на ведение аудиозаписи при закрытом режиме судебного разбирательства представляется не отвечающим настоящим требованиям практики и законодательства.

Еще в 2011 г. гр. А. А. Смирнов оспаривал конституционность ч. 5 ст. 241 УПК РФ, утверждая, что это законоположение не соответствует статьям 19 (ч. 1), 45 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет суду запретить стороне защиты ведение аудиозаписи закрытого судебного заседания по уголовному

[1] Аналитическая справка об использовании в судах Российской Федерации систем аудиофиксации хода судебного заседания (на примере судов общей юрисдикции города Москвы) Института мониторинга правоприменения Общественной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс] // http://oprf.ru›files/2014dok…audioprotokoli18022014.doc (дата обращения: 20.11.2018).

делу, что имело место и в его деле и повлекло нарушение его права на защиту[1].

Однако Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации решил, что каждый вправе фиксировать ход рассмотрения уголовного дела с помощью средств аудиозаписи и вести протокол судебного заседания как в открытом, так и в закрытом судебном заседании.

Получается, что норма ч. 1 ст. 259 УПК РФ противоречит ранее принятому решению Конституционного Суда Российской Федерации и Конституции Российской Федерации и ущемляет права участников судебного процесса.

В связи с этим необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 259 УПК РФ и разрешить аудиозапись каждого судебного заседания. Ограничение режима гласности не должно вызывать сомнения в качестве протокола и в обеспечении гарантий прав участников процесса.

Как уже говорилось ранее, протокол судебного заседания представляет важный процессуальный документ, содержанием которого является точное отражение разбирательства в суде. Главными требованиями к протоколу являются его достоверность и обеспечение к нему своевременного доступа для ознакомления и подачи замечаний, если таковы найдутся.

В настоящее время доступ к протоколу, ознакомление с ним вызывают массу сложностей и нарушений прав участников процесса.

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2011 № 1218-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104117/#ixzz5XOa0K7 (дата обращения: 16.11.2018).

Одной из главных проблем является отсутствие возможности ознакомления с протоколом длящегося не один день судебного заседания, изготовленным по частям[1], что не позволяет участникам процесса обжаловать многие протокольные решения судьи до ознакомления с итоговым судебным решением (ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ).

Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что положения ч. 6 ст. 259 УПК РФ не только закрепляют обязанность председательствующего и секретаря судебного заседания изготовить протокол и ознакомить с ним стороны, но и предусматривают возможность изготовления протокола судебного заседания по частям, а также право на ознакомление сторон по их ходатайствам с частями протокола по мере их изготовления[2].

Однако декларирование права, а не обязанности изготовления протокола по частям предоставило плодотворную почву для широкого судейского усмотрения - судьи отказывают в ознакомлении с протоколом судебного заседания по частям, обещая такую возможность лишь после окончания судебного заседания и изготовления всего протокола целиком, ссылаясь на занятость, загруженность и т. д. За это время (период длящегося судебного следствия) проходят все сроки обжалования решений, принимаемых судьей, производимых им процессуальных действий, многие события забываются.

---

[1] Баев О. Я. О протоколе судебного заседания (критический анализ ст. 259 УПК РФ; предложения по ее совершенствованию) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. - С. 222-224.

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2011 № 1218-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104117/#ixzz5XOa0K7. (дата обращения: 16.11.2018).

В п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ указано только одно основание для отмены или изменения судебного решения судом вышестоящей инстанции - отсутствие протокола судебного заседания. Явная фальсификация протокола судебного заседания основанием для отмены или изменения судебного решения не является.

Реальные рычаги воздействия на должностных лиц, ответственных за своевременное и качественное ведение протокола суда, отсутствуют. Поэтому одним из основных способов, гарантирующих получение точного протокола судебного заседания, является его аудиопротоколирование.

Представляется, что для гарантированного обеспечения прав участников судебного заседания незамедлительно после каждого судебного заседания помощником судьи или секретарем судебного заседания должна быть изготовлена стенограмма аудиопротокола, подписываемая судьей, секретарем, помощником судьи и участниками судебного заседания. По ходатайству участника процесса ее копия должна быть выдана незамедлительно. И причин для отказа здесь быть не может, т.к. ее изготовление займет не более 5 мин.

Наличие стенограммы, изготовленной и подписанной сразу после судебного заседания, абсолютно исключит возможность фальсификации аудиопротокола и протокола в будущем. Данный документ будет точно отражать ход судебного заседания.

Стенограмма должна приобщаться к протоколу судебного заседания вместе с аудиопротоколом и составлять с ним одно целое. Следует признать аудиопротокол судебного заседания, его

стенограмму доказательствами и внести соответствующие изменения в ст. 74 УПК РФ.

Следует закрепить норму, обязывающую суд предоставлять стенограмму для ознакомления и внесения замечаний на действия судьи и выносимые им решения по аналогии с протоколом судебного заседания. Эта норма исключит все актуальные проблемы, связанные с изготовлением, ознакомлением, обжалованием протокола судебного заседания.

Причем многие обсуждаемые проблемы данной статьи давно нашли свое разрешение в другом отраслевом законодательстве – арбитражном. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 08.10.2012 г. № 61 «Об обеспечении гласности» указал, что присутствующие вправе производить аудиозапись без разрешения судьи; лицо, производящее аудиозапись, не обязано уведомлять об этом кого-либо; протоколирование с использованием средств аудиозаписи не препятствует лицам самостоятельно записывать процесс[1]. Поэтому нет необходимости изобретать что-то новое, следует просто прислушаться и проанализировать сложившуюся арбитражную практику.

В связи с этим необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 259 УПК РФ и разрешить аудиозапись каждого судебного заседания. Ограничение режима гласности не должно вызывать сомнения в качестве протокола и в обеспечении гарантий прав участников процесса.

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/66956.html (дата обращения: 16.11.2018).

Как отметил Н. А. Колоколов, «в правовом государстве нельзя экономить на правах человека не только быть услышанным в суде, но и услышанным без искажений …»[1].

[1] Колоколов Н. А. Есть ли альтернатива бумажному протоколу? // Мировой судья. 2006. № 12. - С. 12.

А. С. Суворов[1],
старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
Н. В. Маслов[2]
преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ ПОВРЕЖДЕНИЙ ОДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕКА, ПРИЧИНЕННЫХ ВЫСТРЕЛАМИ ИЗ ОХОТНИЧЬЕГО ОРУЖИЯ

В современной судебно-медицинской экспертной и криминалистической практике нет достаточных данных, позволяющих комплексно и объективно диагностировать повреждения одежды, причиненные выстрелами из охотничьего оружия 12-го калибра патронами с пыжом-контейнером и без него. Каких-либо достаточных сведений об общих и частных признаках повреждений одежды, причиненных выстрелами с различных расстояний (дистанций) из охотничьего оружия 12-го калибра различными видами боеприпасов, снаряженных пыжом и пыжом-контейнером с многоэлементным снарядом (дробью) с различными дульными насадками (цилиндр, чок), в настоящее время нет.

При проведении диагностических и идентификационных исследований основными вопросами являются установление факта огнестрельного характера повреждения и дистанции производства выстрела, а также установление возможности выстрела в конкретных условиях. Кроме того, исследования в области огнестрельных

[1] © Суворов А. С., 2019.
[2] © Маслов Н. В., 2019.

повреждений, причиненных снарядами, выстрелянными из охотничьего оружия 12-го калибра, на сегодня не в полной мере способствуют выполнению точных судебно-медицинских экспертиз повреждений одежды, что создает предпосылки для неверной экспертной оценки.

Для создания необходимой информационной базы нами проведена серия экспериментов. В качестве экспериментального ствола использован образец охотничьего ружья модели CZ Mallard. В ходе экспериментального исследования (проведен контрольный отстрел 156 боеприпасов) нами было установлено, что применение для стрельбы охотничьих боеприпасов 12-го калибра, заводского изготовления и снаряженных полимерным пыжом и пыжом-контейнером существенно влияет на общие и частные признаки возникающих повреждений на ткани, что может служить предпосылкой для их объективного дифференцирования от повреждений из других видов огнестрельного охотничьего оружия. Для проведения экспериментального отстрела использован «эталонный» боеприпас охотничьих дробовых патронов 12-го калибра серии «Практик» производства ООО НПФ «Азот», Россия.

Проведенным исследованием и апробацией его результатов в рамках методики установлено:

– конструктивные и баллистические особенности охотничьих боеприпасов заводского производства 12-го калибра, снаряженных пыжом и пыжом-контейнером с различными дульными насадками, влияют на общие и частные признаки формируемых ими повреждений одежды при выстрелах из ружья;

– выявлены групповые признаки повреждений бязевой ткани, причиненных многоэлементными снарядами, которые позволяют объективно и дифференциально проводить диагностику входных огнестрельных повреждений, образованных от действия патронов, снаряженных пыжом и пыжом-контейнером между собой;

– в результате контрольного отстрела мишеней получен результат, который может быть использован для комплексного решения вопросов о расстоянии и направлении выстрела из данного охотничьего оружия;

– проведенное исследование показало, что качественный и количественный состав различных продуктов выстрела (пороховые газы, неполностью сгоревшие частицы пороха, частицы полимерного пыжа и пыжа-контейнера, частицы металла дроби, ружейного масла), а также характеристики повреждений тканых мишеней и выявленные при этом их общие и частные признаки впервые позволили установить границы дистанции «близкого» выстрела для охотничьего ружья 12-го калибра, «CZ Mallard», а также охотничьих дробовых патронов 12-го калибра серии «Практик» производства ООО НПФ «Азот», Россия.

А. М. Султанова[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
С. В. Гурдин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО

Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства в первую очередь следственных действий, предусмотренных УПК РФ.

Одним из таких основополагающих следственных действий является допрос, в результате производства которого появляется имеющая доказательственное значение информация, облекаемая в установленную уголовно-процессуальным законом форму.

Следует отметить, что допрос подозреваемого или обвиняемого представляет собой не что иное, как самостоятельное следственное действие, заключающееся в процессе получения показаний от указанных выше участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Говоря иначе, это следственное действие, в процессе которого следователь получает в процессе вербального общения с допрашиваемым участником уголовного судопроизводства, в данном случае подозреваемым или обвиняемым, информацию о произошедшем

[1] © Султанова А. М., 2019.
[2] © Гурдин С. В., 2019.

событии преступления, а также иных имеющих существенное значение для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по делу обстоятельств.

При этом показания этих участников уголовного судопроизводства являются крайне важными, так как и подозреваемый, и обвиняемый являлись непосредственными участниками события преступления и знают о его обстоятельствах больше других. По этой причине их показания могут касаться любых значимых для уголовного дела обстоятельств, в частности, имеющихся в отношении них подозрений или обвинений.

С одной стороны, такие показания являются источником доказательственной информации, а с другой - средством защиты от выдвинутого в отношении лица подозрения. Такое положение дел явно указывает на их двойственную правовую природу.

С учетом специфики процессуального статуса этих двух участников уголовного судопроизводства дача ими показаний - это результат их свободного волеизъявления. Подозреваемый и обвиняемый, участвуя в уголовном судопроизводстве со стороны защиты, могут вообще отказаться от дачи показаний, а также не несут никакой ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Следовательно, содержание сообщенных ими сведений может неоднократно меняться. При этом отказ от показаний или их последующие изменения не могут трактоваться как обстоятельства, подтверждающие их виновность в совершении преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ подозреваемый должен быть допрошен в присутствии своего защитника в течение 24 часов с

момента его фактического задержания. При этом до начала допроса по просьбе подозреваемого ему обеспечивается конфиденциальное свидание с защитником продолжительностью не менее 2 часов. Помимо защитника, в допросе могут принимать участие и такие лица, как переводчик, специалист и другие.

Не стоит забывать о том, что объем информации может быть настолько велик, что процесс получения показаний зачастую затягивается на несколько часов. В связи с этим законодатель устанавливает определенные временные рамки для производства данного следственного действия. Так, допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, после чего дознаватель или следователь обязаны предоставить допрашиваемому перерыв не менее чем на 1 час для отдыха и приема пищи. А общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов. Более того, при наличии медицинских показаний, подтвержденных заключением врача, продолжительность допроса может быть и еще меньшей. А для несовершеннолетних эти сроки сокращены вдвое: соответственно до 2 и до 4 часов. Поэтому в случае, если дознаватель или следователь не успевает получить все необходимые показания в обозначенные сроки, процедура допроса прерывается и продолжается в другой день.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет определить общие правила производства допроса подозреваемого или обвиняемого. К таковым, в частности, относятся положения ст. 189 УПК РФ.

Перед началом допроса лицо, осуществляющее производство допроса, обязано выполнить требования, предусмотренные ч. 5

ст. 164 УПК, а именно: удостовериться в личности подозреваемого или обвиняемого; разъяснить ему его права и обязанности, а также порядок производства допроса.

Если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то он выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания, и в случае необходимости обязан обеспечить участие в производстве допроса переводчика; допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями; по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются; и другое.

Отдельно следует отметить, что ч. 2 ст. 189 УПК категорически запрещает следователю задавать наводящие вопросы подозреваемому или обвиняемому.

Допрос подозреваемого и обвиняемого производится по месту производства предварительного следствия, а в случае необходимости — и в месте нахождения обвиняемого. Также подозреваемый (обвиняемый), не заключенный под стражу, может быть допрошен по месту жительства или работы в полном соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ. Например, по месту работы допрос производится в случае, если после его производства может возникнуть настоятельная необходимость в проведении очных ставок между подозреваемым, обвиняемым и сотрудниками учреждения, где он работает, ранее

допрошенными в качестве свидетелей или потерпевших. Кроме того, если по состоянию здоровья подозреваемый или обвиняемый не может явиться к следователю, его можно допросить в лечебном учреждении, что также не противоречит положениям ст. 187 УПК РФ.

Отдельное внимание законодатель уделяет допросу обвиняемого. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 173 УПК РФ следователь допрашивает обвиняемого сразу же после предъявления ему обвинения, с обязательным соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 УПК РФ. Перед началом допроса следователь должен выяснить у обвиняемого, признает ли он себя виновным, желает ли дать показания по существу предъявленного обвинения и на каком языке. В случае отказа обвиняемого от дачи показаний следователю необходимо сделать соответствующую запись в протоколе допроса. Также стоит отметить, что повторный допрос по тому же обвинению может проводиться только по просьбе самого обвиняемого.

Особое внимание законодатель обращает на процедуру допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В таком допросе законодатель предписывает обязательное участие защитника, который вправе задавать несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. При этом уголовно-процессуальный закон при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом разви-

тии, предусматривает обязательное участие педагога или психолога. В других случаях следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе.

Важно обратить внимание на то, что несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый еще не завершил процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе, то есть еще не состоялся как личность. По этой причине законодатель в ч. 5. ст. 425 УПК предоставил педагогу или психологу право с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе.

Продолжая начатый разговор, следует обратить внимание, что на допрос распространяются общие правила психологии межличностного взаимодействия с учетом тех требований, которые предъявляются к нему законодательно.

Можно много рассуждать о значимости допроса как следственного действия, об эффективности его проведения, но следует отметить, что многие преступления остались нераскрытыми, а вина преступников -

недоказанной, лишь по той простой причине, что лицу, уполномоченному проводить следственное действие, так и не удалось установить психологический контакт с допрашиваемым подозреваемым или обвиняемым. Проведение допроса требует не только знания закона и его применения, но и житейского опыта, умения интерпретировать различные меры воздействия на личность с учетом ее индивидуально-возрастных особенностей.

Допрос является наиболее распространенным видом процессуального общения в ходе предварительного следствия. Стоит отметить, что с социально-психологической стороны процесс допроса представляется довольно динамичной разновидностью профессионального общения, характеризующегося целым рядом психологических особенностей, обусловленных особым порядком его проведения, процессуальным положением участвующих в нем лиц, их отношением к расследуемому преступлению. Все это оказывает сильное влияние на характер коммуникативной ситуации во время допроса, выбор и применение следователем различных психологических приемов в ходе его проведения.

При этом следователь или дознаватель, осуществляющий допрос лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, должен достаточно четко знать психологические особенности производства этого важнейшего следственного действия, носящего вербальный характер и направленного на получение в том числе и доказательственной информации о событии преступления.

Продолжая начатый разговор о важности практического применения знаний в области психологии в уголовном

судопроизводстве, в частности при производстве допроса подозреваемого или обвиняемого, следует отметить, что для эффективного производства допроса важно безошибочно определять психологические особенности этих участников уголовного процесса, а также устанавливать с ними психологический контакт.

Достаточно часто в практической деятельности возникает ситуация, когда обвиняемый в самом начале расследования отказывается сотрудничать. В таком случае следователь посредством убеждения подозреваемого или обвиняемого в том, что его позиция не конструктивна, объявления о том, что те, с кем он совершил преступление, уже дают признательные показания, использует наличие противоречий в их интересах, чтобы получить сведения, позволяющие проверить причастность подозреваемого или обвиняемого к расследуемому событию преступления. При этом необходимо четко выделять такие обстоятельства, которые могут быть известны только лицу, совершившему преступление. Особенно чутко следователь должен реагировать на умолчание о фактах, уже выявленных следствием.

И. И. Сухова[1],
адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России

К ВОПРОСУ О РОЛИ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ

Меры уголовно-процессуального принуждения, вне всякого сомнения, представляют важнейший и неотъемлемый элемент механизма, обеспечивающего успешную реализацию задач уголовного судопроизводства.

При этом очевидно, что использование этого элемента как процессуальной гарантии правосудия обусловлено, большей частью, субъективными факторами противодействия производству по уголовному делу и находится с ними в прямо пропорциональной зависимости. Снижение уровня противодействия должно влечь смягчение применяемых принудительных мер. К сожалению, надо быть реалистами - меры принуждения всегда будут значимым средством достижения назначения уголовного судопроизводства.

Меры пресечения по своему содержанию обладают принудительными свойствами, поскольку они удерживают обвиняемого в определенных рамках, ограничивают его личную свободу, свободу передвижения и занятий, а в случае залога ограничивают и имущественные права. В этой связи при выборе и применении меры пресечения данные обстоятельства следует

[1] © Сухова И. И., 2019.

учитывать, стремиться к тому, чтобы мера пресечения если и причиняла обвиняемому вред, то минимальный[1].

Однако, будучи объективно вынужденными к применению мер пресечения, должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводства, должны особенно ответственно подходить к соблюдению баланса между публичным (конечно, основным) и частными интересами в уголовном процессе[2].

Даже незначительное превышение пределов необходимости при применении принудительных мер граничит с произволом и грозит негативными социальными, а отнюдь не только частными, последствиями.

Конечно, такие последствия особенно рельефны и опасны при неразумном использовании потенциала принудительных мер, ограничивающих конституционные права личности, и прежде всего мер пресечения. В целях обеспечения гарантий их обоснованного применения законодатель устанавливает особые процессуальные средства, к числу которых относятся право на защиту, состязательность, усиленный и периодичный процессуальный контроль, в том числе судебный. Мало того, законодатель устанавливает прямые запреты применения наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу (санкция статьи, предусматривающая ответственность за преступление, по общему правилу, должна превышать три года лишения свободы; прямо предписано руководствоваться при избрании данной меры

[1] Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. - М.: Центр информ. технологий ИЗП, 1996. - С. 22.

[2] См. например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 и 3 ст. 107 УК РФ в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина» // СПС «КонсультантПлюс».

доказательствами наличия оснований[1]; ограничена возможность использования данной меры по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности).

К сожалению, практика показывает, что надежды, заложенные еще в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г., согласно которым ограничение конституционных прав граждан, особенно право на неприкосновенность личности, должно производиться в исключительных случаях, гарантией чего должно было и стать судебное решение, не оправдались, несмотря на все принимаемые законодателем меры.

Меры пресечения, связанные с ограничениями личной свободы человека, по-прежнему остаются непомерно распространенными (в 2015 г. заключение под стражу применялось в 140 457 случаях (45 % от всех возможных случаев)[2], домашний арест - в 4 676 случаях, залог - в 190; в 2016 г. заключение под стражу – 121 796 (43 % от всех возможных случаев), домашний арест – 6 056; залог - 229; в 2017 г. заключение под стражу – 123 296 (48 % от всех возможных случаев); домашний арест – 6 442; залог – 135). Заключение под стражу и в этом ряду, к сожалению, остается в недосягаемых лидерах.

При этом суды на протяжении ряда лет практически безотказно удовлетворяют ходатайства следователей об избрании этой меры пресечения (в 2015 г. поступило 154 260 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено 140 457 (91,05 %), в 2016 г. - 133 882 ходатайства, из

[1] Будто бы при избрании других мер пресечения положения ч. 1 ст. 108 УПК РФ значения не имеют. См.: Победкин А. В. Тайное проникновение оперативно-розыскной деятельности в открытую дверь уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. - С. 104-110.

[2] Доля всех уголовных дел, по которым возможно было избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из санкции (свыше 3 лет лишения свободы) // См.: www.cdep.ru.

которых удовлетворено 121 796 ходатайств (90,7 %), в 2017 г. - 126 290 ходатайств, из которых удовлетворено 113 260 (89,6 %). Эта тенденция тем более настораживает, что прокуроры, участвующие в судебном заседании по вопросам избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, нередко, в отличие от следователя, считают целесообразным избрание иной меры пресечения[1], однако лишены возможности повлиять на решение следователя об обращении в суд с соответствующим ходатайством.

Существенно гуманизировать политику избрания мер пресечения на досудебном производстве не способны и альтернативные меры пресечения, избираемые по решению суда – домашний арест (2,94 %), залог (0,6 %), запрет определенных действий. Последняя мера пресечения, судя по характеру ограничений, которые гораздо менее жесткие, чем при домашнем аресте и вполне сопоставимы с ограничениями при подписке о невыезде и надлежащем поведении, вряд ли станет широко распространенной мерой.

Практика применения мер пресечения указывает на то, что заключение под стражу, которое является по своей природе самой строгой и жесткой из мер пресечения и поэтому должна быть исключительной, увы, превратилась в общее правило и стала нормой.

Почему же суды склонны поддерживать обращение следователя и руководителя следственного органа, нередко игнорируя мнение прокурора и отсутствие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания именно данной меры (вряд ли стоит спорить, что ссылка в качестве основания избрания меры пресечения в виде

[1] Более трети ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отклоняются судом по требованию прокуроров // Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки от 02.06.2012.

заключения под стражу на наличия *изъятого* (курсив И. С.) заграничного паспорта достаточным доказательством необходимости именно этой меры не является)? Доказательства, приводимые в обоснование наличия оснований избрания заключения под стражу, столь многообразны и расплывчаты, что нередко трудно понять, что они вообще доказывают, однако наличие высокой юридической квалификации представляется как угроза противодействия расследованию, принадлежность к органам внутренних дел как возможность повлиять на свидетелей; высокая зарплата – как вероятный фактор их подкупа и уклонения от следствия и т. д. Не всякий прокурор рисковал в свое время санкционировать заключение под стражу при наличии доказательств таких оснований. Нельзя не согласиться, что «… в следственной практике нередко проявляются профессиональная недобросовестность, процессуальный нигилизм, обращение с законом фамильярно, по-свойски, арестовывают людей, руководствуясь исключительно собственной «логикой» и не имея никаких доказательств вины или фальсифицируя их»[1].

Заключение под стражу применяется почти по любому случаю. Очевидно, причина столь жесткой политики органов, взаимодействующих при решении вопроса об избрании мер пресечения, допускаемых по решению суда, уже не только в несовершенстве закона.

Нельзя закрывать глаза на факты шаблонного дублирования в решениях судей оснований избрания меры пресечения, текстуально совпадающих с УПК РФ и зачастую никак не доказанных вопреки

[1] Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе.: дис. … докт. юрид. наук. – Уфа, 1991. – С. 314.

прямому указанию ч. 1 ст. 108 УПК РФ и ряду правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации[1].

Совсем немного преувеличивая, можно констатировать, что при наличии оснований избрания меры пресечения почти всегда избирается та, которая ограничивает конституционные права (чаще всего заключение под стражу). Иные меры пресечения (например, подписка о невыезде и надлежащем поведении) применяются при отсутствии оснований вовсе.

Представляется, что злую шутку с судебным контролем избрания мер пресечения, ограничивающих конституционные права личности, сыграла судейская независимость. Судье удобно избрать заключение под стражу, дабы избежать риска ненадлежащего поведения обвиняемого, намеков на коррупционную составляющую и т. д. Осязаемой же ответственности за необоснованное избрание чрезмерно жесткой меры пресечения суд не несет.

Ведомственный контроль руководителя следственного органа в указанных случаях оказывается едва ли не потворствующим следственному обвинительному уклону, а прокурор лишен действенных средств надзора.

Мало того, назрела болезненная нравственная проблема во взаимоотношениях между следователем, руководителем следственного органа, прокурором и судьей, осложненная

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета.- 27.дек. 2013.- № 294.

конфликтным статусом прокурора и руководителя следственного органа, порожденным реформой 2007 г.[1]

Будем реалистами, и прокуроры не всегда занимают принципиальную позицию[2].

Полагаем, именно проблемы нравственного характера сегодня являются самым значимым фактором, определяющим широкие объемы мер пресечений, связанных с лишением свободы.

Нельзя исключать и недостаточную нравственную составляющую процессуальной регламентации избрания мер пресечения, допускаемых по решению суда, что склоняет судей именно к заключению под стражу. Например, вызывает сомнение нравственная обусловленность положений о размере залога, возможности внесения его иными лицами, сложность процедуры, недостаточная дифференцированность обстоятельств применения заключения под стражу и домашнего ареста, с одной стороны, и домашнего ареста и запрета определенных действий, с другой. Зыбкость нравственности процессуальной формы при решении вопроса об избрании мер пресечения зачастую провоцирует должностных лиц на безнравственные решения вместо удержания их от таковых, влечет коррупционные риски.

Высокий уровень нравственности, профессионализм и профессиональная культура должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, важны в любой сфере их деятельности, а в области применения мер пресечения особенно, т.к. в этой области

---

[1] Победкин А. В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного орган и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Труды Академии МВД России.- 2018.- № 2 (46). - С. 117-123.

[2] Еникеев З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе. – Уфа, 1991. – с. 330.

наиболее жестко и беспощадно, а иногда и непоправимо, затрагиваются конституционные права и свободы граждан.

Именно в формировании таких качеств должностных лиц, а также в усилении нравственных начал уголовно-процессуального закона – основной путь решения проблемы справедливости при избрании мер пресечения в уголовном процессе.

Д. С. Трынко[1],
преподаватель-методист учебного отдела Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РАМКАХ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Основными задачами современного уголовного процесса являются повышение уровня защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, что обусловлено ростом признания в Российской Федерации ценности прав и свобод человека и гражданина.

Безусловно, ключевую роль в реализации данной тенденции исполняет следователь, в руках которого аккумулированы различные процессуальные ресурсы и инструменты, грамотное и рациональное использование которых позволяет достичь первостепенных целей уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ.

Следователь как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, обладает широким кругом полномочий, позволяющим ему провести квалифицированное и своевременное расследование уголовного дела, принять меры к установлению всех обстоятельств преступления, лиц, его совершивших, на основании чего суд сможет вынести справедливый приговор, восстановить тем самым права потерпевших и социальную справедливость.

[1] ©Трынко Д.С., 2019

Однако, помимо следователя, полномочиями по решению задач уголовного судопроизводства наделен, в том числе, руководитель следственного органа – важнейший участник уголовного процесса, который является должностным лицом, контролирующим деятельность подчиненных ему следователей, и одновременно органом предварительного следствия.

На наш взгляд, проблема процессуальной самостоятельности следователя тесно связана с ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа, поскольку идеального механизма совместной работы следователя с иными участниками досудебного производства до настоящего времени не разработано, что обуславливает наличие определенных сложностей в деятельности следователя при организации расследования.

Этого же мнения придерживается Х. Б. Бегиев[1], который считает, что вопрос о процессуальной самостоятельности следователя теоретически разработан не полностью, а возникающие недостатки нормативного регулирования в этой сфере вызывают трудности у практикующих работников.

По нашему мнению, вопрос правовой симметрии процессуальной самостоятельности следователя в соотношении с ведомственным контролем требует дальнейшей проработки, потому как именно следователю законодатель отвел ведущую роль в досудебном процессе.

В отечественном законодательстве существует достаточное количество определений понятия «процессуальная самостоятельность

[1] Бегиев Х. Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. - С. 3.

следователя». Так, А. Р. Вартанов понимает под процессуальной самостоятельностью следователя «право следователя по своему усмотрению, основанному на свободной оценке доказательств, принимать решения и осуществлять действия по установлению события преступления и обстоятельств его совершения, возбуждению уголовного дела и направлению хода расследования, производству следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение разрешения суда, в целях достижения назначения уголовного судопроизводства»[1].

С. Н. Хорьяков полагает, что процессуальная самостоятельность следователя «представляет собой нормативное предписание, обеспечивающее возможность осуществления данным должностным лицом процессуальных действий и принятия процессуальных решений по своему внутреннему убеждению, основанному на законе и совести»[2].

Указанные определения представляются нам достаточно полными, поскольку в них перечислены все элементы, необходимые для полноценного осуществления следователем процессуальных действий и принятия процессуальных решений.

Помимо указанных А. Р. Вартановым, С. Н. Хорьяковым составляющих процессуальной самостоятельности следователя, на наш взгляд, следует назвать такой элемент, как его процессуальная ответственность. Ведь без личной ответственности следователь

[1] Вартанов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. - С. 8.

[2] Хорьяков С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. - С. 7.

может злоупотреблять процессуальной самостоятельностью, использовать ее отнюдь не в интересах предварительного расследования.

В нашем понимании процессуальная ответственность – это обязанность следователя осуществлять свою деятельность, направленную на осуществление уголовного преследования, в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, а также неотвратимость наступления негативных последствий в случае его нарушения.

Мы признаем безусловной необходимостью сочетание ответственности следователя с ответственностью должностных лиц, осуществляющих в отношении него надзорных и контрольных полномочий.

Руководитель следственного органа, по нашему мнению, наделен следующими группами полномочий: 1) процессуальное руководство деятельностью следователей; 2) мониторинг качества расследования уголовных дел, производства отдельных следственных действий; 3) дача согласия на производство следственных действий; 4) полномочия, имеющие надзорный характер; 5) личное осуществление уголовного преследования; 6) организация работы следственного подразделения, которая не затрагивает существа уголовных дел.

Таким образом, для исключения фиктивного существования такого важного положения уголовно-процессуального законодательства, как процессуальная самостоятельность следователя, необходимо теоретически разработать ту самую черту – «острую грань» между процессуальной самостоятельностью следователя и полномочиями руководителя следственного органа, решить вопрос о соотношении их прав и обязанностей.

Такое соотношение мы рассмотрим применительно к стадии возбуждения уголовного дела – очевидно, что руководитель следственного органа располагает обширными полномочиями на данной стадии уголовного судопроизводства.

Действующее законодательство не требует письменного согласования руководителем следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела, однако, помимо прокурора статистическую карточку «Формы № 1» для постановки уголовного дела на учет подписывает также руководитель следственного органа, то есть дает письменно незакрепленное согласие на принятие данного решения.

Резюмируя изложенное: поскольку руководитель следственного органа и прокурор не признали незаконным постановление о возбуждении уголовного дела, то есть они разделили мнение следователя об обоснованности и правомерности принятого решения, соответственно, прокурор, руководитель следственного органа, следователь должны нести солидарную ответственность за принятое решение.

На стадии предварительного расследования руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, а указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем.

Наличие перечисленных в данной редакции полномочий, вероятно, ведет к тому, что следователь при принятии решений действует не согласно своему внутреннему убеждению и закону, а руководствуется мнением руководителя следственного органа, что также может привести к целому ряду нарушений прав лиц, участвующих в судопроизводстве.

По нашему мнению, следователь не должен расследовать уголовное дело в рамках, установленных для него руководителем следственного органа, поскольку центральной фигурой в расследовании преступлений является не руководитель следственного органа, а именно следователь.

С целью сохранения процессуальной самостоятельности следователя законодатель обеспечил ему право обжалования указаний руководителя следственного органа. Но практика показывает, что следователи фактически не пользуются этим правом, поскольку трудно себе представить, что позиция следователя может не совпадать с мнением своего непосредственного руководителя.

Мы полагаем, что руководитель следственного органа должен оказывать практическую и теоретическую помощь следователю при расследовании уголовных дел, решать организационные вопросы, возникающие в ходе расследования, но никак не оказывать влияние на сложившееся субъективное мнение следователя о необходимости производства тех или иных следственных действий, привлечении лиц к уголовной ответственности. Следователь – это особый субъект доказывания, имеющий собственное мнение относительно исхода уголовного дела, приемов и методов его расследования, а также

отвечающий за его ход и результаты, именно с этой целью законодатель наделил его широким спектром полномочий.

Если же руководитель следственного органа не готов только контролировать и при необходимости корректировать направление расследования, а намерен полностью направлять его ход, то он должен принять уголовное дело к своему производству.

Н. П. Шевкопляс[1],
студент Юридического института
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ КАК «РУДИМЕНТ» СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Институт понятых имеет давнее происхождение в российском уголовном судопроизводстве. На современном этапе данный институт установлен ст. 60 УПК РФ, которая установила, что «понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия». Ст. 170 УПК РФ предусматривает ряд случаев привлечения понятых к производству следственных и иных процессуальных действий на обязательной основе, по усмотрению следователя либо ходатайству участников уголовного судопроизводства.

На данный момент в теории и практике уголовного судопроизводства сложилось два подхода к вопросу о применении института понятых в уголовном судопроизводстве.

Первый подход сводится к тому, что понятые – необходимые участники уголовного судопроизводства, являющиеся элементом уголовно-процессуальных традиций[2].

Второй подход заключается в том, что институт понятых воспринимается как «архаизм» в уголовном процессе[1].

---

[1] © Шевкопляс Н.П., 2019

[2] Львов С. В. Участие понятых в следственных действиях // Вестник Омского университета. Серия «Право».- 2008.- № 1 (14). - С. 235–239; Быков В. М. Институт понятых в уголовном процессе России // Уголовное право. 2002. № 3. – С. 74.

Представляется, что последняя точка зрения в условиях нынешней уголовно-процессуальной практики является наиболее допустимой. Однако проанализируем вначале позицию сторонников сохранения института понятых.

Аргументы в пользу этой позиции сводятся к следующему: 1) институт понятых прошел проверку временем; 2) процессуальные гарантии прав личности и интересов правосудия обеспечивают именно понятые, как представители общественности; 3) присутствие понятых при процессуальных действиях способствует их допустимости, препятствует злоупотреблениям со стороны участников процесса; 4) привлечение понятых усиливает надежность получения доказательств с позиции их достоверности[2].

Постараемся контраргументировать приведенные доводы.

Во-первых, если говорить, о традиционности института понятых, стоит сказать, что в современных условиях развития права и научно-технического прогресса факт производства следственного действия можно фиксировать при помощи различных технических устройств, что будет являться наиболее модернистской альтернативой понятым. Институт понятых в таком случае действительно становится «архаизмом» прошлого.

Во-вторых, к вопросу о понятых как гарантах прав личности и интересов государства и представителях общественности стоит сказать следующее. Применение технических средств также поможет

---

[1] Михайлов А. «Институт понятых» - архаизм российского уголовного производства // Законность. 2003.- № 4. - С. 30; Шевцов Р. М., Максименко А. В. Понятые в уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. - С. 33-37.

[2] Семенцов В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России // Общество и право. 2014.- № 2. - С. 170; Львов С. В. Участие понятых в следственных действиях // Вестник Омского университета. Серия «Право».- 2008.- № 1. - С. 236.

защитить права участников уголовного судопроизводства при фиксации факта, содержания, хода и результатов следственного действия. Если говорить о понятых, как представителях общественности, то изначально они как раз таки и привлекались для внесения объективности в уголовный процесс и помощи в осуществлении правосудия. При этом согласно уголовно-процессуальным положениям понятой должен быть процессуально независим. Однако если абстрагироваться, любые действия человека носят субъективный характер, что исключает вопрос о полной объективности понятых. К тому же, как показывает практика, качественный состав лиц, привлекаемых в качестве понятых, далеко не всегда соответствует критериям объективности и «надежности». Нередки случаи, когда ими становятся лица без определенного места жительства, пенсионеры, а то и вовсе несовершеннолетние, обслуживающий персонал правоохранительных органов и иные категории. Поэтому вопрос привлечения общественности к участию в осуществлении правосудия в ряде случае начинает носить «ритуальный» характер.

В-третьих, к вопросу о способствовании участия понятых в получении допустимых доказательств сделаны следующие наблюдения. Допустимость доказательств – критерий, оценивающий законность их получения. Однако, как правило, понятыми являются лица, не обладающие юридическими познаниями, и разъяснения которым их правового статуса согласно УПК РФ оказывается недостаточным. Это не дает возможности понятым различить правомерность действий тех или иных участников уголовного

процесса и адекватно на них среагировать, обуславливая тем самым их пассивность. Как показывает практика, заявления и жалобы со стороны понятого сведены к минимуму в случае его привлечения.

В-четвертых, если рассматривать привлечение понятых как гарантию достоверности доказательств, то можно сказать следующее. Достоверность доказательств – критерий тождественности содержания, хода и результатов следственных действий положениям, зафиксированным в процессуальных документах. Так, понятых можно привлекать в качестве свидетелей на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса, а их показания заносить в протоколы в качестве доказательств. Но тут опять срабатывает фактор отсутствия у понятых специальных знаний при производстве следственных и иных процессуальных действий, что не позволяет им должным образом сориентироваться при фиксации факта указанных событий. Также имеют место сугубо психофизиологические факторы: усталость и снижение внимания, дефекты восприятия, утрата в памяти необходимой информации и другие. Указанное говорит о некоторой «низкой компетенции» понятого как участника уголовного судопроизводства.

Кроме того, были установлены дополнительные доводы в пользу позиции, критикующей институт понятых.

Так, в-пятых, на практике существует проблема привлечения граждан к участию в следственных и иных действиях в качестве понятых. Прежде чем следователь непосредственно привлечет понятого к участию в следственном действии, его необходимо найти. Однако ряд граждан к возможности быть привлеченным в качестве

понятого относятся скептически, ссылаясь, например, на недостаток времени либо боязнь мести со стороны подследственного. В случае, если гражданин все-таки вызвался принять участие как понятой, но следственное действие приняло затяжной характер либо проводится в некомфортных условиях, у данного понятого может возникнуть конфликтная ситуация с сотрудниками правоохранительных органов, не учитывающих интересов первого. Также, даже если следственное действие было проведено должным образом, впоследствии может возникнуть проблема с вызовом понятого в качестве свидетеля в орган расследования или в суд, например по причине смены последним своих контактных данных. На практике сотрудники правоохранительных органов идут по пути наименьшего сопротивления и привлекают к участию в производстве следственного действия лиц, сотрудничающих на конфиденциальной основе, обслуживающий персонал правоохранительных органов, знакомых и иные категории, что опять-таки ставит вопрос о достоверности и допустимости получаемых доказательств.

В-шестых, участие понятых касается проблемы противодействия расследованию уголовного дела. С одной стороны, существует вероятность утечки информации об обстоятельствах расследования со стороны понятого. Осуществление контроля и привлечения к ответственности по ст. 307 УК РФ в данном случае будет практически затруднено. С другой стороны, на понятого может оказываться давление со стороны подследственного или иных лиц. Здесь также могут возникнуть проблемы организационного характера по осуществлению защиты данного лица. Данная проблема создает

дополнительные издержки в вопросах обеспечения безопасности при расследовании уголовного дела.

Таким образом, можно установить, что все вышеуказанное говорит о том, что институт понятых в современных условиях несет в себе больше проблем, и его использование носит характер «рудимента» уголовного судопроизводства. Это значительно обременяет процесс расследования уголовного дела, ставит под сомнение принципы допустимости и достаточности доказательств, полученных при участии понятых, и умаляет принцип целесообразности при реализации тактики и методики расследования. Все это в целом наводит на мысль о «ритуальности» института понятых и необходимости пересмотра возможности его существования в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В связи с этим требуются изменения в ст. 60 и ст. 170 УПК РФ в части устранения обязательности для следователя привлечения понятых к участию в следственных действиях в пользу применения технических средств фиксации с последующей постановкой вопроса о ликвидации данного института.

К. Е. Шохов[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
С. В. Гурдин[2],
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Именно поэтому общественная угроза экологических преступлений связана не только с уничтожением окружающей природной среды в результате деятельности человека, но и с возможным нанесением ущерба здоровью.

Экологические правонарушения в уголовном праве являются преступлениями против человека и экологической системы, из-за которых происходит сокращение жизни людей на планете и смерть других углеродных форм жизни.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими экологическую безопасности в России, выступают Конституция Российской Федерации, а также УК РФ, устанавливающий ответственность за деяния, сопряженные с причинением вреда

[1] © Шохов К.Е., 2019.
[2] © Гурдин С.В., 2019.

окружающей среде (глава 26 «Экологические преступления», а также ст. 358, 243, 245, 215, 237 УК РФ).

Экологическими преступлениями признаются предусмотренные УК РФ преступные деяния, нарушающие правила охраны природы путем негативного воздействия на природную среду, если эти деяния причинили существенный вред охраняемым отношениям[1].

Данные деяния можно разделить на несколько видов: преступления, заключающиеся в нарушении правил общей экологической безопасности (ст. 246-248 УК РФ); преступления, направленные на основные объекты природной среды (ст. 250-255 УК РФ); преступления в отношении рыбных запасов, животного, растительного и иного органического мира (ст. 249, 256-262 УК РФ).

ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России в характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2018 г. зафиксировал 17,8 тыс. зарегистрированных экологических преступлений, что на 1,0 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Также согласно данной статистике раскрытыми являются из них 9 009[2]. Сотрудники МВД России раскрыли 8 434 из них, то есть 93.6 %. Материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам был оценен в 14 164 415 тыс. руб.

Последствия от данного вида преступлений трудно или невозможно увидеть и зафиксировать сразу, их общественная

[1] Лавыгина И. В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: автореф. дис. … канд.юрид.наук. - Иркутск, 2003. – 22 с.

[2] Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2018 г. «ГИАЦ» МВД России: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14696015/.

опасность в полном объеме возникает лишь через определенное время[1].

При анализе данных преступлений требуется обратить внимание не только на экономический вред и ущерб, причиненный окружающей среде, но и на создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека. Орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа не в состоянии принять решение о возбуждении уголовного дела (либо об отказе в возбуждении уголовного дела) по результатам рассмотрения сообщения об экологическом преступлении без назначения экспертизы и получения заключения эксперта.

Ключевое значение имеет определение причинной связи между совершенным общественно опасным деянием и наступившими вредными последствиями или возникновением угрозы причинения существенного вреда. Отсутствие возможности быстрого и точного установления данной связи связана с указанными выше сложностями расследования экологических преступлений.

Другой особенностью расследования таких преступлений является требование в подтверждении факта того, что данные последствия не были вызваны какими-либо другими обстоятельствами.

Сложность ситуации заключается в том, что даже при наличии обнаруженного экологического преступления крайне сложно установить конкретных пострадавших и всеобъемлюще оценить реальные масштабы произошедшего события. Также отсутствуют точные критерии для оценки экономического ущерба и вреда для

[1] Проблематика борьбы с экологической преступностью в научных исследованиях и судебной практике / О. Л. Дубовик, А. Л. Иванова, В. Т. Калиниченко [и др.] // Экологическое право.- 2008., № 1. – С. 25–34.

здоровья человека в денежном эквиваленте. Для разрешения таких ситуаций органам предварительного расследования требуется назначать соответствующие экспертизы, привлекать экологов и других специалистов в данной сфере деятельности для интерпретации результатов и оказания иного содействия следователю.

Действительно, неоценимую помощь следователю, особенно на первоначальном этапе расследования, способен оказать именно специалист, то есть лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ[1], что компенсирует недостаток специальных знаний должностных лиц (следователя и дознавателя).

Следует отметить, что предметом доказывания данных преступлений будут являться: во-первых, место преступного загрязнения природной среды, территориальные границы данного ущерба и вид объекта (земли, воды, воздушное пространство), их правовой статус (является ли особо охраняемой территорией, памятником природы, зоной санитарной охраны и т. п.). Следующим этапом будет процесс установления времени преступного воздействия, которое в свою очередь делится на время непосредственного нанесения вреда и на время наступления опасных последствий. Собираются данные о веществах и их свойствах, которые наносят вред окружающей среде. Устанавливается факт превышения предельно допустимых концентраций данных веществ.

[1] Гурдин С. В. Особенности процессуального положения специалиста-кинолога, участвующего в производстве следственного действия // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2017. - С. 128.

Также в обязательном порядке будут устанавливаться смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства и обстоятельства, исключающие уголовную ответственность.

Устанавливаются и обстоятельства, которые способствовали загрязнению, например: некачественный контроль за исполнением экологического законодательства, непринятие мер к нарушителям этого законодательства, несвоевременное проведение ремонтных и регламентных работ на очистных установках и ином оборудовании.

Далее отметим, что предварительное расследование по данной категории уголовных дел может производиться и в форме дознания.

При этом одним из основных критериев для результативного расследования экологического преступления, производимого в форме дознания, является своевременное обнаружение факта данных преступных деяний.

В реальных условиях по многим видам преступлений такое осуществить не представляется возможным. Таким примером служат преступления, связанные с незаконной рубкой либо уничтожением или повреждением лесных насаждений (ст. 260–261 УК РФ). Для того, чтобы обнаружить данное преступное деяние, используется система космического мониторинга. Ее результаты становятся известны лишь по истечении длительного промежутка времени с момента совершения преступления, несмотря на то, что само деяние может длиться годами. В течение этого времени утрачиваются следы преступления, необходимые для формирования доказательств.

Для возбуждения уголовного дела по экологическим преступлениям требуется наличие установленного уголовно-

процессуальным законом повода (ч. 1 ст. 140 УПК РФ) и достаточного основания, указывающего на признаки экологического преступления. Следовательно, необходимо проверить соответствие сообщения о преступлении фактическим данным установленного события. Для успешной реализации поставленной задачи законодатель предоставил возможность проведения ряда следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Одним из таких действий является осмотр места происшествия.

Именно оно позволяет провести тщательное исследование места, на котором предположительно было совершено экологическое преступление, а также выявить и изъять следы совершенного преступления.

Институт неотложных следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации позволяет незамедлительно закреплять, изымать и исследовать доказательства по преступлениям, связанным с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), незаконной охотой (ст. 258 УК РФ), уничтожением и повреждением лесов (ст. 261 УК РФ), а также с загрязнениями земель, вод, атмосферы и морской среды вредными веществами (ст. 250, 251, 252, 254 УК РФ).

Роль данного института в раскрытии данных преступлений крайне значительна, поскольку несмотря на свою кратковременность для осуществления, именно данные действия позволяют обнаружить следы преступления, успешно их зафиксировать, выявить лиц, совершивших данное преступление, предупредить и пресечь преступные деяния в дальнейшем. Возможности данного института

осуществляются органом дознания уже после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно.

В связи с отсутствием перечня неотложных следственных действий требуется руководствоваться логикой уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с ней к неотложным следственным действиям при расследовании экологических преступлений относятся: осмотр места происшествия, местности, освидетельствование, допрос, обыск и выемка. Увеличение количества следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, с целью доследственной проверки, уголовно-процессуальное законодательство не допускает[1]. Причиной этому служит цель оградить граждан от произвола со стороны органов расследования и точно разграничить этап рассмотрения сообщения о преступлении от стадии предварительного расследования.

Для производства любого следственного действия требуется наличие правового основания в виде юридического факта. Именно он создает возможность следователю осуществить норму права, вытекающую из уголовно-процессуального отношения участников уголовного судопроизводства. В результате этого следователь может осуществить необходимое следственное действие. Процессуальным же основанием будет сама ситуация, требующая установить фактические данные при помощи осуществления требуемого следственного действия.

[1] Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. – С. 23–26.

Отсутствие возможности быстро установить причинно-следственную связь произошедшего события с характером и размером общественно опасных последствий непосредственно связана с определенными сложностями расследования деяний, сопряженных с нанесением вреда окружающей среде. Высокая сложность в определении пострадавших и реальных масштабов произошедшего преступного события является одним из факторов совершения ошибок в установлении наступивших негативных последствий.

Следовательно, изначально может быть выбран неправильный комплекс первоначальных следственных действий, что в свою очередь повлияет на качество и итог раскрываемого дела.

Указанные выше преступные деяния создают проблемы для сохранения благоприятной окружающей среды для будущих поколений. Требуется повысить уровень эффективности деятельности по расследованию данных преступлений.

Одним из современных вызовов в данном направлении является расследование ситуации, произошедшей в г. Армянск, в котором 14 сентября 2018 г. из-за превышения в атмосфере уровня загрязняющих веществ был введен режим чрезвычайной ситуации. В данном деле необходимо дать юридически правильную оценку произошедшему для привлечения к ответственности виновных лиц, чьи действия (или бездействие) привели к данной катастрофе техногенного характера. На данный момент руководство завода «Крымский титан» направило в Федеральную службу безопасности России и Следственный комитет России заявление о возбуждении уголовного дела по признакам экоцида, по ст. 358 УК РФ, против

властей Украины. Смысл заявления сводится к тому, что ответственность за нарушение целостности одной из дамб кислотонакопителя, которая пропускает соленую воду из озера Сиваш, якобы лежит именно на материковой Украине, поскольку сооружение находится между Крымом и Херсонской областью[1].

По итогам расследования данного дела потребуется определить дальнейшие действия по улучшению ситуации в решении уже имеющихся проблем. Можно будет определить: правильность оценивания реальной опасности экологического преступления, уровень познаний методик раскрытия экологических преступлений.

Однако решение задач, связанных с расследованием и разрешением уголовных дел по экологическим преступлениям, обусловлено не только регулированием меры уголовной ответственности и совершенствованием деятельности следователя, дознавателя, связанной с эффективным расследованием и обеспечением прав потерпевших от этих преступлений, но и решением вопросов профилактики, выработкой рекомендаций по недопущению совершения данных преступлений.

[1] https://www.novayagazeta.ru/news/2018/09/14/145074-v-fsb-i-sk-napravili-zayavlenie-o-vozbuzhdenii-dela-protiv-vlastey-ukrainy-posle-vybrosa-vrednyh-veschestv-v-krymu.

В. Ю Яргутова[1],
преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и
бухгалтерского учета
Нижегородской академии МВД России

ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕ И ЕГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛУ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Согласно проведенному анализу судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности специалистов нередко допрашивают. Одной из причин вызова в суд специалиста является необходимость разъяснения подготовленных ими заключений, а также вопросов, возникающих у суда и сторон, для ответа на которые необходимы специальные знания.

В подтверждение важности подобных допросов мы хотели бы остановиться на отдельном приговоре суда.

Рассмотрим приговор суда по обвинению гр. Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями, то есть использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации в целях извлечения выгод и преимуществ для других лиц, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам организации).

[1] © Яргутова В. Ю., 2019.

Первоначально обозначим схему преступления. Гражданин Л., являясь директором Научно-технического центра, будучи осведомленным в нуждаемости НТЦ в стендах испытания датчиков силы (СИДС), поручил подчиненному ему заместителю найти контрагента для изготовления СИДС в количестве 14 штук по разработанной сотрудниками его филиала конструкторской документации для последующего приобретения данных стендов в целях использования для нужд предприятия. Договорившись о максимально низкой цене изготовления указанного оборудования, стоимость которого составляла 446 353 руб. 88 коп., с целью извлечения выгод и преимуществ для вновь созданной по его указанию ООО 2, в состав учредителей которого была включена его родная сестра, а также мать его знакомой, он отказался от заключения договора поставки с ООО 1, уступив возможность его заключения ООО 2. Договор был заключен. В последующем с данной организацией Л. от имени НТЦ заключил заведомо убыточный договор аренды 14 штук СИДС с арендной платой 630 000 руб. в мес., которая существенно превышала стоимость данного оборудования.

В данном случае в суде важное значение имели показания специалистов, однако стоит заметить, что допрашивались они в качестве свидетелей. Мы считаем данную позицию ошибочной, поскольку ранее данные лица были привлечены в досудебное производство как специалисты, поэтому и в суде они должны быть допрошены в качестве специалистов.

Особый интерес представляет отчет специалиста, подготовленный сотрудником ООО, занимающегося оценкой имущества. Данный

сотрудник был допрошен в суде, как свидетель. Согласно его показаниям, по просьбе Л. он подготовил отчет оценки аренды СИДС в количестве 14 шт. В период предварительного следствия, сообщая те же обстоятельства, свидетель указывал, что своими действиями Л. ввел его в заблуждение. После ознакомления с договором о поставке СИДС в количестве 14 шт. по цене 31 882 руб. 42 коп., на общую сумму 446 353 руб. 88 коп., указывал, что в случае, если бы Л. представил ему данный договор, то он использовал бы цену СИДС по этому договору в расчете оценки арендных платежей, и она составляла бы сумму значительно меньшую, чем указано в отчете. Суд представленный отчет не признал допустимым и относимым доказательством, поскольку, как было установлено в ходе допроса, дата, указанная в отчете как время производства оценки, не соответствует дате ее фактического проведения; при исследовании рассчитывалась арендная плата совершенно иного, более дорогостоящего оборудования.

Также в судебном заседании было исследовано еще одно заключение специалиста, в котором были сделаны следующие выводы: согласно инвентаризационным документам и регистрам бухгалтерского учета, стенды СИДС были учтены на забалансовом учете НТЦ в количестве 14 штук по договорной стоимости 11 340 000 руб. Наличие арендованных СИДС документально подтверждено в полном объеме. Экономический эффект от проведения работ по калибровке и сервисному обслуживанию устройств СИТОВ положительный.

Специалист, подготовившая данное заключение, по ходатайству защиты была допрошена в суде. Она указала, что по запросу адвоката, на возмездной основе, являясь директором бухгалтерской компании, проводила исследование с целью разрешения вопросов: подтверждается ли результатами инвентаризации наличие СИДС в организации и прибыльности деятельности по применению СИТОВ с использованием СИДС. С ее точки зрения, НТЦ, являясь филиалом, не имело возможности принять самостоятельное решение о приобретении СИДС.

Таким образом, допрос специалиста в суде важен, поскольку именно он помогает судье разобраться в схеме преступления, правильным образом проанализировать заключение специалиста и принять справедливое решение.

Сборник материалов
научно-методологического семинара в рамках
проекта «Пропаганда научных знаний»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

под редакцией
доктора юридических наук, профессора О. В. Химичевой

Компьютерная верстка М. А. Калинина
Усл.-печ. л. 13,2
Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.